

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ
КОМИССИИ

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1966 · ЛЕНИНГРАД

Редактор
акад. М. П. АЛЕКСЕЕВ

7-2-2
234-65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск «Временника Пушкинской комиссии» Академии наук СССР продолжает издание, начатое комиссией в 1963 г. Задачи «Временника» как постоянного органа комиссии остаются прежними: периодически освещать все сколько-нибудь примечательные события, происшедшие в процессе изучения жизни и творчества Пушкина, а также популяризировать его наследие, представляя сводные, по возможности полные обзоры многообразных отражений личности и произведений великого русского поэта в литературе, искусстве, различных сферах культурной жизни.

Первый выпуск «Временника» в основном был посвящен итогам 125-летней годовщины со дня гибели поэта, широко отмеченной в 1962 г. как в нашей стране, так и за рубежом. Второй выпуск охватывает материал за весь 1963 г., но, так как по ряду технических причин выпуск его в свет задержался, в отдельных случаях приводятся данные, относящиеся к 1964 г. С другой стороны, поскольку в опубликованных в первом выпуске библиографических обзорах и хронике могли быть учтены данные, полученные комиссией только до сентября 1962 г., в настоящем выпуске приведены данные, относящиеся также и к последним трем месяцам 1962 г. Полностью все материалы о Пушкине за 1964 г. найдут свое отражение в третьем выпуске «Временника».

Настоящий выпуск «Временника» сохраняет прежнюю структуру издания. В первом разделе две статьи пополняют начатую ранее серию публикаций («Последние приобретения Пушкинского рукописного фонда»), долженствующую периодически оповещать о находках новых рукописей поэта. Вслед за подробным описанием и исследованием чрезвычайно интересных автографических записей Пушкина на экземпляре русского издания романа В. Скотта «Айвенго» в этом же отделе читатель найдет данные о недавно найденном в Париже новом автографе элегии «На холмах Грузии», а также ряд мелких заметок, относящихся к произведениям поэта; эти заметки, основанные на неизвестных или не учтенных прежде данных, представляют

собой небольшие этюды и могут послужить материалами к будущему комментированному изданию сочинений Пушкина или к истории его жизни. Во втором разделе помещены библиографические обзоры книг о Пушкине (за 1963 г.): «пушкинианы» в периодике и сборниках статей за то же время, статей, посвященных вопросам языка и стиля. Третий раздел, как и ранее, целиком отведен материалам хроникального характера.

Все цитаты из Пушкина в текстах нижеследующих статей даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина, (тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949) в такой форме: Акад., том и страница или номер письма.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

НОВЫЕ АВТОГРАФЫ ПУШКИНА НА РУССКОМ ИЗДАНИИ «АЙВЕНГО» ВАЛЬТЕРА СКОТТА

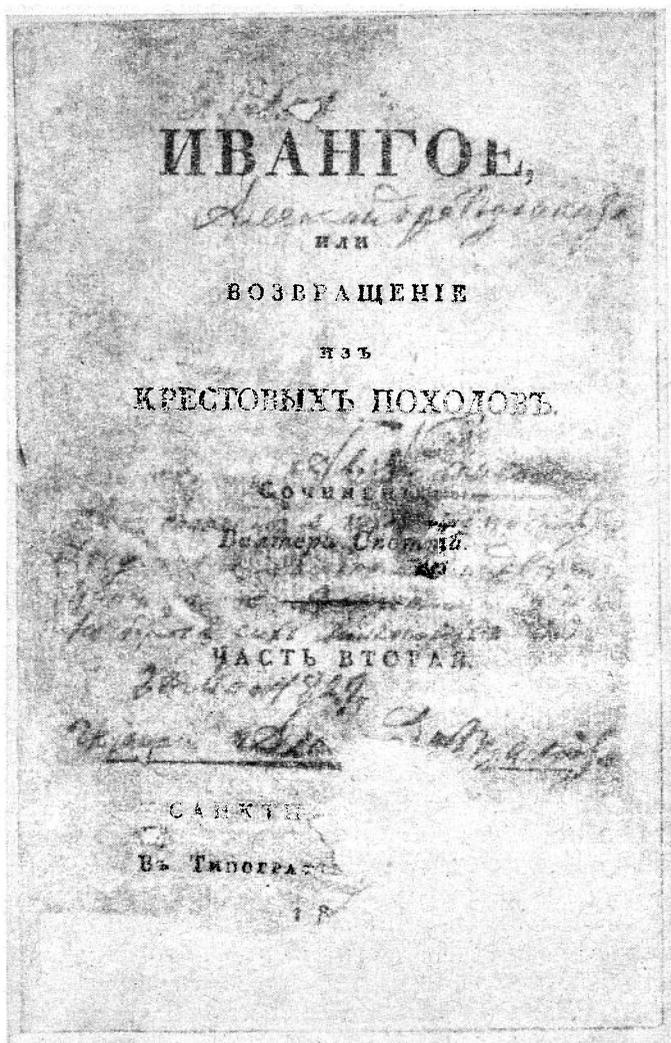
1. АВТОГРАФЫ НА КНИГЕ

Осенью 1963 г. собрание автографов Пушкина, хранящееся в Пушкинском доме, пополнилось несколькими неизвестными автографами поэта. Это записи и рисунки на книге: Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. Сочинение Валтера Скотта. Часть вторая. Санкт-Петербург (ПД, № 1733).¹ Год издания книги (1826) на этом экземпляре отсутствует — титульный лист оборван. Листы хранят следы плесени, даже грязи — книга лежала в сырости. На титуле и на следующем листе — еле видные строки. Написанные коричневыми орешковыми чернилами, они совершенно вылиняли. Лучше читается текст на фотоснимках, сделанных в ультрафиолетовых лучах.²

На титульном листе книги, наверху, написано: *St. Petersburg*. (слово записано сокращенно и сохранилось не полностью, бумага прорвана, и кусок ее выпал). Рядом, может быть, начало единицы (вероятно, была дата, но она не сохранилась), угол листка оборван. Следующая строка: *Александр Пушкин*. Это запись поэта о принадлежности ему книги, сделанная, вероятно, при ее покупке. Ниже, справа, в край страницы написано *Ал. Ал. Раменскому*.

¹ См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. Сост. О. Соловьева. М.—Л., 1964, стр. 85 (№ 1733). Предварительная публикация этих автографов сделана Н. А. Дилигенской в статье «Находка в Мологине» («Литературная газета», 1962, 27 декабря № 153). См. также заметки: Т. Лазарева. Одну Россию в мире вида. Новый автограф Пушкина. «Вечерний Ленинград», 1963, 23 октября, № 251; Н. Дилигенская. Реликвии рода Раменских. «Литературная Россия», 1963, 2 августа, № 31.

² Фотографирование, расчистка и реставрация этих листов произведены в Институте марксизма-ленинизма сотрудниками фотолaborатории и лабораторий реставрации М. Я. Лебедевой и Н. Ф. Анисимовой.

Автограф Пушкина на титульном листе романа В. Скотта «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов», 1826 г.

И В А Н Г О Е

или

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗЪ КРЕСТОВЫХЪ
ПОХОДОВЪ.

Г л а в а I.

Въ одной изъ лучшихъ частей Англии, тамъ, гдѣ протѣкаетъ рѣка Донъ, находится некогда обширный лѣсъ, произраспавшій по горамъ и долинамъ между Шеффилдомъ и Донкастеромъ. Въ богатыхъ владѣнiяхъ Вентворца и Банксфильдскаго парка, и въ окрестностяхъ Ротергема еще и нынѣ видны осипатки онаго. Тамъ, какъ говоритъ преданiе, обиталъ баснословный драконъ Ванплейскiй, производившiй ужасныя спустошенiя; тамъ, во время междоусобной войны Красной и Бѣлой Розъ, происходили кровопролитнѣйшiя битвы; тамъ, наконецъ, укрывались скопища браконьеровъ (*).

(* Нарушители законовъ въ сѣ.

Автографъ Пушкина на странице романа В. Скотта
«Ивангое», 1826 г.

Следуют четыре стихотворные строчки:

*Как счастлив я когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы
На берега сих молчаливых вод.*

Под стихами — дата: неотчетливо написанное число и месяц и ясно написанный год: 1829.

Ниже: *Грузины* и подпись: *Александр Пушкин*.

На следующем листке — зачеркнутые строки и рисунки: виселица с пятью повешенными; над нею — весы; ниже — мужская голова в профиль. Характерные пушкинские рисунки.

Маловероятно, чтобы Пушкин надписал и подарил книгу, на втором листке которой изображены казненные декабристы и зачеркнуты какие-то строки. При внимательном рассмотрении книги выясняется, что глава 1, в начале которой сделаны рисунки и написаны строчки, затем зачеркнутые, начинающаяся словами: «В одной из лучших частей Англии, там, где протекает река Дон», открывает первую часть романа; титул же с автографами дарственной надписи относится к части второй. В таком неправильно составленном виде стала известной эта книга исследователям. Она в переплете, из которого, видимо, выбывалась. Сшита крупными, кривыми стежками, самодельно.

Корешок переплета старый, светло-коричневой кожи, с вытисненным на нем золотом изящным орнаментом пушкинской эпохи; там же выгравирован золотом текст: «В. Скотт (Ивангое) 1.2».

Судя по этому корешку, обе части были переплетены вместе еще в тридцатые годы. Крышки переплета — передняя и задняя — чужие, от скромного бумажного переплета; полоски кожи около корешка красные, не соответствующие корешку книги. Это следы позднейшей домашней реставрации.

То, что теперь является одной книгой, в то время, когда роман принадлежал Пушкину, было двумя отдельными книгами без переплета, в обложках: не говоря о том, что не стал бы Пушкин писать дарственную надпись внутри книги (надпись сделана, как уже сказано, на второй части романа), все четыре части «Ивангое» напечатаны были отдельными книжками. Вышли в свет они все в один день, в июле 1826 г.³ Приобрел Пушкин роман, вероятно, весной 1827 г., когда в конце мая он впервые после возвращения из ссылки приехал в Петербург.

³ Несмотря на то что все четыре книжки имеют разные даты цензурных разрешений (ч. I — 27 февраля 1824 г., ч. II — 27 августа 1824 г., ч. III — 9 марта 1825 г., ч. IV — 16 марта 1825 г.), все они получили билет на выпуск в цензуре в один день — 12 июля 1826 г. (ЦГИАЛ, фонд Санкт-Петербургского цензурного комитета (777), оп. 1 (1804—1849 гг.), № 514, л. 76). Выражаю благодарность В. Б. Салдомирской за эти данные, извлеченные из архива,

Была ли надпись на первой части, неизвестно: ни обложки, ни титула не сохранилось. (Приобретая книги, Пушкин иной раз надписывал их, а чаще не надписывал). Подарил он, конечно, весь роман. Не исключено, что в остатках библиотеки Раменских и отыщутся еще две последние части «Иванго».

Объяснить то, что Пушкин надписал Раменскому вторую часть романа, а не первую, следует, может быть, тем, что в первой части был рисунок виселицы и строки, которые он зачеркнул, вероятно, даря книгу.

«Айвенго» Пушкин читал несомненно вскоре по выходе романа (он вышел в оригинальном тексте и в переводе на французский язык в 1820 г.): в 1821 г. появляется в его стихах прозвище «еврейка», утвердившееся в Кишиневе за молдаванкой М. Е. Эйхфельдт (рожденной Мило), у которой находили сходство в героиней «Айвенго» — Ревеккой.⁴ Однако тогда Пушкин мог читать роман лишь во французском переводе. А в 1829 г. у него в руках оказался первый перевод романа на русский язык.⁵ Интересом к этому изданию и объясняется, быть может, то обстоятельство, что он вез эту книгу из Петербурга. Но главная причина была, конечно, та, что он ехал в дальнее путешествие и брал в дорогу книги, рассчитанные на длительное чтение.

2. ДАТА

В надписи, которую Пушкин сделал, даря книгу, год читается бесспорно: 1829. Число и месяц как будто написаны потом; они вписаны и уперлись в год. Поэтому вместо полного названия месяца написано: *Ма* и еще какая-то неясная буква. Если предположить, что год написан раньше, то странным может показаться, что он написан посреди строки, а не слева, как обычно писал его Пушкин в датах. Это редкое написание шло в один ряд с надписью: *Ал. Ал. Раменскому*. (К тому же есть у Пушкина такие случаи — например, в письме к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. (ПД, № 1264) дата написана посередине строки).

Буквы начала месяца — *Ма* — похожи на почерк Пушкина. Но цифра перед месяцем (которую можно прочесть, скорее всего, как 2 или 8) написана так, как Пушкин никогда не писал. Не вписал ли точную дату получения от Пушкина подарка Ал. Ал. Раменский?

Ниже даты написано название имени: *Грузины*. Значит, книга надписана там.

Название Грузины повторяется на плане, начерченном неизвестной рукой на последней странице первой части «Иванго».

⁴ См.: П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 190.

⁵ Переводчиком интересующего нас анонимного издания был Ковтырев (см.: Вальтер Скотт. К 125-летию со дня смерти. М., 1958, стр. 44).

Там показаны путь от Петербурга до Москвы и расположение имения Грузины. Отмечены следующие пункты: Слб.—Новгород—Торжок—Тверь—Москва. От Торжка показана дорога на северо-запад от почтового тракта и отмечен пункт: Грузины. Рядом нарисован условный знак церкви: ♂, означающий, что в этой местности расположена церковь, что Грузины являются селом. Правее почтового тракта написано «К Полторацкому» и проведена стрелка к Грузинам. Церковь обозначена и около Новгорода, название которого написано как будто рукою Пушкина. Похожи и обозначения сел, условные знаки церквей на те, какие применял Пушкин.⁶

Можно предположить, что когда Пушкин собирался из Петербурга в Москву, кто-то рисовал ему, как проехать к Полторацкому.

Попробуем установить, когда именно в 1829 г. мог быть Пушкин в Грузинах.

Об отъезде Пушкина из Петербурга в Тифлис (это был единственный выезд его из Петербурга в 1829 г.) докладывали Бенкендорфу сотрудники III отделения. Листок с их сообщениями сохранился. Вот что там написано (начало — рукою неустановленного лица, два последних абзаца — рукою М. Я. Фон-Фока, помощника шефа жандармов Бенкендорфа): «Я вам сказывал, что Пушкин поехал отсюда в деревню, и один. Вот первое о нем известие от собачонки его, Сомова. Что далее узнаю, сообщу<...>⁷

«Пушкин пробудет, как уверяют его здешние друзья, несколько времени в Москве, и как он из тех людей, qui tournent au gré de leur allumette,⁸ то, может быть, или вовсе останется в Москве, или прикатит сюда назад.

«Пушкин выехал отсюда по подорожной, выданной из Военно-губернаторской канцелярии на основании свидетельства частного пристава Моллера. — Подорожная выдана 5-го марта, а Пушкин выехал 9-го».⁹

С этой даты и начинают хронологию его поездки.¹⁰ Есть к ней и поправка: «Надо думать, что отъезд Пушкина в Москву состоялся не 9 марта, а не ранее 10 марта».¹¹ Эта поправка была вызвана тем, что на письме П. А. и В. Ф. Вяземских к Пушкину из с. Мещерского Саратовской губ. от 23 февраля 1829 г. есть приписка: «Bon voyage, M-r Pouchkin. 10 mars».¹² Впоследствии

⁶ См., например, чертеж карты Украины, воспроизведенный в книге М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер «Рукою Пушкина» (Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 400, 401).

⁷ Опускаем часть донесения, не относящуюся к нашей теме.

⁸ которые находятся во власти своих прихотей.

⁹ Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906, стр. 82.

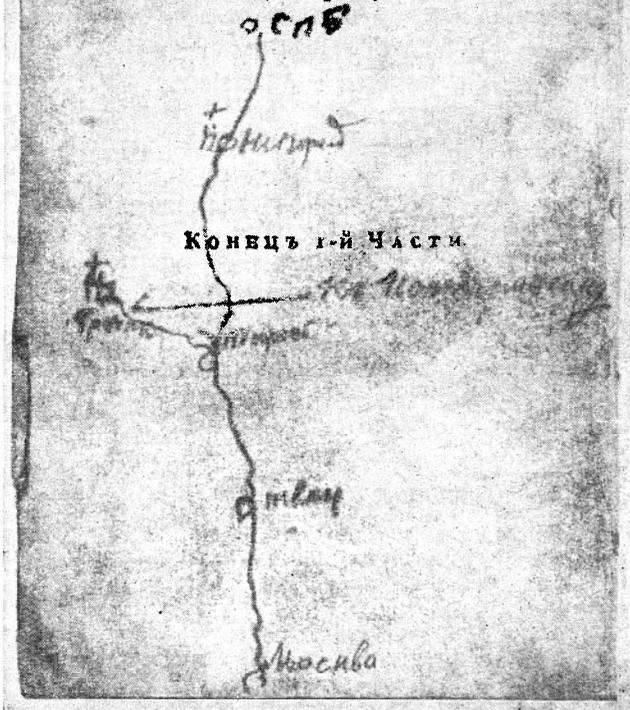
¹⁰ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 184.

¹¹ Там же, стр. 457.

¹² Счастливого пути, господин Пушкин. 10 марта.

дѣлали оное для него еще болѣе необходимымъ.

Рыцарь легъ на богатую постелью, приготовленную для него по распоряженію Маршаловъ, а вѣрный Гуртъ расположился на землѣ, подославъ подъ себя медвѣжій мѣхъ, у самаго входа въ шатеръ, для того, чтобъ никто не могъ въ оный войши, не разбудивъ его.

План, начертанный неизвестной рукой на странице «Иванго» В. Скотта.

было установлено, что приписка сделана рукой Е. А. Карамзиной.¹³ (Очевидно, Вяземский послал это письмо Пушкину в Петербург на квартиру своей сводной сестры). Можно было предполагать, что, получив письмо Вяземского, Карамзина успела послать его с кем-нибудь из своих слуг уезжавшему в этот день Пушкину. Эти положения, однако, опровергаются публикуемыми в настоящей статье данными.

Почтовый тракт из Петербурга в Москву шел тогда через Новгород, Торжок, Тверь. Этот маршрут отразился в «Путешествии Онегина»:

Коляска легкая в дороге
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород великой...
Мелькают мельком будто тени
Пред пим Валдай, Торжок и Тверь...¹⁴

Расстояние по почтовому тракту от Петербурга до Москвы было 720¹/₂ верст¹⁵ (по проложенному впоследствии железнодорожному пути дорога стала короче — в ней оказалось всего 609 верст). До Торжка от Петербурга 494¹/₂ версты. «В среднем можно было проехать 150—200 в. в сутки».¹⁶ Зимой, по санному пути, дорога легче — «почтарп должны везти в час неотменно: обыкновенных проезжающих в летнее время 10, в зимнее 12, а в осеннее 8 верст».¹⁷ Лето считалось с 15 мая по 15 сентября, осень — с 16 сентября по 30 ноября, зима — с 1 декабря по 15 марта, весна — с 16 марта по 14 мая.¹⁸

Если бы Пушкин выехал из Петербурга 9 марта, как записал Фон-Фок для сведения Бенкендорфу, то в Торжок он должен был бы приехать числа 11—12 (нам неизвестны часы отъезда). В таком случае дата на книге, надписанной Пушкиным в Грузинах, должна была бы быть двузначной, начинающейся с единицы. Двузначна ли она или однозначна, мы не имеем возможности судить, потому что между датой и названием месяца бумага прорвана (она подклеена с изнанки, что вводит в заблуждение при рассматривании фотографии и факсимиле). Расстояние

¹³ Акад., XIV, 304.

¹⁴ Акад., VI, 496.

¹⁵ Версты исчисляются в настоящей статье по кн.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, расписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издач. . . от Почтового департамента. СПб., 1824, стр. 2.

¹⁶ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина, т. I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 728.

¹⁷ Почтовый дорожник. . . , стр. 432.

¹⁸ Основываюсь на том, что в «Почтовом дорожнике» 1824 г., в главе «Расписание, в какое время, по сколько почтовых лошадей и в какие экипажи запрягать для проезжающих» есть графа: «Сколько запрягать лошадей» «с 1 декабря марта по 15 и с 15 мая по 15 сентября» и «в прочее время года» (стр. 427).

между цифрой и названием месяца тоже не может решать вопроса, потому что, по-видимому, число и месяц вписаны после года. Итак, если дата двузначная, то она должна была бы начинаться с единицы. Но цифра эта — никак не 1. Это, скорее, 2 или 8.

Приходится думать, что агенты Фон-Фока дали ему ошибочные сведения (как это не раз бывало с агентурными донесениями), и Пушкин выехал не 9-го, а ранее. Чтобы быть 8—9 марта в Грузинах, надо было выехать из Петербурга 6—7 марта (расстояние от Торжка до Грузин — 14 верст — Пушкин мог проехать за час—полтора, свернув с почтового тракта, на «вольных» лошадях).¹⁹

Однако надписал Пушкин книгу Раменскому, конечно, не в первые часы по приезде в Грузины. Вернее предположить, что он выехал еще на сутки ранее — 5—6 марта, т. е. в день получения подорожной²⁰ или на следующий день. В таком случае он приехал в Грузины 7—8 марта, книгу же надписал 8 марта.

Относительно приписки Карамзиной на письме к Пушкину 10 марта следует, по-видимому, предположить, что она переслала ему письмо в Москву и счастливого пути желала ему от Москвы до Тифлиса.

Мы не имеем возможности установить, сколько времени пробыл Пушкин в Грузинах. Неизвестно, когда точно он приехал в Москву.²¹ Самая ранняя дата, свидетельствующая о его пребывании в эти дни в Москве, — это 20 марта (вечер у Булгаковых).²² Но несомненно приехал он раньше — 21 марта В. Л. Пушкин пишет Вяземскому: «Александр Пушкин здесь и едет в Тифлис, к брату. Вчера он избран в члены пресловутого нашего Англинского клуба».²³ И по тексту, и по тону видно, что Пушкин приехал не накануне, что он в Москве уже несколько дней, вероятно, не позднее числа 18-го. А может быть, и не позднее

¹⁹ «Вольные» лошади — наемные, не почтовые (см. примеры из «Станционного смотрителя» и «Истории села Горюхина» в «Словаре языка Пушкина», т. I (М., 1956, стр. 347)).

²⁰ Подорожная на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно подписана Санкт-петербургским почтдиректором К. Я. Булгаковым 4 марта 1829 г. (см. «Литературный архив», т. I (Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 4—5), где даны текст подорожной и факсимиле ее). Выдана подорожная Пушкину 5 марта (см. выше, стр. 10).

²¹ С 1826 г. в Москве выходила газета «Ежедневные известия о приезжающих» (Издатель Кузнецов. In. 4°). Данные о ней обнаружены мною в архиве С. Д. Полторацкого (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей ф. 233, 5/23). Однако ни в одной из крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда найти эту газету не удалось. Выражаю благодарность Г. А. Галину и В. Б. Сандомирской за розыски.

²² См. письмо А. Я. Булгакова от 21 марта 1829 г. к брату К. Я. Булгакову, в котором он рассказывает о вечере, проведенном у него в семье Пушкиным накануне («Русский архив», 1901, № 11, стр. 298—299).

²³ Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 89.

15 марта (это число было последним днем более дешевого зимнего тарифа. В зимнее и летнее время впрягали лошадей меньше, нежели в весеннее и осеннее. Так, «в обыкновенные двухместные дорожные коляски. . . едущему одному или двум» (а именно так ехал в начале марта 1829 г. Пушкин из Петербурга — в своей «тяжелой петербургской коляске»,²⁴ он держал путь на Кавказ, лошадей почтовых ему меняли на станциях) в зимний и летний период впрягали по три лошади, а в весенний и осенний — по четыре).²⁵

Если Пушкин приехал в Москву 15—18 марта, то выехал он из Грузии числа 14—17-го: расстояние от Торжка до Москвы — 226 верст — он должен был проехать за сутки с небольшим.

Итак, Пушкин мог провести весною 1829 г. у Полторацких под Торжком несколько дней — от 7—8 по 14—17 марта, разъезжая по обычаю своему и в имения дружественных ему Вульффов — Малинники, Павловское, Берново, отстоявшие от Грузии на пятьдесят верст.

3. ГРУЗИНЫ ПОЛТОРАЦКИХ

Что же представляли собой Грузины, которые войдут теперь в историю русской культуры как место, связанное с пребыванием там Пушкина?

«Усадьба поражала свою громадностью. Дом в Грузинах по масштабу и отделке мог назваться дворцом. Кроме огромной с хорами залы и знаменитой внизу галереи, в его трех этажах и двух смежных флигелях было до 120 комнат.²⁶ Все хозяйственные постройки соответствовали главному дому. Конный двор вмещал до 250 лошадей. Скотный двор из жженого кирпича, как и конный, с черепичною крышей, отличной старинной выделки, вмещал в себе до 600 штук рогатого скота, крупного, независимо от отдельных помещений для мелкого. В таких же размерах обширные риги, оранжереи, теплицы, грунты, мастерские и проч. Церковь во имя Грузинской Божией матери²⁷ напоминала скорее собор;²⁸ крестьянские даже избы и те построены вдоль большой Старицкой дороги из жженого кирпича с черепичными крышами. Кроме того, там находился еще каменный старинный винокуренный завод. . . Наконец, в довершение полностью усадьбы, перед господским домом сад с роскошными цветниками, а за ним парк

²⁴ Описывая трудный путь по Военно-Грузинской дороге в мае 1829 г., Пушкин пишет: «Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса» («Путешествие в Арзрум», гл. 1. Акад., VIII, кн. 1, 453).

²⁵ Почтовый дорожник. . ., стр. 428.

²⁶ Н. А. Дилigentская сообщает, что дом в Грузинах сохранился и в нем расположен Дом инвалидов.

²⁷ Отсюда, вероятно, и название Грузины.

²⁸ Церковь взорвана.

на 25 десятинах земли с рекой, прудами, островами, мостиками, беседками, статуями и бесчисленными затеями».²⁹ Так рассказывает Владимир Алексеевич Полторацкий в 1840-х годах.

«Великолепный замок, построенный Растрелли», «гостиную, отделанную розовым мрамором», «золотом и мрамором отделанные апартаменты» вспоминает и А. П. Керн, часто гостившая в Грузии в детстве и в юности.³⁰

Владельцем этого имения после смерти матери (в 1822 г.) был Константин Маркович Полторацкий (1782—1858), генерал-майор. Он был одним из сыновей основателя рода, Марка Федоровича Полторацкого (1729—1795), вышедшего из певчих в директоры Придворной певческой капеллы. Это о его чиновном гоноре записал Пушкин анекдот с репликой ему Потемкина: «Какой ты генерал? Ты генерал-бас».³¹

Можно, конечно, допустить, что свернул Пушкин с большой почтовой дороги ради того, чтобы увидеть хозяина Грузин: Константин Маркович был боевым генералом, участником Отечественной войны. Много любопытного мог услышать такой жадный собиратель исторических анекдотов, каким был Пушкин, от этого «идеально добродушного человека», который «без умолку рассказывал... эпизоды из войн в начале... столетия, а особенно подробно об Аустерлице, за который в петлице его красовался Георгиевский крест».³² Он был другом Ермолова. Он беседовал однажды с Наполеоном на военные темы. (О знакомстве Пушкина с ним до сих пор известно не было).

Но мог привлечь Пушкина в Грузины и кто-нибудь из родственников помещика, постоянно наезжавших гостить к этому «истинно радушному хозяину».

Пушкин знал многих Полторацких. Из детей Марка Федоровича он был знаком с дочерью его Елизаветой Марковной Олениной, матерью Анны Алексеевны, девушки, которой посвящен большой цикл его лирических стихотворений 1828 г., с Петром Марковичем, отцом Анны Петровны Керн. О веселых проделках Петра Марковича в Тверской губернии рассказывает Пушкин в одном из писем из Малиниников от ноября 1828 г.³³

Был Пушкин знаком и с многими внуками Марка Федоровича: кроме названных Олениной, ее братьев и сестры, кроме А. П. Керн, он знал и Александра Павловича Полторацкого,

²⁹ В. А. Полторацкий. Воспоминания. «Исторический вестник», 1893, январь, стр. 48—49.

³⁰ А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 27—28. Историк архитектуры А. М. Харламова, сделавшая 1 марта 1963 г. доклад «Усадьба середины XVIII века „Грузины“ близ Торжка» на мой вопрос, не удалось ли ей установить имя архитектора, строившего Грузины, ответила отрицательно.

³¹ Акад., XII, 173.

³² В. А. Полторацкий. Воспоминания, стр. 49.

³³ Письмо к А. А. Дельвигу — Акад., XIV, № 395.

с которым встретился у Оленных в 1819 г.,³⁴ Алексея Павловича и Михаила Александровича Полторацких, с которыми общался в Кишиневе, где они занимались топографическими съемками. Этим офицерам (вместе с двумя другими) написал по поводу бывшего у них обеда в честь уезжавшего товарища их В. Т. Кека стихотворение «Друзья» («Вчера был день разлуки шумной. . .»)³⁵ Михаила Александровича встречал Пушкин и в 1828 г. в Петербурге.³⁶

Ради кого из них мог Пушкин захватить в марте 1829 г. к К. М. Полторацкому в Грузины — сказать трудно. С Олениной к этому времени отношения совершенно изменились. Керп он видел постоянно в Петербурге. Решительно отвергнуть надо возможность симпатии его в это время к А. П. Полторацкому (вероятно Александру Павловичу). Незадолго нанес он Пушкину жесточайшую обиду. Он был одним из приятелей Пушкина; летом 1828 г. Пушкин проводил время с П. А. Вяземским, Сергеем Голицыным (Фирсом), С. Д. Киселевым, А. А. Олсниным, Александром Павловичем и Михаилом Александровичем Полторацкими.³⁷ А затем все разъехались. И 1 сентября Пушкин пишет Вяземскому письмо, в черновике которого он делает на полях вставку — приписку о Полторацких. Вот текст этой убийственной приписки:

«Полтор<ацкие> <?> уехали в <нрзб.> и А. П. <?> [распустил] сбол<тнул> в Твери <?>, что я шпион,³⁸ получаю за то 2500 в месяц <?>, [сумма] (которые очень бы [н<ам>] мне пригодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются трою<ро>дн<ые> братцы за местами <?> и за мшлостями <?> [за <нрзб>] царскими <?>».³⁹

Переписывая письмо для отправки, Пушкин опустил эти строки, но гнусной сплетни он не забыл. Вот что читаем мы об Онсгине в черновиках романа, в стихах, написанных год спустя и являющихся живым сколком с тех противоречивых откликов, которые вызывало в эти годы появление в столицах самого поэта:

Замечен он. О нем толкует
Разноречивая молва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.⁴⁰

³⁴ См.: А. П. Керп. Воспоминания, стр. 243—244.

³⁵ Акад., II, кн. 1, 241 и кн. 2, 740.

³⁶ См.: Т. Г. Цявловская. Дневник Олениной. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 258.

³⁷ Там же, стр. 258.

³⁸ Шпион — в значении, употреблявшемся в то время: лицо, занимающееся слежкой за кем-нибудь с целью доноса, доносчик (см.: «Словарь языка Пушкина», т. IV, М., 1961, стр. 983).

³⁹ Акад., XIV, 266. Тут же и факсимиле.

⁴⁰ Акад., VI, 497 (черновая рукопись «Путешествия Опегина»).

Ближе всех Полторацких был Пушкину, вероятно, Сергей Дмитриевич, молодой человек, сотрудник «Московского телеграфа» и «Revue encyclopédique», горячий пропагандист творчества Пушкина во Франции,⁴¹ известный впоследствии библиотекарь. «Ты совершенно забыл меня, мой милый. А. П.», — такую записку послал ему Пушкин через несколько дней после приезда в Москву из Грузии 25 марта.⁴² Необыкновенно интимный тон записки свидетельствует об особенной симпатии и постоянном общении Пушкина с С. Д. Полторацким в это время. Был ли этот приятель Пушкина в первой половине марта 1829 г. в Грузии, установить не удалось: в феврале 1829 г. он был в Москве,⁴³ так же как и 25 марта, но это еще не значит, что в начале марта он не мог быть в Грузии у очень его любившего дядюшки.⁴⁴ Не исключено, что для совместного пребывания с Сергеем Дмитриевичем Полторацким у Константина Марковича и свернул Пушкин на пути в Москву от Торжка в Грузины.

4. АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РАМЕНСКИЙ

Об Алексее Алексеевиче Раменском, которому Пушкин написал «Ивангое», до сих пор в материале о Пушкине никаких сведений не было. Имя его нигде в пушкиниане не упоминается.⁴⁵

Теперь узнали мы об этом человеке то, что рассказывал его внук Николай Пахомович Раменский (1856—1936) своему внуку Антонину Аркадьевичу Раменскому, передавшему надписанную Пушкиным Алексею Алексеевичу книгу в Пушкинский дом.

⁴¹ См.: Ф. Я. Прийма. С. Д. Полторацкий как пропагандист Пушкина во Франции. «Литературное наследство», т. 58, стр. 298—307.

⁴² Акад., XIV, 40. Записка сложена и запечатана сургучом, что указывает на то, что она писалась не у Полторацкого, которого Пушкин не застал, а посылалась с человеком.

⁴³ См. письмо к издателям журналов «Ostsee Provinzen Blatt», «Rigische Stadtblätter», Москва, 1829, февраль (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 233 (С. Д. Полторацкого), 2/63); письмо к издателям «Pernausches Wochenblatt», Москва, 1829, февраль (там же, 2/64). (Оба письма — собственноручные копии С. Д. Полторацкого).

⁴⁴ «Mon coeur a besoin de voir un être aussi bon et aimable que vous (сердцу моему нужно видеть существо столь доброе и приятное, как ты)», — писал К. М. Полторацкий Сергею Дмитриевичу 2 июля 1849 г. (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 233 (С. Д. Полторацкого), 2/48).

⁴⁵ Для разыскания данных об Алексее Алексеевиче Раменском просмотрены картотеки Б. Л. Модзалевского, Л. Б. Модзалевского, В. И. Савтова, С. А. Венгерова. Просмотрены также рукописные каталоги отдела рукописей Пушкинского дома, Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центрального государственного архива литературы и искусства. Обнаружено множество данных о нескольких Раменских, учителях, литераторах но об Алексее Алексеевиче нигде сведений не найдено. Выражаю благодарность В. Б. Сандомирской, В. Н. Стефонович и М. П. Султан-Шах за эти розыски и выписки. О Раменских см. также: М. С. Маковеев. Династия учителей Раменских. Изд. «Советская Россия», М., 1963, стр. 8—9 (издана до находки книги В. Скотта с автографом Пушкина).

А. А. Раменский (последний владелец книги) не раз записывал рассказы деда с его слов. Он разыскал свои старые записные книжки с этими записями (мы видели их) и любезно предоставил нам копии воспоминаний Н. П. Раменского.⁴⁶

«Село Мологино — древнее, торговое, дороги на Новгород, Ржев, Торжок, Москву. Раменские здесь живут без малого лет двести. По преданиям и книгам старинным, первым учителем был Алексей. Как говорят, из болгар». «Первоначально фамилия Раменских была Рамяновы». Учился Алексей в Москве вместе с Радищевым. В семье Раменских хранилась реликвия — табель-календарь на 1762 г. с пометами Радищева. В 1763 г. А. Раменский выехал из Москвы «с одним тверским помещиком в домашние учителя, да Тверь в тот год выгорела, и уехал Алексей под Старицу в Мологино, где школу открыл цыфирную. Народ ее содержал, мужики торговые. Лет пятьдесят учил Алексей грамоте народ, очень его уважали и подарили ему пустошь, — она и сейчас называется Раменки. . .

«После смерти Алексея стал работать его сын, Алексей Алексеевич, который до Мологина работал под Торжком в Бернове и других местах. Человек он был грамотный, начитанный, привез библиотеку и был знаком с многими писателями того времени. Знаком он был и был в особенно хороших отношениях с Карамзиным, который в то время писал русскую историю. Ал. Ал. был у него корреспондентом. Он собирал для Карамзина материалы по Тверской губернии. Он объехал все монастыри Ржева, Старицы, Зубцова, Торжка, где хранились старинные книги и рукописи, изучал их и готовил материалы для Карамзина, с которым был в переписке. В благодарность за это Карамзин подарил Ал. Ал. первое собрание своих сочинений». Из «Сочинений» Карамзина уцелел один лишь том VI, 1820 г. (издание третье, первое вышло в 1803—1804 гг.), который и показал нам А. А. Раменский.

«Через Карамзина, — продолжается запись Раменского, — Ал. Ал. познакомился с другими писателями — Пушкиным и Жуковским, которые бывали у помещиков проездом из Петербурга в Москву. Да и сам он ездил в Петербург.

«Однажды Николай Михайлович познакомил его с Пушкиным у помещика Полторацкого, и тот просил рассказать ему легенды и предания о Тверской губернии. Ал. Ал. не раз встречался с Пушкиным и много ему рассказывал легенд и преданий. Особенно ему понравилась легенда о русалке, когда тверской князь обманул на охоте дочку мельника и та бросилась в омут и стала русалкой. Пушкин просил показать то место, где это произошло. И вот Ал. Ал. повел Пушкина в дикий лес, где, верст 8—9 от

⁴⁶ Воспоминания бывшего учителя с. Мологина Ржевского района Калининской области Н. П. Раменского. Записаны в 1930, 1934 и 1935 гг. внуком его А. А. Раменским. Мы пользуемся первой и третьей редакциями.

Бернова, в темном лесу была старинная деревянная мельница, уже гнилая и поросшая мохом. Там никто не жил, и омут, а кругом ни души, темный лес только. Я сам ходил из Бернова на это место. Пушкину очень понравилось это место и легенда о русалке. И стал он работать над драмой „Русалка“. Как говорят, незадолго до смерти он снова бывал под Торжком и видел Ал. Ал. и подарил ему книгу с. . .».⁴⁷

Если Пушкин познакомился с Ал. Ал. Раменским через Карамзина, то это могло быть только в период между летом 1816 г., когда историк приехал в Царское Село и пост-лицейст стал его постоянным гостем, и весной 1820 г., когда Пушкин был выслан из Петербурга. Больше Карамзина он не видел — Николай Михайлович умер в 1826 г. Таким образом, первые встречи Пушкина с Раменским состоялись, судя по семейным преданиям, во время одного из приездов Раменского в Царское Село или в Петербург. Дальнейший рассказ о встрече их у помещика Полторацкого имеет в виду, вероятно, того Полторацкого, к которому Пушкин приезжал в 1829 г. в Грузины, где он надписал Раменскому книгу.⁴⁸

Кое-что из рассказов Н. П. Раменского (сведения о времени учительской деятельности Алексея Раменского и сына его Алексея Алексеевича) подтверждается и дополняется документально записями на «Письмовнике» 1811 г., в который заносились основные даты деятельности первых поколений Раменских.⁴⁹

Первая запись: «Лета 1763 года прииде в село Мологино некий учитель Алексий Раменский нареченный из Москвы-града и да помнят почал он творити дела и школу для народа создаша и жизни своей пятидесяти лет сему делу положивши.

«Прими сию книгу, яко лепту нашу от памятующих дела твоя.

«Радуйся обучивых многих селян наших. Да благословит тебя бог.

«Ог учеников и почитателей села Мологина и волости.

---

⁴⁷ Угол листа с этой записью оборван. Вероятно, не хватает слова: надписью. «Книга» Пушкина, т. е. его произведения («Стихотворения», как вспоминает Антонин Аркадьевич), долгое время хранилась в семье Раменских.

⁴⁸ Отметим, что этот эпизод рассказан не в связи с получением книжки с надписью, сделанной в имении Полторацких — на старой транскрипции текста Пушкина на листке, приложенном к книге, название Грузины не прочитано. Оно переписано: Груз. . . (Впрочем, может быть, на этот рассказ повлиял план дороги к Полторацкому, который имеется на одной из страниц книги. См. стр. 11).

⁴⁹ Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник. Изд. 5-е. СПб., 1811. Книгу эту А. А. Раменский подарил Калининскому областному краеведческому музею. Я имела случай видеть книгу и снимки с приведенных рукописных текстов (когда я и переписала эти тексты) после фотографирования листов в ультрафиолетовых лучах. Работа производилась сотрудником фотолаборатории Института марксизма-ленинизма М. Я. Лебедевой в апреле 1963 г., для чего книгу привозили из Калинина в Москву.

«Лета 1813 генваря 10 дня».⁵⁰

Другой рукописный текст в «Письмовнике»: ⁵¹

«Сия запись июля 30 дня 1817 лета я сын Алексий от 1 брака?» Раменский по соизволению начальствующих меня переведен был в школу села Мологина, что в Старицком уезде, в ту же должность отца моего учителя Алексия Раменского, что преставился в день святых Троицы.

«К сему руку приложил Алексей Раменский. 1817 года».⁵²
Это писал знакомый Пушкина.

Третья запись сделана сыном Алексея Алексеевича:

«По кончине батюшки моего учителя Алексия Раменского села Мологина определен я, сын Пахомий, на ту же должность учителем села Мологина в церковноприходской школе лета 1834 г. по 1869 год мая 17 дня и оставил оную по слабости телесной 1869 года в селе Мологине Старицкого уезда Тверской губернии. Учитель Пахомий Раменский».⁵³

Итак, Алексей Алексеевич Раменский состоял учителем в школе в селе Мологине Старицкого уезда с 1817 по 1834 г., когда он умер. Весной 1829 г., когда он встретился с Пушкиным в Грузинах, он был там гостем.

О книге Вальтера Скотта с автографами Пушкина, которой А. А. Раменский никогда у деда не видал,⁵⁴ хотя видел у него много всяких документов и автографов, А. А. Раменский расска-

---

⁵⁰ Эта дарственная надпись сделана на внутренней стороне верхней крышки переплета. Бумага потемнела, исцачкалась, запись расплылась. На вклеенном рядом листке сделана копия текста.

⁵¹ В транскрибировании текстов записей в «Письмовнике» принял участие С. М. Бонди.

⁵² Текст этот, сильно вылинявший, но читаемый несколько лучше предыдущего, написан на пустой странице между первой и второй частями «Письмовника». Рядом вклеен листок с копией сего.

⁵³ Эта запись сделана на обороте титула первой части «Письмовника». Рядом вклеен листок с переписанным текстом. Впервые записи из «Письмовника» опубликованы М. С. Маковеевым в статье «200 лет они сеяли вечное» («Красная звезда», 1961, 9 декабря, № 287). Повторено в книжке М. С. Маковеева «Династия учителей Раменских» (изд. «Советская Россия», М., 1963). Кроме указанной здесь литературы о поколениях учителей Раменских, им было посвящено еще множество статей и заметок в газетах 1961—1963 гг. Из них отметим статью, содержащую сведения об автографе В. И. Ленина в семье Раменских (Н. Дилигенская. Дар коммуниста. «Вечерняя Москва», 1961, 16 октября, № 245), а также статью, подводющую итоги о хранившихся у них автографах Ленина и Пушкина (Н. Дилигенская. Реликвии рода Раменских. «Литературная Россия», 1963, 2 августа, № 31).

⁵⁴ Отец или дед Антонина Аркадьевича эту книгу не только видел, но и транскрибировал текст четырех стихов «Как счастлив я, когда могу покинуть...», вписанных Пушкиным Ал. Ал. Раменскому. Снимавший копию нашел эти стихи в собрании сочинений Пушкина (они были опубликованы впервые в старом академическом издании, т. IV, 1916 г.; предварительная публикация была в газете) и записал стих третий в редакции издания, а не текст автографа на книжке. (Копия эта приложена к книге с автографами Пушкина).

зывает: «Книга была найдена мною в 1945—1947 году в подвале старой церковной сторожки в селе Мологине, когда я был занят розыском остатков библиотеки моего деда. Она растрепалась, держалась на нитках, сшивавших книгу. Она была в грязи, масле, листочки были склеены. В сторожке заправляли, должно быть, тракторы, а может быть, и танки во время войны».⁵⁵ Автографов на книге Раменский тогда не заметил, однако книгу отложил. Отобрапные им книги из остатков дедовской библиотеки, пролежав пятнадцать лет у его родных в Вышнем Волочке, были привезены ему в Москву в 1962 г. Вот тут-то Антонин Аркадьевич рассмотрел автографы на книге Вальтера Скотта. Он пригласил знакомую журналистку Н. А. Дилигенскую, и книга зажила новой жизнью.

5. «РУСАЛКА»

Стихи, написанные Пушкиным Алексеем Алексеевичу Рамепскому, являются отрывком монолога князя из первого замысла «Русалки», не получившего тогда развития и осуществленного впоследствии в ином характере в известной драме.

То, что именно эти стихи записал Раменскому Пушкин, надо объяснить личной настроенностью поэта; это его признание, он переосмысляет стихи из монолога, превращая их в лирическое стихотворение:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Доучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы
На берега сих молчаливых вод.⁵⁶

Ощущение радости, которую поэт испытал, вырвавшись из Петербурга и очутившись среди природы, как нельзя лучше передавалось этими стихами. (В книгу же вписал эти стихи Пушкин, вероятно, потому, что едва ли сельский учитель имел альбом).

Но, может быть, то, что Пушкин захотел оставить Рамепскому на память стихи из начатой и оставленной им «Русалки», имеет и второй, им обоим понятный смысл: ведь создание этого поэтического творения связывают с берновской легендой, которую Пушкин услышал, как гласит семейное предание Раменских, от Алексея Алексеевича.

Что сюжет драмы Пушкина «Русалка» восходит к происшествию, случившемуся будто бы когда-то в Бернове, постоянно рассказывали местные люди. Сообщал об этом в восьмидесятых

⁵⁵ Рассказы Антонина Аркадьевича Раменского я записала с его слов у него 9 января 1963 г.

⁵⁶ В тексте этом есть вариант по сравнению с единственным первоисточником текста этого стихотворения — беловым автографом, где третий стих читается: «И убежать в пустынные дубровы».

годах берновский помещик Н. И. Вульф, который мальчиком двенадцати лет знал Пушкина, когда поэт приезжал к ним в дом в Берново.⁵⁷ «... сюжет „Русалки“, — пишет с его слов тверской краевед, — Пушкину подала судьба дочери одного мельника их имения. По этому преданию, дочь этого мельника была влюблена в одного барского камердинера; этого камердинера за какую-то вину барин отдал в солдаты,⁵⁸ и она с отчаяния утопилась в мельничной плотине».⁵⁹

И в советское время легенда продолжала жить в Бернове.⁶⁰

Разные варианты этого рассказа неизменно связывают происхождение пушкинской «Русалки» с местной легендой о гибели девушки в Бернове. Устойчивость этого утверждения придает этим рассказам крепость народной памяти.

Однако, чтобы взвесить вероятность этого утверждения, следует соотнести время приездов Пушкина в Тверскую губернию и время создания «Русалки».

Впервые был Пушкин в Тверской губернии поздней осенью 1828 г. Он гостил у П. А. Осиповой в Малинниках (в сорока верстах от Торжка). Он прожил здесь шесть недель — с 22—23 октября по 4—5 декабря.⁶¹ Бывал он в соседних поместьях — в Павловском — у П. И. Вульфа, в Бернове — у И. И. Вульфа, в Михайловском, названном впоследствии Курово-Покровским, — у сестры Вульфов, А. И. Панафиной.⁶²

Из Малинников Пушкин поехал в Москву ненадолго и вновь вернулся в Торжок. В этот приезд провел он в Тверской губернии — в Старице, у П. А. Осиповой и Ал. Н. Вульфа, и

⁵⁷ Николай Иванович Вульф был сыном Ивана Ивановича Вульфа, владельца Бернова, и братом Анны Ивановны Вульф, более известной под именем Netty, о которой Пушкин говорит в письмах и в четверостишии «За Netty сердцем я летаю...».

⁵⁸ Срок военной службы был тогда двадцать пять лет.

⁵⁹ В. Колосов. Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 г. «Русская старина», 1888, № 10, стр. 99—100 (статья подписана: «Преподаватель семинарии Владимир Колосов»). Перепечатано отдельным изданием в том же году в Твери, и здесь Вл. Ив. Колосов назван членом Тверской ученой архивной комиссии. См. также: О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии. (Сообщение председателя Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванова). Изд. Тверск. общ. любителей истории, археологии и естествознания, Тверь, 1899, стр. 10.

⁶⁰ См.: С. Фессалоницкий. Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г. (По материалам экспедиции студентов Тверского педагогического института). «Материалы Общества изучения Тверского края», 1925, апрель, вып. 3, стр. 22.

⁶¹ Расчеты поездок и календарь приездов Пушкина в Тверскую губернию сделаны С. А. Фессалоницким в двух его работах: 1) «Пушкин в кругу старицких дворян» («Материалы Общества изучения Тверского края», 1928, апрель, вып. 6, стр. 10—25); 2) «Из рассказов о Пушкине и его современниках» (журн. «В наши дни», Калинин, 1936, № 2, стр. 90).

⁶² «Три селенья Старицкого уезда Тверской губернии — Берново, Павловское и Малинники, принадлежавшие Вульфам, расположены одно от другого на расстоянии двух-семи верст» (С. А. Фессалоницкий. Пушкин в кругу старицких дворян, стр. 22).

в Павловском, у П. И. Вульфа, десять дней — с 6 по 16 января 1829 г.⁶³

Третий раз был Пушкин в этих местах, как устанавливается настоящей статьёй, на пути из Петербурга в Москву, по дороге в Тифлис, в начале марта 1829 г. Он задержался в Грузинах и, вероятно, в окрестных имениях (от Грузин до Малинников верст пятьдесят) не более недели — с 7—8 по 14—17 марта.

Вновь приехал Пушкин в Тверскую губернию, — по-видимому, в Павловское, — после путешествия в Арзрум, на обратном пути из Москвы в Петербург. Он пробыл в деревне с середины октября по начало ноября 1829 г.

И в следующую поездку в Москву, в начале марта 1830 г., не проехал Пушкин мимо Торжка, а остановился там на несколько дней (с 6—7 по 10—11 марта). У кого провел он эти дни — по слухам, больной, — неизвестно. Это было пятое пребывание Пушкина в Тверской губернии.

Ни разу за эти полтора года не пропустил он случая захватить к милым ему Вульфам. Когда не стало Арины Родионовны,⁶⁴ поэт перенес свои пенаты из Михайловского в Малинники.

Последний раз завернул он в эти места неожиданно, уже женоватым, проезжая в имение тещи Ярополец «мимо Вульфовых поместий». Это было в августе 1833 г.

Итак, Пушкин гостил в Тверской губернии шесть раз: осенью 1828 г., три раза в 1829 г. (в январе, весной и осенью), весной 1830 г. и в августе 1833 г. «Русалка» же по датировке, тщательно и детально разработанной С. М. Бонди, писалась в начале ноября 1829 г., осенью 1830 г. и в апреле 1832 г., когда была и перебелена.⁶⁵

Приступил поэт к написанию драмы именно в этих местах в начале ноября 1829 г. Гипотеза о возникновении «Русалки» на основе реального случая с дочерью мельника имения Берново (или легенды, бытующей в этих местах) приобретает известную правдоподобность, а утверждение Раменских о том, что в основе драмы Пушкина «Русалка» лежит услышанная поэтом от А. А. Раменского берновская легенда, вполне допустимо.

Справедливее, однако, представляется нам обратное толкование общих мотивов у Пушкина и в легенде: не поэт использовал народное предание, а предание может восходить к пушкин-

---

⁶³ В. И. Колосов, опубликовавший в своей статье «Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 г.» воспоминания Кат. Евграф. Сидницкой о встречах ее с Пушкиным в Старицком уезде в январе 1827 г., ошибся вслед за ней в годе. Это был январь 1829 г., как выяснилось из опубликованного впоследствии дневника А. Н. Вульфа. Исправлено в статье С. А. Фессалоницкого «Пушкин в кругу старицких дворян», стр. 17.

⁶⁴ Она умерла летом 1828 г.

⁶⁵ См.: С. М. Бонди. «Русалка». В кн.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, 1935, стр. 620—621.

ской драме. (Вспомним своеобразную судьбу ряда «простонародных сказок» Пушкина: «Жених», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне», которые записывались уже в нашем веке со слов народных сказителей, в ином тексте, в качестве уже народных произведений).⁶⁶ Особенно близким отголоском пушкинского сюжета можно в данном случае считать вариант Раменских. Рассказывая на старости лет, что отложилось в его воспоминаниях, Н. П. Раменский, естественно, смешивал семейные предания с прочитанными рассказами о Пушкине в Бернове и с его произведениями.

Впрочем, самоубийства обездоленных и покинутых девушек были настолько распространены в ту пору явлением, что и предание Тверской губернии, и драма Пушкина могли возникнуть самостоятельно, без воздействия одного на другое.

6. РИСУНКИ

На первой странице первой части изучаемого нами экземпляра «Ивангое», на местах, свободных от печатного текста, находится несколько рисунков, сделанных Пушкиным.

Прежде всего мы видим виселицу с пятью повешенными. Это пятый рисунок, воплощающий преследовавшую Пушкина мысль о казни декабристов.

Два из них хорошо известны. Они воспроизводились многократно. Нарисованы они, вероятнее всего, в ноябре 1826 г. в Михайловском, когда после поездки в Москву по вызову Николая Пушкин вернулся к своим рукописям. Наслушавшись в Москве рассказов о казни, о неблагоприятном поведении 14 декабря С. П. Трубецкого, поэт нарисовал виселицу на крепостном валу (на верху листа и внизу его), портрет Трубецкого и другие портреты; среди неизвестных нам лиц — погрудный портрет отца и шесть набросков лица дяди Василия Львовича, который поразил его, по-видимому, тем, что за те десять лет, что они не виделись, он превратился в старика.⁶⁷

Другие два рисунка виселицы декабристов Пушкин нарисовал в 1828 г., во время работы над «Полтавой». Изобразив двух повешенных в украинских жупанах (поэт думал о казнях Кочубея, Искры), он вернулся мыслью к самому страшному событию своего времени и нарисовал виселицу с пятью повешенными.

⁶⁶ См. хотя бы «Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышева» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (стр. 22, 25, 44, 53, 66, 69, 181, 189, 199), (сер. «Литературные памятники»)).

⁶⁷ Рисунки эти сделаны в «Третьей масонской тетради» (ЛБ, № 2368, ныне ПД, № 836), л. 38. Воспроизведен этот лист впервые С. А. Венгеровым в собрании сочинений Пушкина под его редакцией, т. II, 1908, стр. 527. Прокомментированы рисунки на этом листе А. М. Эфросом — в кн.: Рисунки поэта. Изд. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 356—364.

Ниже повторил он этот рисунок и развил его: кроме вала и ворот, которые были изображены Пушкиным и на рисунках 1826 г., он нарисовал и сторожевую будку.⁶⁸

Рисунки 1826 г. важны и значительны первым отражением потрясшего поэта события; виселицы с казненными являются тут неким символом казни, образом смерти пятерых революционеров; реальность явления обнаруживается в изображении крепостной стены, в воротах, наглухо запертых. Если на рисунке 1828 г. мы видим почти то же, отмечая лишь, что одна из фигур выделяется громоздкостью, величиной, а другая — вытянутостью, то рисунок 1829 г. отличается от них качественно. Фигуры здесь тяжелые, грузные, это мертвые тела, висящие в петлях. Уже не символ казни являет этот рисунок, а реалистическое изображение умерших на виселице.

Над рисунком виселицы 1829 г. Пушкин нарисовал весы. Это образ правосудия, Фемиды. Не первый раз связывает Пушкин судьбу казненных декабристов с Фемидой: такой же рисунок, с тем же наклоном перегнувшей тарелки, дважды нарисован на листе с портретами Пущина, Якубовича и еще не раскрытых лиц, вероятно тоже декабристов.⁶⁹

Ниже виселицы на впервые публикуемом рисунке 1829 г. нарисован мужской профиль. Чей это портрет, пока не установлено. Этого лица в рисунках Пушкина мы еще не видали.

Три профиля на правом поле страницы, а также и затылок, пририсованный к профилю, нарисованному Пушкиным, сделаны беспомощно, неопытной рукой. Пушкину они не принадлежат.

7. СТИХИ ИЗ ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Обращаемся к самому главному автографу на книге — к зачеркнутому тексту в шесть стихов. Они написаны слева от рисунка виселицы, после него: строки текста тщательно обходят рисунок.

Текст поддается чтению с величайшим трудом. Он не столько читается, сколько узнается. Прочел его Сергей Михайлович Бонди.

---

⁶⁸ «Красный альбом» (ЛБ, № 2371, ныне ПД, № 838), л. 38 об. Воспроизведено впервые Н. О. Лернером в газете «Речь» (1912, 29 января, № 28). Вошло в оба издания книги А. М. Эфроса: «Рисунки поэта» (1930 г. — стр. 119 и 1933 г. — стр. 235), где и прокомментировано (1930 г. — стр. 319—327; 1933 г. — стр. 372—374).

⁶⁹ Рисунки сделаны на обороте листа с аннотацией Ал. Ник. Вульфа «Эскизы разных лиц замечательных по 14 декаб. 825 года работы Алекс. Серг. Пушкина во время его пребывания в с. Тригорском в 826 году» (ПД, № 798). Воспроизведено впервые в газете «Искра» (1913, 15 сентября, № 36) с аннотацией Б. Л. Модзалевского (?). Рисунки вошли в статью А. М. Эфроса «Декабристы в рисунках Пушкина» («Литературное наследство», т. 16—18, М., 1934, стр. 937); здесь же и прокомментированы.

*Одну Россию в мире видя
Лаская <?> в ней свой <?> идеал
Хромой Тургенев им внимал
И плети рабства ненавида
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян*

Это — фрагмент из строфы XV так называемой десятой главы «Евгения Онегина».

Прежде всего постараемся понять, что значит эта запись отрывка? Ради чего она сделана? Почему на книге? Когда это было?

Как известно, строфа, в которую входят эти стихи, сохранилась в полном виде в черновом тексте:

Друг Марса, Вакха и Венеры
Им резко Лункин предлагал
Свой решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноли Пушкин.
Меланхолический Якшукин
Казалось молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя
Лаская в ней свой идеал
Хромой Тургенев им внимал
И слово: рабство ненавида
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.⁷⁰

Почему же записал Пушкин конец строфы? Для кого-нибудь или для себя? Если бы он хотел познакомить кого-то с этими стихами, то он прочел бы их ему вслух. Если бы решил он оставить эти стихи другому человеку, то он написал бы их так, чтобы их можно было прочесть, так, как он писал письма или стихи в альбомы, как сделана дарственная надпись на титуле части второй того же «Ивангое», как написаны там же стихи «Как счастлив я...», т. е. ясным, отчетливым почерком.

Здесь же видим мы быструю запись еле читаемого почерка, с аббревиатурами. К тому же все шесть строк энергично зачеркнуты. Зачем же сделана эта запись?

Подобные записи стихов, торопливые, с сокращением отдельных слов иногда до одной буквы, в рукописях Пушкина встречаются. Такого характера записи бывали у него тогда, когда приходили ему в голову новые варианты к прежде написанным стихам, текст которых не лежал у него перед глазами. Новые варианты нужно было немедленно зафиксировать, чтобы их не забыть, как случилось с поэтом, когда он сочинил «Сцену

⁷⁰ Акад., VI, 524. Автограф — ПД, № 171. См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 71. Факсимиле: 1) «Пушкин и его современники», вып. XIII, 1910, стр. 12/13; 2) «Литературное наследство», т. 16—18, стр. 391.

у фонтана» для «Бориса Годунова» во время прогулки верхом, сразу не записал, а «Потом позабыл в половину, о чем глубоко сожалел», — тот забытый текст, по рассказам друзей поэта, был «несравненно лучше, несравненно превосходнее».⁷¹

В таких случаях поэт записывал иногда отдельные слова или стих, иной же раз весь контекст; сильно сокращенные слова в этих записях обозначают те слова, которые безусловно остаются прежними, поэтому повторять их не стоит. Здесь важны новые слова — замены прежних. Именно мнемоническую запись новых вариантов и представляет собою новая запись известного фрагмента строфы. В черновом тексте стихи 9—10 читались:

Одну Россию в мире видя
Лаская в ней свой идеал

(первоначальный вариант там: Боготворя свой идеал). Здесь он читается:

Лел~~ея~~ <?> в ней свой <?> идеал.

Стих 12 читается в черновике:

И слово: рабство ненав~~идя~~

(первоначальный вариант: И цепи рабства ненав~~идя~~).⁷²

Вариант в новой записи:

И плети рабства не~~на~~в~~идя~~.

Цель этой записи была удержать в памяти два новых варианта: «лелея идеал» и «плети рабства».

Недавно опубликована позднейшая запись тех же шести стихов. Она обнаружена в дневнике А. И. Тургенева, куда он записывал в декабре 1831 г. в Москве о чтениях ему Пушкиным отрывков из последних глав «Евгения Онегина». Вот текст этой записи:

«18 декабря. <...> Заезжал к Пушкину и разбирал библиотеку <...>

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И плети рабства ненав~~идя~~
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян».⁷³

⁷¹ М. П. Погодин. Из воспоминаний о Пушкине. «Русский архив», 1864, стлб. 99; П. В. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. I. 1855, стр. 118.

⁷² Акад., VI, 524.

⁷³ М. Гиллельсон. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов. «Русская литература», 1964, № 1, стр. 127. Тот же текст переслал А. И. Тургенев из Мюнхена 11 августа 1832 г. (из России он, естественно, пересылать эти стихи почтой не рисковал) брату своему Николаю, тому самому «хромому Тургеневу», который так выразительно изображен в этих стихах (Николай Иванович Тургенев жил за границей и только потому избежал наказания. Он был приговорен «в каторжную работу вечно»). См.: В. Истрип. Из документов архива братьев Тургеневых. II. Отрывок из «Путешествия Онегина». ЖМНП, 1913, март, стр. 16.

Новая пушкинская запись на книге дает тот же текст стиха 12 строфы, как и запись Тургенева, сделанная со слов Пушкина почти три года спустя; стих же 10 предстает в неизвестном варианте.

Когда же сделана эта запись?

Безусловно, конечно, до подарка книги Раменскому, т. е. до 8 марта 1829 г. Первый же срок определяется временем, когда Пушкин мог купить книгу, — не ранее конца мая 1827 г. (см. выше, стр. 8). Удивляет то, что рисунок и текст находятся на книге. Однако есть у Пушкина несколько таких единичных случаев. Очевидно, могло это случаться только тогда, когда под рукой не было бумаги, т. е. в дороге. Не в коляске, конечно, а где-нибудь на станции, в те перерывы между ездой, о которых поэт писал:

... Ровно полчаса
Пока коней мне запрягали. . .⁷⁴

С весны 1827 г. по весну 1829 г. Пушкин совершил не одну поездку. Но приурочить рисунки и запись на книге «Ивангое» естественно именно к длительному путешествию 1829 г., конечной целью которого был Тифлис, когда имело смысл взять для чтения в дорогу длинный роман.

Таким образом, я предполагаю, что и рисунок казенных декабристов, и запись новых вариантов одной из декабристских строф «Евгения Онегина» сделаны между 5 и 8 марта 1829 г. в пути из Петербурга в Торжок, на какой-нибудь станции.

Датировка вновь открытой авторской записи известного фрагмента одной из «декабристских строф» исключительно важна. Благодаря ей передатировываются и предшествовавший этой записи черновой текст строфы XV десятой главы, и написанный одновременно с ним черновой текст строф XVI и XVII.

Это обстоятельство уже оценено по достоинству в исследовании И. М. Дьяконова «О восьмой, девятой и десятой главах „Евгения Онегина“». «В то время, — пишет он о марте 1829 г. по поводу датировки этого автографа, — лишь недавно была закончена VII глава; даже IX главы не существовало, и не существовало, конечно, и X: стало быть, шифрованные строфы либо были заготовкой, пока еще не приуроченной ни к какой главе, либо наброском главы VIII. Во всяком случае, тогда Пушкин еще не предполагал, что действие романа закончится до декабрьского восстания: в июне 1829 года Пушкин говорил М. В. Юзефовичу и другим, что Онегин должен „или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов“. В тот год Пушкин встречался с бывшими декабристами и его политические симпатии к ним вспыхнули с новой силой.

⁷⁴ Стихотворение 1829 г. «Калмычке» (Акад., III, кн. 1, 159).

Вернувшись с Кавказа осенью 1829 года с этими замыслами и настроениями, Пушкин стал работать над VIII главой («Путешествие»). „Декабристские строфы“, по всей вероятности, уже существовали полностью или частично, и странствия Онегина, возможно, и были задуманы как переход к ним».⁷⁵

Итак, новое поступление в Пушкинский дом — книжка «Ивангое», обнаруженная в 1962 г., — представляет собою уникальный случай соединения на одной книге трех разнородных видов автографов Пушкина: записи, сделанной им, когда он купил книжку; рисунков и стихов из одной из «декабристских строф» «Евгения Онегина» (мнемоническая запись новых вариантов); наконец, датильной надписи на книге, в которую входят не только обычная надпись, кому она дарится, но и четыре стиха из неопубликованного произведения, как бы запись в альбом.

Точным днем — 8 марта 1829 г. — датируется только дарственная надпись. Несомненно перед отъездом из Петербурга сделан кем-то для Пушкина план местоположения имения Полторацких — Грузин. Еще, может быть, дома или, вернее, в пути (до 8 марта) сделал поэт на книге рисунки и записал стихи из «Евгения Онегина», впоследствии зачеркнутые.

Новые автографы, дополненные семейными воспоминаниями Раменских, обогащают пушкиниану целым рядом неизвестных до селе данных.

1. Биографическими фактами. Устанавливается заезд Пушкина весной 1829 г. в имение Новоторжского уезда Тверской губернии Грузины К. М. Полторацкого, о знакомстве с которым поэта известно не было. Устанавливается и знакомство Пушкина с сотрудником Карамзина Алексеем Алексеевичем Раменским, снабжавшим историка выписками из «Летописей», изучавшихся им в монастырях Тверской губернии. Выясняется доброе отношение Пушкина к этому незаурядному сельскому учителю, которому он дарит взятый в дорогу роман Вальтера Скотта, надписывает ему книгу, пишет на ней четыре стиха из неопубликованного своего произведения. Отдает он ему и другие книжки романа, на одной из которых нарисованы повешенные декабристы и записаны шесть стихов из одной из «декабристских строф» «Евгения Онегина». Стихи эти Пушкин зачеркивает.

2. Новыми рисунками Пушкина (виселица с пятью повешенными, весы и портрет. Рисунок, изображающий казнь декабристов, — пятый, наиболее поздний из аналогичных рисунков, лучший из них).

3. Книжка и сопутствующие ей семейные воспоминания Раменских дают материал для размышления над возникновением замысла «Русалки».

---

⁷⁵ И. Дьяконов. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». «Русская литература», 1963, № 3, стр. 52—53.

4. Наконец, и это самое главное, мы обогатились новыми данными по творческой истории «Евгения Онегина», новым авторским текстом шести стихов одной из «декабристских строф» романа и неопровержимым свидетельством, что эти строфы (во всяком случае, строфы XV—XVII главы десятой)⁷⁶ были написаны уже к марту 1829 г. Эти данные позволили автору исследования о «декабристских строфах» «Евгения Онегина» подкрепить его положение, что эти строфы являются частью не десятой главы романа, а восьмой главы, что они намечались Пушкиным лишь впоследствии, при автоцензуровании главы восьмой, для перенесения их в предполагавшуюся десятую главу.⁷⁷

При разработке спорного вопроса о том, для которой из глав «Евгения Онегина» — восьмой или десятой — предназначались «декабристские строфы», а вместе с ними и вся «славная хроника», датировка публикуемой записи на книге будет играть существенную роль.

Совершенно исключительная по значению находка, появившаяся в поле зрения исследователей Пушкина сто тридцать лет спустя после выхода в свет первого полного издания «Евгения Онегина» (1833), способствует прояснению творческой истории центрального поэтического создания Пушкина.

---

⁷⁶ Акад., VI, 524—526.

⁷⁷ См.: И. М. Дьякопов. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина», стр. 52.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

НОВЫЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ»

Небольшое стихотворение «На холмах Грузии» еще Белинский относил к числу «лучших, задушевнейших созданий лирической музы Пушкина»,¹ и эта вполне справедливая его оценка не только оставалась непоколебленной в течение целого столетия, но постепенно становилась даже все более экспрессивной: в наше время «На холмах Грузии» называли «одним из лучших стихотворений»² поэта, «одной из величайших элегий Пушкина»³ или «одним из величайших шедевров мировой лирической поэзии».⁴

Хотя это стихотворение напечатано самим поэтом в 1830 г. и известно нам теперь в нескольких собственноручных его записях, черновой и беловых, история его создания и дальнейшей литературной жизни заключает в себе много спорных или темных мест, все еще ожидающих своего истолкования и прояснения.

Под заглавием «Отрывок» сам Пушкин напечатал «На холмах Грузии» за своей полной подписью в альманахе «Северные цветы на 1831 год» (СПб., 1830, стр. 56); в том же тексте оно опубликовано вновь в «Стихотворениях Александра Пушкина» (ч. III, СПб., 1832, под № V на стр. 15), с тем небольшим отличием, что обозначение «Отрывок» удержано здесь лишь в оглавлении и в качестве подзаголовка к первому стиху;⁵ затем

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 49; см. также: т. VII, 1955, стр. 355.

² С. Бонди. Новые страницы Пушкина. М. 1931, стр. 9.

³ Ю. Тынянов. Безыменная любовь. «Литературный современник», 1939, №№ 5—6, стр. 621.

⁴ Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, стр. 370.

⁵ См.: Н. Сиявский и М. Цявловский. Пушкин в печати 1814—1837. Изд. 2-е, М., 1938, стр. 85 (№ 735) и стр. 98 (№ 859); Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 304—308 (глава: «Третья часть собрания стихотворений Пушкина, 1832 г.»).

«На холмах Грузии» перепечатывалось в большинстве полных или избранных собраний его сочинений.

Знакомство с рукописями «Отрывка» началось только свыше полувека после того, как он увидел свет. В. Е. Якушкин впервые привел некоторые варианты стихотворения по черновой рукописи «музейной» тетради поэта (ныне хранящейся в Пушкинском доме).⁶ Постепенно, но очень медленно становились известными и другие автографические списки этого стихотворения. Таковы:

1) белой с поправками, без заглавия, именованный «берлинским» по месту хранения; долгое время он принадлежал Берлинской королевской библиотеке, в составе коллекции автографов И. Радовица;⁷ в настоящее время местонахождение его неизвестно (ниже мы условно обозначаем его: текст А);

2) белой, в 1850-х годах оказавшийся у П. В. Анненкова и имевший затем несколько владельцев; ныне находится в Пушкинском доме⁸ (текст Б);

⁶ См.: В. Е. Якушкин. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. «Русская старина», 1884, № 8, стр. 371 (прежний шифр: ЛБ 2382, л. 107 об., нынешний: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 841, л. 128 об.); Акад., III, кн. 2, 722—723.

⁷ Verzeichniss der Joseph v. Radowitz hinterlassenen Autografensammlung. Berlin, 1864, S. 660 (№ 8082). Летом 1891 г. И. А. Шлякин снял копию с текста этого стихотворения и напечатал его в статье «Берлинские материалы для истории новой русской литературы» («Русская старина», 1893, № 1, стр. 222); фотоснимок с этого автографа воспроизведен в кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1931, стр. 345; фотоснимок хранится ныне в ИРЛИ. См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. Сост. О. С. Соловьева. М.—Л., 1964, стр. 87. Не лишено интереса то обстоятельство, что автографы Пушкина (как и других русских писателей) в коллекцию И. Радовица попали несомненно через посредство ближайших друзей поэта, притом вскоре после его смерти. В письме из Дармштадта от 17 (29) июля 1840 г. В. А. Жуковский просил П. А. Плетнева раздобыть для Радовица автографы целого ряда русских деятелей XVII—XIX вв. (по приложенному к письму списку), среди них также и Пушкина; Жуковский называл Радовица в этом письме «более нежели приятелем» — «другом по сердцу» и прибавлял: «Он страстный охотник до автографов и собрал их уже великое множество» (П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. III, СПб., 1885, стр. 533); отвечая готовностью выполнить эту просьбу, Плетнев известил Жуковского (9 августа 1840 г.): «... в деле автографов обещал мне помощь кн. П. А. Вяземский» (там же, стр. 535).

⁸ От вдовы П. В. Анненкова (у которого ряд автографов остался после завершения издания 1855 г.) Г. А. Анненковой автограф в числе других поступил к Л. Н. Майкову. В 1902 г. вдова Л. Н. Майкова, — Л. А. Майкова подарила этот автограф вел. кн. Константину Константиновичу, у которого он хранился до 1917 г., когда поступил на хранение в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук («Известия Академии наук», VI серия, 1917, т. XI, № 11, Пб., стр. 765); отсюда он был передан в Пушкинский дом. См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М., 1937, стр. XV, 47, № 1136. Впервые опубликован М. Л. Гофманом в статье «Неизданные рукописи Пушкина» (сб. «Окно», кн. III, Париж, 1924, стр. 359, факсимиле на стр. 360).

3) авторизованный список в «цензурной» рукописи, с которой «Отрывок» печатался в III томе «Стихотворений» поэта⁹ (текст В).

К перечисленным автографам стихотворения «На холмах Грузии» прибавляется ныне еще один, хранящийся в Париже, в собрании А. Я. Полонского (текст Г). Об этом, четвертом по счету автографе стихотворения (не считая чернового) в литературе о Пушкине сведений еще не появлялось. А. Я. Полонский любезно прислал в Пушкинский дом фотоснимок с этой, принадлежащей ему рукописи Пушкина вместе с разрешением опубликовать его во «Временнике Пушкинской комиссии», что мы и выполняем, выражая ему глубокую благодарность.

Приводим текст этого автографа (см. прилагаемое воспроизведение фотоснимка):

На холмах¹⁰ Грузии лежит ночная мгла
[Шумит Арагва предо мною]¹¹
Блистают звезды надо мною — —
Мне грустно и легко, печаль моя светла
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... мечтанья моего
Никто не мучит, не тревожит
И сердце вновь горит и любит — — оттого
Что не любить оно не может —

Кавказ
1829

[Остафьево]¹²
[1830]

Попытаемся теперь выяснить соотношение нового автографа с известными ранее и определить, что дает нам эта рукопись для истории интересующего нас стихотворения.

Написанное вчерне во время путешествия Пушкина в Арзрум 15 мая 1829 г.,¹³ оно несколько раз перебеливалось поэтом до того, как было напечатано в «Северных цветах на 1831 год», вышед-

⁹ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме, стр. 169. В этом списке рукою Пушкина под стихотворением проставлена дата 1829, однако она зачеркнута чернилами рукою П. А. Плетнева.

¹⁰ Первоначально было «холмы» (как и в черновике), переправлено затем на «холмах».

¹¹ Первоначально было написано: «Блистают звезды надо мною — —» Затем, не зачеркивая этого стиха, Пушкин вписал над ним другую редакцию: «Шумит Арагва предо мною» — и тотчас же зачеркнул ее.

¹² Это слово, читаемое предположительно как Остафьево (такое чтение подсказано мне Н. В. Измайловым), как и стоявший ниже год (1830), зачеркнуты жирной чертой. Внизу неизвестным и более поздним почерком написано: «éscriture de Pouchkine», т. е. «написано рукою Пушкина».

¹³ Этим числом датирована первая редакция отрывка («Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла»). Е. Г. Вейденбаум (Пушкин на Кавказе в 1829 г. «Русский архив», 1905, кн. I, № 4, стр. 676—678) предположил, что первые исправления черновика этого стихотворения сделаны 25 мая 1829 г. в с. Квиште, когда Пушкин оказался на южной стороне Кавказского хребта, в долине р. Арагвы, проехав Крестовый перевал. Ср.: Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 187.

ших в свет 24 декабря 1830 г.¹⁴ Б. В. Томашевский отметил, что «окончательной обработкой» всех стихотворений небольшого «кавказского цикла» в III части «Стихотворений» 1829 г. (в котором «На холмах Грузии» стоит под № V) «Пушкин занимался осенью 1830 г. в с. Болдино»,¹⁵ но безусловно еще до того времени (в частности, летом этого года) он сделал несколько «беловых» копий стихотворения, всякий раз внося в них более или менее существенные поправки. «Окончательным» несомненно является текст Б (как и В), так как он полностью совпадает с печатным. Текст Б находился среди других рукописей Пушкина в момент смерти поэта; это видно из жандармской пометы на нем — цифры 37.¹⁶ Другими беловиками стихотворения Пушкин распорядился иначе; мы знаем теперь тексты двух автографических списков «На холмах Грузии» (А и Г), друг с другом не совпадающие; жандармских помет на них не имеется, следовательно, Пушкин перестал ими владеть еще при жизни.

Хронология возникновения всех авторских списков стихотворения остается достаточно неясной, поскольку мы не располагаем для этого всеми необходимыми данными. С этой стороны вновь публикуемый автограф представляет несомненный интерес, так как время его написания — это будет видно из дальнейшего — может быть установлено относительно точно.

¹⁴ См.: Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати..., стр. 85.

¹⁵ Б. В. Томашевский в комментарии к этому стихотворению указал, что «при окончательной обработке» его «Пушкин заменил пейзаж горного Кавказа Грузией, которую видел впервые» (А. С. Пушкин, Стихотворения, т. 3, Л., 1955 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 836); очевидно, имеется в виду внесение в текст географического названия реки (Арагва) и слов «холмы Грузии», но все же пейзаж элегии не претерпел существенных изменений. Утверждая, что в «беловой рукописи» «На холмах Грузии» имелось заглавие «Кавказ» (стр. 836), Б. В. Томашевский основывался на том, что в «берлинской» рукописи перед текстом стихотворения стояло действительно это слово «Кавказ», потом зачеркнутое (это слово видно только на фотоснимке с рукописи; в воспроизведении у П. Е. Щеголева оно почти незаметно, очевидно, после ретуши); как известно, так озаглавлено другое стихотворение («Кавказ подо мною. Один в вышине»), обработанное Пушкиным, судя по его помете в рукописи, 20 сентября 1830 г. и напечатанное в «Литературной газете» (1831, № 1, стр. 4). Именно стихотворением «Кавказ» открывался «кавказский цикл» в третьей части «Стихотворений» Пушкина 1832 г. Незадолго до смерти, готовя новое издание своих стихотворений, Пушкин предполагал поместить в нем все стихотворения этого цикла (1829 г.) и озаглавил его «Стихи, сочиненные во время путешествия». «Здесь, — замечает Н. В. Измайлов, — в последовательности поездки в армию и обратно (кроме, однако, «На холмах Грузии»), собран весь цикл кавказских стихотворений» (Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 45). Мне представляется правдоподобным, что, записывая текст элегии «На холмах Грузии», Пушкин просто воспользовался подвернувшимся ему листком бумаги и потому зачеркнул слово «Кавказ», как не относящееся к элегии и не являющееся ее заглавием.

¹⁶ См.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962, стр. 348.

Мы не будем касаться здесь первоначальной черновой редакции, записанной в «музейной» тетради. С. М. Бонди считал «На холмах Грузии» фрагментом более крупного лирического замысла; напечатав эти стихи под названием «Отрывок», Пушкин, по его мнению, «определенно указывал на их композиционную незаконченность, на то, что они или остались недописанными, или предоставляют собой извлечение, „отрывок“ более крупного написанного или ненаписанного произведения».¹⁷ Как известно, в черновике за «Отрывком» следуют девять стихотворных строк; но является спорным, составляют ли они одно целое с элегией или являются фрагментом особого замысла; во всяком случае этот фрагмент был отброшен самим поэтом и остался неотделанным.

Публикуя автограф А, в котором начальная строка читалась иначе, чем в общепринятом тексте («На холмах Грузии ночная тень легла»), а другие строки также имели отличия от него, И. А. Шляпкин отметил: «Эту редакцию я нашел в Берлинской королевской библиотеке... Я считаю ее окончательной».¹⁸ Этот вывод вызвал энергичные возражения П. Е. Щеголева, с полным основанием упрекнувшего И. Шляпкина за субъективизм, необязательность и по меньшей степени спорность высказанных им впечатлений о вариантах этой рукописи и за отсутствие скольконбудь убедительного обоснования им своего выбора.¹⁹ Вопрос считался исчерпанным: ни в одном издании сочинений Пушкина «берлинская» редакция (автограф А) ни разу не заменила того текста, который был опубликован самим поэтом; что касается хронологических соображений относительно возникновения этой редакции, то их не высказывали ни И. А. Шляпкин, ни П. Е. Щеголев, так как они не обладали никакими данными для сопоставлений этого рода, хотя оба они обращались к черновику и печатали свои опыты его расшифровок. Лишь в 1931 г. С. М. Бонди, разобравший и транскрибировавший полностью черновик элегии, сделавший также попытку проследить все последовательные стадии его создания, упоминал о дальнейших переделанных его редакциях и дал автографу А вполне правдоподобное определение. По его мнению, это «текст, вероятно записанный Пушкиным позднее (после черновика) по памяти, с отступлениями от печатного текста, большею частью восстанавливаемыми зачеркнутые варианты черновика: „На холмы Грузии ночная тень легла“, „Тобой, одной тобой мечтанья моего“».²⁰

¹⁷ С. Бонди. Новые страницы Пушкина, стр. 9. См. также: Акад., III, 722.

¹⁸ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 7.

¹⁹ См.: П. Е. Щеголев. Заметки о Пушкине. «Известия Отделения русского языка и словесности», 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 375—383; воспроизведено почти без изменений в кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 342—346.

²⁰ С. Бонди. Новые страницы Пушкина, стр. 27, прим.

Близость нескольких стихов автографа А к черновику во всяком случае может свидетельствовать, что автограф А представляет собой одну из ранних перебеленных редакций.

Вчитываясь в черновик стихотворения, С. М. Бонди засвидетельствовал: «Судя по виду автографа, первая строфа (четыре стиха) была уже придумана; она записана в готовом виде твердым ясным почерком:

Все тихо — на Кавказ ночная тень легла
Мерцают звезды надо мною
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою.

«Затем Пушкин изменил первые два стиха; в первом слова „ночная тень легка“ заменены сначала словами „сошла ночная мгла“, а затем исправлены — „идет ночная мгла“; во втором — вместо „мерцают“ сказано „восходят“». ²¹ Ставя в прямые скобки зачеркнутое Пушкиным, С. М. Бонди предлагает такую транскрипцию первых двух стихов черновика:

идет
[сошла]
Все тихо — на Кавказ ночная [тьень] легла
восходят
[Мерцают] звезды надо мною.

Последующие два стиха остались без изменения. По словам того же исследователя, «эти стихи звучат несколько риторически в их контрастном построении:

Мне грустно и легко....
...печаль моя светла.

В них Пушкин нашел лаконичную поэтическую формулу, дающую основную лирическую тему, развиваемую в последую-

---

²¹ Там же, стр. 18—19. Стоит отметить, что Белинский, имея в виду это стихотворение в двух своих статьях 1841 и 1843 гг., называет его по первой строке: «На холмах Грузии лежит ночная тень», что комментаторы критика назвали двукратной «опиской Белинского» на том основании, что у Пушкина стоит «ночная мгла», а не «тьень» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 49, 787; т. VII, стр. 342, 710; общеизвестный печатный текст первой строки Белинский приводит лишь в пятой статье о Пушкине — т. VII, стр. 355); может быть, впрочем, дело обстоит здесь не так просто; допускать подобную небрежность в цитации стихов Пушкина, тем более им особо выделенных, не было свойственно Белинскому. Близость дважды приведенного им стиха к первой строке Пушкинского черновика, где первоначально стояла именно «ночная тень», наводит на мысль, что в руках Белинского мог быть еще один список элегии, где первый стих читался именно так, или что он имел список, близкий к автографу А, но ошибся только в написании одного слова («лежит» вместо «легла»). Всего вероятнее, впрочем, что Белинский видел копию ранней редакции стихотворения, но помнил ее неточно и, цитируя, переставил слова. Как показал Н. И. Мордовченко в статье «В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина» («Литературный архив», т. I, М.—Л., 1938, стр. 297—301), как раз

щих строках стихотворения».²² Добавим, что именно эта тончайшая по своей кристальной прозрачности и музыкальности лирическая тема осталась непонятной И. А. Шляпкину, усматривавшему противоречия в определениях там, где и следов их не было.

Публикуемый новый автограф возник после автографа А и, вероятно, так же как и последний, записан был Пушкиным по памяти, но еще до того, как стихотворение получило свой окончательный вид. Об этом свидетельствуют стихи 1 и 6. Начав набрасывать стихотворение на листке бумаги, Пушкин сперва написал: «На холмы Грузии» (как было в более раннем тексте А), затем переправил: «На холмах». В стихе 6 нового автографа также сохранилось «мечтанья моего», как было в автографе А (и в одном из вариантов черновика) вместо «унынья моего» окончательного текста. Единственным неизвестным вариантом нового автографа является стих 2:

Б л и с т а ю т з в е з д ы н а д о м н о ю ,

первое слово которого заменило сначала стоявшее в черновике, но после зачеркнутое «мерцают», замененное на «восходят». Легко заметить, что этот текст был замещен общеизвестным стихом: «Шумит Арагва предо мною».

Ключом к датировке этого автографа несомненно являются две густо зачеркнутые строки в правом нижнем углу листка, если они разобраны правильно:

Остафьево
1830.

Очень существенно, что с поездкой Пушкина в начале июня этого года в подмосковное имение П. А. Вяземского «Острафьево» (бывш. Подольского уезда, в 32 верстах от Москвы)²³ связано несколько письменных свидетельств об интересующем нас стихотворении. К сожалению, даты этой кратковременной поездки Пушкина известны нам лишь приблизительно. Как известно, всю весну 1830 г. Пушкин провел в Москве.²⁴ Он приехал сюда 12 марта и оставался здесь до 16 июля — как это, в частности,

---

в начале 1840-х годов, после выхода последних томов «посмертного» издания сочинений Пушкина, Белинский разыскивал затерянные произведения Пушкина с помощью сотрудников «Отечественных записок», переписывал их в особую тетрадь; через А. А. Краевского (имевшего доступ к рукописям поэта) он знал ряд черновых текстов Пушкина. Ср.: М. А. Ц я в л о в с к и й. Статьи о Пушкине, стр. 312, 324.

²² С. Бонди. Новые страницы Пушкина, стр. 19.

²³ См.: Н. С. Ашук и в. Пушкинские места в Москве и ее окрестностях. М., 1924, стр. 36—38.

²⁴ См.: Н. П. Чулков. Пушкин-москвич. В сб. «А. С. Пушкин в Москве», М., 1930, стр. 70—73. Ср.: Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 206—215.

явствует из донесений о слежке за ним полицейских агентов,²⁵ — лишь несколько раз за это время и ненадолго покидая столицу. Отлучки поэта из Москвы, вероятно по их малозначительности и кратковременности, в полицейских документах о нем не отмечены вовсе и устанавливаются на основании других письменных свидетельств. Мы знаем, например, что во второй половине мая 1830 г. Пушкин ездил в имение Гончаровых Полотняный Завод (бывш. Калужской губ.) и что он находился там еще 27 мая.²⁶ Неизвестно, когда именно побывал он в подмосковном сельце Захарове (близ Звенигорода), бывшем имении его бабушки, М. А. Ганнибал, где жила в детстве, но всего вероятнее, что это «сентиментальное путешествие», как эту поездку назвала в одном из своих писем мать поэта, Надежда Осиповна, совершенно было им в июле, незадолго до отъезда в Петербург (т. е. до 16 июля).²⁷

О поездке Пушкина в Остафьево мы имеем свидетельство М. П. Розберга в письме к В. Г. Теплякову из Москвы от 8 июня 1830 г.: «У Пушкина, который недавно возвратился

²⁵ Эти донесения полностью напечатаны Г. Костомаровым в статье «А. С. Пушкин под надзором полиции» («Красный архив», 1929, т. 37, стр. 240—241); здесь, однако, не отмечено, что наиболее существенные данные и даты из тех же самых документов были извлечены и опубликованы в заметке «Черта из жизни Пушкина» в «Русском архиве», 1876, кн. II, № 6, стр. 236—237.

²⁶ Письма самого Пушкина точных дат об этой поездке, кроме 26—27 мая 1830 г., когда он несомненно находился на Полотняном Заводе, не дают (Акад., XIV, 409 и 412); по-видимому, он провел здесь лишь несколько дней. См.: Г. Коган. Полотняный Завод. По пушкинским местам. М., 1951, стр. 41, 50, 54. «Точно установить срок пребывания Пушкина в Полотняном заводе не представляется возможным», — говорится в брошюре «Пушкин и Калужский край» (Калуга, 1951, стр. 19). Т. Г. Цявловская любезно поделилась со мной дополнительными соображениями о датах поездки Пушкина в Калугу, основанными на тщательном изучении «Почтового дорожника» 1824 г., карты России 1829 г. и других источников. Сообщенные ею данные позволяют внести кое-какие уточнения и исправления в недостаточно ясный для нас календарь этой поездки. Исходя из того, что расстояние из Москвы до Полотняного Завода исчислялось 160 верстами и что дорога туда занимала сутки, следует считать, что около двух суток ушло на дорогу туда и обратно; кроме того, Пушкин несомненно оставался на Полотняном Заводе и в день своего рождения (26 мая) и на следующий день (Акад., XIV, № 486). Таким образом, он выехал из Москвы числа 24 (а может быть, даже 23 или 22) мая и вернулся сюда 29 мая, так как именно этим числом помечено его московское письмо к А. Х. Бепкендорфу.

²⁷ Указанное письмо матери Пушкина датировано 22 июля 1830 г.; о поездке поэта в Захарово «этим летом» она знала, очевидно, с его слов, так как в это время он уже находился в Петербурге. См.: В. Враска Я. Пушкин в переписке родственников. «Литературное наследство», т. 16—18, М., стр. 776, 1934. «Точная дата посещения Пушкиным Захарова неизвестна», — справедливо отмечает Н. Верховская (Пушкинские места в Подмосковье. Изд. 2-е. М., 1962, стр. 32—33); однако Н. С. Апушкин (Пушкинские места в Москве и окрестностях, стр. 29—30) ссылается на статью Н. В. Берга «Сельцо Захарово» («Москвитянин», 1861, №№ 9 и 10), в которой приведены записи рассказов непосредственных свидетелей кратковременного посещения Пушкиным с. Захарова в 1830 г.; отсюда явствует, что проезд поэта состоялся не весной, а ближе к осени.

из деревни князя Вяземского, был я вчера».²⁸ Таким образом, свидание Пушкина с Розбергом в Москве состоялось 7 июня, а «недавняя» поездка его в Остафьево должна была быть совершена в течение первых пяти-шести дней июня того же года.²⁹ Самого П. А. Вяземского в Москве в это время не было; он жил в Петербурге. В Москве с четырьмя детьми находилась В. Ф. Вяземская; между нею и мужем шла регулярная переписка. Пушкин с начала своего пребывания в Москве виделся с нею очень часто, бывая в московском доме Вяземских, встречая Веру Федоровну и в других местах. Об этом Пушкин известил П. А. Вяземского еще во второй половине марта: «Жену твою вижу часто, т. е. всякой день» (Акад., XIV, стр. 68). С наступлением более теплых дней, в середине апреля, Вера Федоровна с детьми уехала в Остафьево³⁰ и жила преимущественно именно здесь. «В мае приеду на несколько времени в Москву, тогда поговорим», — сообщал Вяземский Пушкину 26 апреля 1830 г. (Акад., XIV, 80), но этот его приезд не состоялся.

В 1936 г. были опубликованы письма П. А. Вяземского к Вере Федоровне за 1830 г. из Петербурга в Москву и Остафьево. В этих чрезвычайно интересных эпистолярных документах наше внимание могут привлечь к себе письма П. А. Вяземского от первой половины 1830 г., т. е. около того времени, когда Пушкин побывал в Остафьево и виделся там с его женою.

В письме от 2 июня Вяземский писал жене: «Пришли мне на „Холмах Грузии“, я их не знаю».³¹ Из этой цитаты явствует, что в это время он не был знаком с этим тогда еще не напеча-

²⁸ А. Ф. Бычков в В. Г. Тепляков. «Исторический вестник», 1887, № 7, стр. 49. Тем же числом (7 июня 1830 г., Москва) Пушкин пометил свою записку, адресованную А. Н. Гончарову (Акад., XIV, 97).

²⁹ Н. Верховская (Пушкинские места в Подмоскowie, стр. 56) утверждает, что в Остафьево Пушкин «прогостил с 30 мая по 5 июня», не указывая, впрочем, откуда заимствованы ею эти даты.

³⁰ «Сделай милость, ни под каким видом не переезжай в Остафьево прежде апреля», — писал П. А. Вяземский Вере Федоровне еще 1 марта (Акад., XIV, 68), и она, разумеется, не могла не согласиться с его доводами, здесь же изложенными. Пушкин мог их знать в свою очередь, так как сам сделал приписку к ней в том же письме: «Винovat я перед Вами, княгиня. Простите великодушно. На днях явлюсь к Вам с повинною. (Акад., XIV, 68). И на самом деле отъезд ее из Москвы в Остафьево состоялся в середине апреля. Сохранилась недатированная записка Пушкина к В. Ф. Вяземской, в которой говорится: «Quelle idée avez-vous de partir aujourd'hui (что за мысль пришла вам уезжать сегодня) и на кого вы нас покидаете?» (Акад., XIV, № 465). Б. Л. Модзалевский датировал эту записку «приблизительно маем 1830 г.», замечая попутно, что Вяземская из Остафьева «могла приезжать в Москву и снова уезжать» (Пушкин, Письма, т. II, М.—Л., 1926, стр. 417), но в академическом издании переписки Пушкина записка датирована точнее: «15—18 апреля (?) 1830 г.» (Акад., XIV, 79); отметим, что в двадцатых числах апреля, по свидетельству письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 21 апреля 1830 г., Вера Федоровна с детьми была уже в Остафьево (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. III. СПб., 1899, стр. 192).

³¹ «Звенья», т. VI, М.—Л., 1936, стр. 263.

танном стихотворением Пушкина, а Вера Федоровна, сообщавшая мужу первую строчку элегии, располагала ее списком или могла получить такой список от Пушкина. К сожалению, нам неизвестен текст ее письма, из которого П. А. Вяземский узнал о существовании элегии и начало ее первого стиха; едва ли, однако, случайно, что этот стих в сообщении Веры Федоровны читался «На холмах», а не «На холмы», как значилось в более раннем авторском списке стихотворения. Не тогда ли, в первых числах июня 1830 г., и был написан Пушкиным в Остафьеве публикуемый автограф? Чтобы никто из тех, у кого листок может оказаться в руках, не отнес ко времени и месту действительного возникновения элегии проставленную им дату 1830 г. и название подмосковной Вяземских, Пушкин вычеркнул обе строки в правом нижнем углу листка, а в левом написал — Кавказ, 1829 (обе даты проставлены им одновременно).

Предположение, что публикуемый автограф возник в начале июня 1830 г., впрочем, требует еще документальных подтверждений; он мог быть написан и позже, так как в том же году Пушкин был в Остафьеве еще дважды: в августе, перед отъездом в Болдино, и в декабре, по возвращении из своей нижегородской вотчины; в Остафьеве в это время уже находился и сам П. А. Вяземский, отметивший приезд Пушкина в своем дневнике.³²

О том, что в неизвестном нам письме В. Ф. Вяземской к мужу из Остафьева в Петербург от конца мая 1830 г. содержались какие-то рассказы о встрече с Пушкиным или пояснение к стихотворению «На холмах Грузии», мы догадываемся из ответного письма к ней П. А. Вяземского от 4 июня (следовательно, написанном еще до получения им списка стихотворения, о присылке которого он просил за два дня перед тем): «Зачем ты о Пушкине сплетничаешь по почте? Разве ты не знаешь, что у нас родительское и чадолюбивое правительство, которое, за неимением государственных тайн, занимается домашними тайнами любезнейших детей своих? Я почти уверен, что твои письма читают».³³ Этот упрек Вере Федоровне в излишней болтливости и неосторожности имел, разумеется, полное основание: Вяземский опасался возникновения неблагоприятных слухов и относительно Пушкина, да и за себя, так как и сам он находился на подозрении; Пушкин же в свою очередь был достаточно беспечен и доверчив, в особенности беседуя с друзьями. Только что было дано согласие на его брак с Н. Н. Гончаровой и состоялась помолвка, для чего родные невесты потребовали свидетельство о «благонадежности» поэта, лицемерно представленное самим Бенкендорфом. В этих обстоятельствах сообщать даже в частных письмах признания поэта, сделанные им в минуту откры-

³² См.: Н. В е р х о в с к а я. Пушкинские места в Подмоскowie, стр. 56—57.

³³ «Звенья», т. VI, стр. 265.

венности, для П. А. Вяземского значило почти то же, что предавать их огласке. Нет сомнения, что Вера Федоровна оценила вполне адресованный ей упрек мужа и в своих дальнейших письмах к нему была значительно более сдержанна и немногословна, чем раньше, в сообщениях о Пушкине и о беседах с ним. Не менее сдержан в своих ответах ей был и Вяземский. Именно этим, вероятно, и объясняется, что в их переписке нет больше никаких подробностей о записи Пушкиным элегии «На холмах Грузии» в Остафьеве, если она действительно возникла, как мы предположили выше, в первых числах июня 1830 г. или в конце мая (до или после поездки Пушкина в Полотняный Завод).

Есть еще одно обстоятельство, косвенно подтверждающее эту догадку и во всяком случае позволяющее допустить, что беседы Пушкина и В. Ф. Вяземской о стихотворении «На холмах Грузии» продолжались и после возвращения поэта из Остафьева в Москву около 5 июня. 9 июня 1830 г. помечено новое письмо Вяземского к Вере Федоровне: элегия «На холмах Грузии» здесь не упомянута, но на этом письме, на свободной от текста странице, Пушкин своей рукой написал:

Стих 2

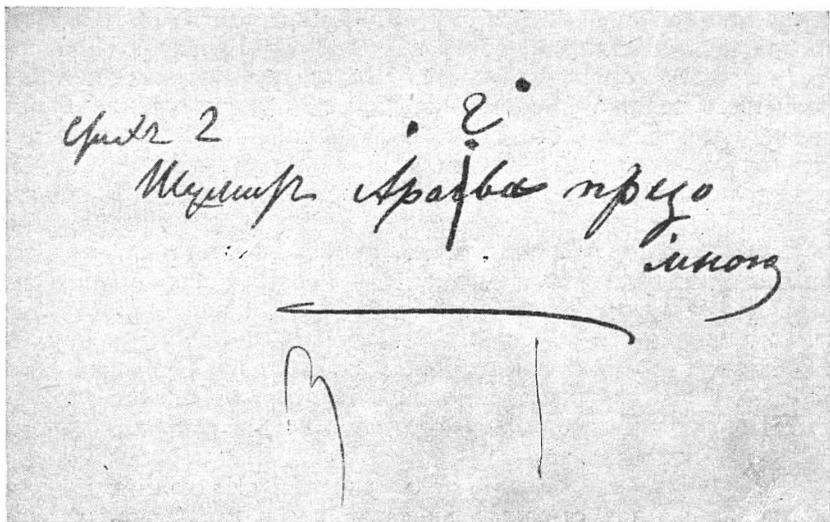
Шумит Арагва предо мною.³⁴

При этом буква «г» зачеркнута и над нею поставлен либо вопросительный знак, либо та же строчная буква «г», но в каллиграфическом начертании.³⁵ Как возникла эта запись, установить, естественно, затруднительно; тем не менее представляется очень правдоподобным, что вариант 2-го стиха, начертанный Пушкиным на письме Вяземского от 9 июня, после того как оно достигло Москвы или Остафьева, находится в непосредственной связи

³⁴ Там же, стр. 270. Здесь же (стр. 271) воспроизведен автограф этой записки с ошибочным указанием, что он хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. На самом деле место его хранения — ЦГАЛИ в Москве (ф. 195, оп. 1, № 3267, л. 328 об.).

³⁵ М. С. Боровкова-Майкова, опубликовавшая письма П. А. Вяземского к жене (См. «Звенья», т. VI), полагает, что в записи над зачеркнутой буквой стоит именно знак вопроса и даже пытается его объяснить. Указав, что письмо от 9 июня, «как и другие, было отослано Вяземским Вере Федоровне в Москву или Остафьево», а она «могла дать его для прочтения Пушкину», М. С. Боровкова-Майкова высказывает (стр. 272) ничем не мотивированное, но поистине юмористическое предположение: по ее словам, Пушкин «сделал надпись вместо Арагва „Арава“, которая могла обозначать четырех детей Вяземских» (!). Хотя В. И. Даль (Толковый словарь живого великорусского языка, ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 20) знает акающую форму слова «орава» и даже приводит ее в перечне слов на «а», но догадка, что это слово знал и употребил Пушкин в данном случае с указанным применением может вызвать лишь улыбку своей наивностью и полной бессодержательностью. Скорее всего знак вопроса над перечеркнутой буквой «г» мог означать сомнение в фонетически правильном произнесении названия известной грузинской реки: Арагва, Арахва, Араква; в ту пору многие кавказские географические имена не имели еще в русской печати устойчивой орфографической нормы.

с публикуемым новым автографом, где именно 2-й стих читается иначе: «Блистают звезды надо мною». Пушкин как бы восстанавливал для В. Ф. Вяземской этот стих элегии, прежде им зачеркнутый, и делал это на случайно подвернувшемся ему под руку листке бумаги; этим листком оказалось письмо к Вере Федоровне ее мужа из Петербурга. К содержанию этого письма дан-

Автограф стиха 2 элегии «На холмах Грузии» (ЦГАЛИ, Москва).

ная поправка отношения не имела, но беседу поэта с той, кому оно было адресовано, подтвердила документально и самым неожиданным образом; мы имеем полное право предположить отсюда, что в этой беседе Пушкина и Вяземской речь, в частности, коснулась элегии «На холмах Грузии».

Неизвестно, получил ли П. А. Вяземский список этого стихотворения, когда он просил об этом жену, или узнал его текст позже; мы знаем зато, что Вера Федоровна послала его список в Сибирь, М. Н. Волконской, вместе с другими литературными новинками, которыми она делилась с нею от времени до времени. Очевидно, список сопровождается был пояснениями относительно того, к кому оно обращено. О помолвке Пушкина с Н. Н. Гончаровой В. Ф. Вяземская знала уже с конца апреля; больше того, Пушкин не только известил ее об этом собственным письмом (написанным не позднее 28 апреля), но здесь же просил ее быть его «посаженой матерью».³⁶ В этих условиях В. Ф. Вяземская

³⁶ В этом письме Пушкин писал В. Ф. Вяземской: «Mon mariage avec Natalie (que par parenthèse est mon Cent-troisième amour) est décidé <...> je vous engage à être ma posаженая мать» (Акад. XIV, 81).

едва ли могла в своем сопроводительном письме М. Н. Волконской назвать адресатом элегии кого-либо другого, кроме невесты поэта — Наталии Николаевны. Во всяком случае в ответном письме от 19 октября 1830 г. М. Н. Волконская по этой самой причине называла Пушкина «приемным сыном» (*voire fils d'adoption*) Вяземской. Все это письмо настолько интересно и существенно для понимания элегии в целом и того, как она была воспринята современниками, что его стоит процитировать в части, относящейся к стихотворению «На холмах Грузии». Приводим его (в переводе с французского): «Благодарю Вас за стихотворение нашего великого поэта; признаюсь, я злоупотребила Вашим доверием и сообщила его здесь. В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, нет сомнения, но в них нет ни связи, ни соответствия с дальнейшими мыслями, столь достойными нашего великого поэта, и, судя по тому, что вы мне сообщаете о той, кто вдохновляет его, мысли и свежи и привлекательны. Но конец — прошу у вас, милая Вера, прощения за вашего приемного сына — это конец старого французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего. Поручаю Вам передать ему наши самые искренние, самые подлинные поздравления».³⁷

Этот критический отзыв о стихотворении «На холмах Грузии» производит на нас странное впечатление; в высказанных здесь о нем не столько суровых, сколько неясных и противоречивых суждениях пытались даже усмотреть известную нарочитость, скрывавшую подлинную его оценку М. Н. Волконской.³⁸ Может быть, и она сама почувствовала, что отзыв ее об этом стихотворении дает некоторые основания быть понятым превратно, несмотря на все сопровождающие его оговорки; во всяком случае она писала Зинаиде Волконской несколько месяцев спустя (20 марта 1831 г.): «Вера Вяземская перестала мне писать с тех пор, как я назвала стихи ее приемного сына (Пушкина, — М. А.), обращенные к его невесте, любовным пустословием или же мадригалом: что не любить оно не может»³⁹ (все письмо написано по-французски; последние цитируемые пушкинские слова, воспроизводящие 8-й стих элегии, — в подлиннике). Цитата в этом письме М. Н. Волконской в сопоставлении с ее же отзывом о стихотворе-

³⁷ См.: М. П. Султан-Шах. М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 гг. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, 1956, стр. 262—263; воспроизводим перевод Б. В. Томашевского, напечатанный им в комментарии к «Стихотворениям» Пушкина, изданным в серии «Библиотека поэта. Большая серия», т. 3, стр. 837.

³⁸ См.: Л. П. Гроссман. У истоков «Бахчисарайского фонтана». «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, 1960, стр. 100.

³⁹ А. С. Пушкин, Стихотворения, т. 3, стр. 837.

нии в целом (в приведенном выше письме) обращает на себя внимание, прежде всего как документальное свидетельство: несомненно, что полученный ею список кончался теми же стихами, какими он завершался в тексте, напечатанном самим поэтом; мы можем в то же время заключить отсюда, что список, посланный М. Н. Волконской в Сибирь, был тождествен с тем, который мы публикуем. Таким образом, М. Н. Волконская предположила, что ее отзыв о стихотворении Пушкина мог рассердить или обидеть В. Ф. Вяземскую за поэта, но заключительные стихи элегии

И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может,

как бы вновь объявлены здесь «любовным пустословием» (*gadotage amoureux*) или «мадригалом»: М. Н. Волконская очень точно воспроизвела эти свои словесные определения, высказанные ею за пять месяцев перед тем. Остается загадкой, действительно ли она не в состоянии была понять тончайший лиризм этого пушкинского стихотворного шедевра и глубоко скрытый интимный повод к его созданию или же, напротив, маскировала притворной наивностью свое впечатление от него, говоря, что видит в нем нечто сходное с мадригалом, слова которого не следует понимать буквально, так как их смысл скрыт за условными формулами светского этикета. Современный нам исследователь лирики Пушкина справедливо оттеняет в этом стихотворении нечто иное, совершенно противоположное искусному версификаторству или привычным канонам традиционной формы, и выделяет в нем в качестве основной лирической темы «мелодию любовной печали», построенную на контрастных по видимости, но внутренне целостных ощущениях: «Печаль „светла“, потому что она полна любви, а чувство любви само по себе уже есть наслаждение. Это понимал Пушкин еще в юные годы: Нет! и в слезах сокрыто наслаждение... Окончание стихотворения говорит о любви как о непреодолимой потребности сердца... Это «оттого», поставленное в конце стиха, создает глубокую, эмоционально наполненную паузу. Последний стих звучит как тяжелый вздох».⁴⁰

Несомненно одно: ни М. Н. Волконская, ни, вероятно, даже В. Ф. Вяземская не знали, что в черновике «На холмах Грузии» имело продолжение, над которым шла упорная работа, оставшаяся, однако, незаконченной. В следующей (черновой) строфе был более открыто и прямолинейно назван повод к созданию элегии и яснее высказан намек на лицо, которое поэт имел в виду. С. М. Бонди был безусловно прав, догадываясь о причинах того, почему продолжение стихотворения осталось незаконченным: «Только что добившемуся руки Натальи Николаевны жениху-Пушкину, вероятно, не хотелось опубликовывать стихи, написанные в разгар его сватовства и говорящие о любви к ка-

⁴⁰ А. С л о н и м с к и й. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 123—124.

кой-то другой женщине («Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь»). В напечатанных же первых двух строфах этот мотив — новое возвращение прежнего чувства — настолько незаметен, что комментаторы, не знавшие «продолжения отрывка», нередко относили эти стихи к самой Гончаровой». ⁴¹ «Не исключена возможность также, — прибавлял С. М. Бонди, — что те же соображения — опасения каких-нибудь конкретных применений — заставили Пушкина изменить первые два стиха и перенести место действия в Грузию:

На холмах Грузии лежит ночная мгла.
Шумит Арагва предо мною. . .

Впрочем, настаивать на этом мы не станем — возможно, что мотивы этих изменений у Пушкина были чисто художественные». ⁴²

Вопросы о том, почему «Отрывок» остался неоконченным, почему замысел в целом остался невоплощенным, а также о том, к кому он был обращен, остаются неясными и поныне. По этому поводу высказано было много предположений, но ни одно из них не осталось без более или менее убедительных возражений. П. И. Бартев в 1881 г. полагал, что стихотворение имеет в виду Н. Н. Гончарову; ⁴³ позднее П. А. Ефремов осторожно догадывался, что оно адресовано Е. Н. Ушаковой, ⁴⁴ затем Е. Г. Вейденбаум высказывался в пользу Елены Николаевны Раевской. ⁴⁵ После известных разысканий П. Е. Щеголева об «утаенной любви» Пушкина наиболее распространенным и подробнее всего аргументированным сделалось утверждение, что «На холмах Грузии» обращено к М. Н. Волконской; ⁴⁶ тем не менее и после этого Ю. Н. Тынянов со своей стороны, высказывал догадку, что Пушкин писал свою элегию, думая об Екатерине Андреевне Карамзиной (жене писателя, сестре по отцу П. А. Вяземского). ⁴⁷

⁴¹ С. Бонди. Новые страницы Пушкина, стр. 27 (автор считал доказанным П. Е. Щеголевым, что стихотворение адресовано к М. Н. Волконской).

⁴² Там же, стр. 27.

⁴³ См.: «Русский архив», 1881, кн. III, № 2, стр. 468.

⁴⁴ См.: Сочинения А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. III, 1903, стр. 304.

⁴⁵ См.: «Русский архив», 1904, кн. I, стр. 676—677.

⁴⁶ См.: П. Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XIV, СПб., 1911, стр. 53—193; П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 345—346; Т. Г. Цявловская, в кн.: А. С. Пушкин, Собр. соч. в 10 тт., т. 2, М., ГИХЛ, 1959, стр. 710. До П. Е. Щеголева о том, что «На холмах Грузии» обращено к М. Н. Волконской, писали В. Ледницкий (Wacław Lednicki. Puszkin i Marja Wolkońska. В его кн.: Aleksander Puszkina. Studia. Krakow. 1926, str. 238) и М. А. Цявловский в «Полном собрании сочинений» Пушкина Изд. (т. I, «Academia», М.—Л., 1936, стр. 768).

⁴⁷ См.: Ю. Тынянов. Безыменная любовь, стр. 261—262.

Почти общая уверенность биографов Пушкина, что «На холмах Грузии» обращено не к невесте поэта, а к предмету его старой любви М. Н. Волконской, о которой он вспомнил и в посвящении к «Полтаве», поколеблено было лишь с тех пор, как стало известно письмо ее к В. Ф. Вяземской, от которой она и получила список стихотворения.⁴⁸ Находка его нового автографа еще раз подтверждает, что в этом списке стихотворение состояло только из двух строф, но у нас по-прежнему нет достаточных данных для того, чтобы утверждать с полной уверенностью, к кому поэт мысленно обращался в лирических признаниях этого стихотворения. В письме к М. Н. Волконской В. Ф. Вяземская несомненно утверждала, то ли искренне заблуждаясь, то ли намеренно скрывая истину, что, создавая эту элегию, поэт думал о своей невесте.⁴⁹ Ее сын, П. П. Вяземский, в то время еще мальчик, находившийся с матерью в Остафьеве, когда туда приезжал Пушкин и помнивший поэта, а позднее имевший доступ к семейным бумагам, утверждает, что свидетельствам его о собственных стихах не всегда можно было верить и что он не всегда открывал свое сердце для любопытствующих. «Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 года. Напускной же цинизм Пушкина доходил до того, что он хвалился тем, что стихи, им посвященные Н. Н. Гончаровой 8 июля 1830 г. —

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец...

что эти стихи сочинены им для другой женщины».⁵⁰ Это свидетельство о стихотворении «Мадона», явно основанное на словах поэта, лишний раз удостоверяет нас в том, как осторожно нужно к ним относиться в подобных случаях, а, кстати, также и в том, насколько второстепенным является вопрос об имени реальной вдохновительницы того или иного пушкинского стихотворения. От того, что мы в некоторых случаях можем о нем догадаться, ничего не изменится в нашем отношении к самим стихотворениям, которые по-прежнему останутся для нас образцами лирического творчества непреходящего значения.

---

⁴⁸ См.: М. П. Султан-Шах. М. Н. Волконская о Пушкине..., стр. 263—266.

⁴⁹ Существуют взаимоисключающие точки зрения на то, что думала по этому поводу М. Н. Волконская. По мнению Б. П. Городецкого, она, по-видимому, «так и не узнала истины. Ее отзывы об этом стихотворении в письмах к В. Ф. Вяземской и З. А. Волконской содержат оттенок скрытой грустной обиды» (Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, стр. 373). Л. П. Гроссман, напротив думает, что «Волконская, видимо, почувствовала, что эти строфы обращены к ней, и отвечала Вяземской необычным критическим замечанием» («Пушкин. Исследования и материалы», т. III, стр. 100).

⁵⁰ П. П. Вяземский, Собр. соч., СПб., 1893, стр. 520—521.

В. Э. ВАЦУРО

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ А. А. ПЕРОВСКОГО О «РУСЛАНЕ И ЛЮДМИЛЕ»

В «журнальной войне», возникшей с первым появлением «Руслана и Людмилы», особое место принадлежит статьям А. А. Перовского. Естествоиспытатель, историк и филолог, один из основателей Общества любителей российской словесности, он по своим личным и литературным симпатиям всецело принадлежал к кругу друзей и единомышленников Пушкина.¹ Антикритики Перовского — отражение литературной позиции старших арзамасцев (в первую очередь П. А. Вяземского и А. И. Тургенева) — были высоко оценены самим Пушкиным.²

Первое журнальное выступление Перовского было, как известно, направлено против печально знаменитой статьи А. Ф. Воейкова о «Руслане и Людмиле».³ В полном соответствии с мнением Вяземского и А. Тургенева Перовский высмеивает критику Воейкова как образец педантической привязчивости, в то же время отрицая и самые принципы классической поэтики, от которых отпирывался Воейков. Ответ на антикритику не замедлил появиться. Он был озаглавлен «Скромный ответ на нескромное замечание г. К—ва»,⁴ подписан «М. К—в» и, возможно, также принадлежал Воейкову.⁵

¹ См. подробное изложение хода полемики и анализ позиций участников в кн.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 340—356.

² См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. и предисловие к 2-му изданию «Руслана и Людмилы» (Акад., XIII, 24; IV, 282).

³ В. <А. Воейков>. Разбор поэмы «Руслан и Людмила». Сочинение Александра Пушкина. «Сын отечества», 1820, ч. 64, №№ 34—37; П. К—в <А. Перовский>. Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо к издателю). Там же, ч. 65, № 42, стр. 72—86.

⁴ «Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 112—121.

⁵ См.: Д. Д. Благой. «Руслан и Людмила» Пушкина. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 127, Труды кафедры русской литературы, кн. 3, 1948, стр. 49.

Вторая антикритика Перовского в печати не появилась. Однако он намеревался продолжить полемику. Об этом свидетельствует его неопубликованная статья, хранящаяся в Центральном гос. историческом архиве (Ленинград), в фонде Перовских.⁶ Она называется «Ответ на скромный ответ г-на М. К—ва». Основанием к ее датировке может служить письмо А. Тургенева к Вяземскому от 28 октября 1820 г., где он сообщает: «Мои чиновники: Воейков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина. Третий М. К—в, — В. В.) вступился за Воейкова и написал вместо антикритики послужной его список <...>. Сегодня противники помирились и обнялись».⁷ Вероятно, статья была написана в промежутке между 23 октября (дата выхода № 43 «Сына отечества») и 28 октября 1820 г.; примирение помешало опубликованию.

В своей второй антикритике Перовский вынужден, защищая Пушкина, защищаться и сам; совершенно естественно, что значительная часть его статьи — повторение и развитие уже высказанных им однажды положений. Однако она содержит и некоторые новые данные для исследования литературной борьбы вокруг пушкинской поэмы. Дело в том, что с появлением «Скромного ответа...» полемика вступила в новую фазу и приобрела почти памфлетный характер: «М. К—в» по существу раскрыл авторство Воейкова, апеллировал к его ученым заслугам и сослался на авторитет И. И. Дмитриева, осудившего «Руслана и Людмилу». Тем самым в представлении читателей частное выступление анонимного журнального рецензента получало значение приговора, вынесенного наиболее компетентными судьями литературного мира. Делая попытку дезавуировать критику, Перовский выражает ироническое удивление по поводу несоответствия внушительного «послужного списка» своего противника и его недостаточной «опытности, учености и учтивости» и вновь исчисляет отмеченные им ранее промахи и ошибки Воейкова. Он пользуется случаем уличить Воейкова и в прямом невежестве — незнании широко известных картин Корреджио (это, как известно, заметил и Пушкин).⁸

Отрицая самые принципы классической поэтики, иронизируя над «плодовитостью» разборов Лагарпа, Перовский тем не менее

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1024, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 24—27. Статья — черновик с большим количеством поправок и вставками на полях; сохранилась среди черновых рукописей литературных и критических произведений 1820—1830 гг.; из них укажем на неопубликованное письмо издателю «Вестник Европы» с критикой помещаемых в журнале «мыслей, правил и характеров». Окончание статьи записано на листе бумаги иного цвета (зеленоватого) теми же чернилами и вложено отдельно от начала (л. 8). Не дописанные Перовским цитаты из «Скромного ответа на нескромное замечание г. К—ва» восстанавливаются по тексту «Сына отечества».

⁷ Остафьевский архив кн. Вяземских, т. II. СПб., 1899, стр. 95.

⁸ См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. (Акад., XIII, 21).

не отождествляет Воейкова с его литературными учителями, а создает в своей статье почти карикатурный облик эпитгона-«классика», педантичного и невежественного ревнителя догматических правил, «зонла», хорошо знакомого читателю по многочисленным памфлетам и эпиграммам карамзинистской ориентации. Общее для карамзинистов требование «учтливости» в полемике также приобретает в статье особый смысл: как и Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, Перовский видит в Пушкине надежду русской словесности и требует для него корректной и благожелательной критики. Чрезвычайно интересна попытка нейтрализовать и отрицательный отзыв «увенчанного, первоклассного отечественного писателя» — И. И. Дмитриева («Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность»); не бывший секретом в литературных кругах, он сделался достоянием широких читателей именно через «Скромный ответ...». Как известно отзыв Дмитриева был холодно встречен Вяземским и А. И. Тургеневым и очень задел Пушкина.⁹ Перовский, отлично осведомленный в закулисной литературной борьбе, знал, что Дмитриев, не встретив сочувствия, пошел на компромисс: в письме к Вяземскому от 18 октября 1820 г. он уже выражал сожаление, что «наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво», хотя по существу продолжал соглашаться с Воейковым.¹⁰ Возможно, что именно этот отзыв нашел отражение в статье Перовского как контраргумент Воейкову.

Интересно также и указание Перовского на его отдаленное знакомство с Пушкиным к моменту написания рецензии. Проверить справедливость этого утверждения мы сейчас не можем; в полемике нередки случаи, когда авторы антикритик преуменьшают свое знакомство с «подзащитным», создавая видимость полной беспристрастности.¹¹ Перовский приехал в Петербург в 1816 г., 27 декабря поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий под начальство А. И. Тургенева и вошел в тесный круг литераторов — участников и единомышленников Арзамаса.¹² Существуют свидетельства о вечерах

⁹ См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. Акад., XIII, 40 и предисловие к 2-му изданию «Руслана и Людмилы» (Акад., IV, 284), где Пушкин иронически характеризует Дмитриева словами Воейкова: «Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из *увенчанных, первоклассных отечественных писателей*, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность».

¹⁰ «Старина и новизна», кн. 2, 1898, стр. 141.

¹¹ Ср. такой случай в письме Е. М. Хитрово неизвестному издателю от 22 марта 1830 г. (Ю. М. Лотман. Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина». «Временник Пушкинской комиссии. 1962», Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 55—56).

¹² Биографические сведения о Перовском см. в статье А. И. Кирпичникова «Антоний Погорельский. Эпизод из истории русского романтизма» (в его кн.: Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896).

у Перовских, где присутствовали А. И. Тургенев, Жуковский и др.¹³ На одном из подобных собраний в 1816—1820 гг. и могло произойти первоначальное знакомство Перовского и Пушкина, перешедшее затем в дружбу и литературное сотрудничество.

Приложение

ОТВЕТ НА СКРОМНЫЙ ОТВЕТ Г-НА М. К—ВА

Я читал ответ, который вам, милостивый государь, угодно называть *скромным*,¹ но *скромного* в нем ничего не нашел. Покорнейше прошу за то на меня не гневаться, я говорю это не в *осуждение* вам, а только в *предосторожность*. Откровенно признаюсь, что я сначала намерен был оставить без ответа скромную вылазку вашу на мою антикритику, но вы обнаружили свету, кто сочинитель разбора «Руслана и Людмилы», и тем поставили меня в необходимость оправдаться пред читателями С<ына> о<тчества> в непростительной смелости: быть противных мыслей с членом Российской Академии, с ординарным профессором, с доктором философии, с сочинителем речей, посланий и сатир и пр. и пр. и пр. (смотри продолжение титлов и сочинений № 43-й стр. 113-я и 114-я).

Начну с того, что, не обязан будучи знать, что мистическая буква *В*, поставленная в конце разбора поэмы, заключает в себе такое множество ученых титлов, я не мог догадаться, кто сочинил сей разбор.² Даже и теперь, по прочтении вашего скромного ответа, и теперь я бы сомневался в сей неожиданной новости, если б не *вы*, милостивый государь, приняли труд меня наставить на истинный путь. Итак, сочинитель разбора есть тот самый писатель, который перевел «Енеиду» с *латинского*, проповедал с *немецкого* и «век *Лудовика XIV*» с *французского*. Смотрите пожалуйста, как легко можно обмануться! Кто бы это подумал! Я, по крайней мере, судя по плоским шуткам, по странным и неосновательным привязкам, по неучтивым нападкам, полагал, что разбор ее сочинен каким-нибудь новичком, которому за долг счел пожелать более опытности, учености и учтивости! Приношу повинную голову в сей неумышленной ошибке, но, удовлетворив таким образом искреннему желанию моему снискать великодушное прощение почтеннейшего г-на В., да позволено мне будет побеседовать немного с скромным защитником его.

Какая непонятная причина побудила вас, милостивый государь, обороняться от моей антикритики учеными дипломами г-на В.? Удивляюсь памяти вашей, украшенной столь завидными сведениями о всех ученых званиях вашего клиента, но какую связь имеют они с разбором? Если б г-н В. получил оные за со-

¹³ См., например, письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 10 сентября 1820 г. (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. II, стр. 66).

чинение сего разбора, то *дело выше*, конечно, было бы *в шляпе*, вы бы тогда имели право сказать: неприлично *многоученому остроумцу-замечателю* критиковать то, что одобрено столь многими учеными сословиями, и я спорить бы с вами не стал. Но будем откровенны друг против друга, милостивый государь! Неужели думаете вы, что какое бы то ни было ученое общество согласилось бы сделать г. В. сочленом своим, если б он не имел иных заслуг, кроме упомянутого разбора? Весь ответ ваш, милостивый государь, основан на правилах столь же ничтожных. Что нам за дело до того, что рецензент при сочинении рецензии руководствовался иностранными журналами и Лагарпом, когда он не умел или не хотел подражать им в том, что достойно подражания. Чем же похож разбор г-на В. на рецензии, которые читали вы в «*Mercure de France*», «*Allgemeine Literatur Zeitung*», «*Cours de Littérature*» de la Harpe и проч.³ Плодовитостью!!! Пространные разборы Лагарпа, милостивый государь, не тем хороши, что они пространны, — рецензии не аршинами меряются и не на весах взвешиваются, а должны иметь другие достоинства.

Спрашиваю вас, в котором из иностранных или отечественных журналов г. В. нашел, что бедные рифмы надлежит называть мужицкими, что роковой пламень *брат* дикому пламени, что колдуны всегда бывают старые, что нельзя *сладко* дремать и проч. и проч. Из какого образца он почерпнул логический довод: что нельзя сказать *мрак немой*, *потому*, что нельзя сказать *мрак болгающий*? Сии-то ошибки вам надлежало бы оправдать, скромный мой соперник, вместо рассуждений о моих пороках и добродетелях, кои ни до литературы, ни до вас не касаются и по сей причине не заслуживают ответа.

Напрасно вы берете на себя труд перелаживать по-своему цель, которую я имел при напечатании моей антикритики. Мне никогда не приходило на мысль досадовать на рецензента за то, что он не признал стихотворение Пушкина *непогрешительным*. Я и сам не признаю его поэму безошибочною. Погрешности найти можно в писателях, которые гораздо известнее Пушкина, но разница состоит в том, что те ошибки, которые думал найти г-н В., по мнению моему и многих других, совсем не существуют. Смею утверждать даже, что увенчанный, первоклассный писатель, на свидетельство которого вы упирались, не мог одобрить разбора г-на В. в отношении к логике, к остроте и к вежливости. И я не менее «*Невского зрителя*»⁴ сожалею о том, что картины Пушкина слишком чувственны, но никто до г-на В. не позволял себе называть их *площадными шутками*. Вот, милостивый государь, в чем состоит моя претензия на г-на В., она весьма ясно изложена в моих замечаниях (стр. 79). Из чего же вы взяли, что я желаю, чтобы кто-нибудь, разбирая поэму Пушкина, назвал ее *училищем нравственности*? Богатая мысль сия принадлежит вам

одним, государь мой, она есть ваша собственность, и я никакого не имею на нее права.

Вы, обещавшись шаг за шагом идти за антикритикою, пропустили весьма много статей моих, вероятно потому, что никакого дельного возражения не могли придумать. Изгибистое за- щипление новоизобретенного термина *мужицкие рифмы* нимало не оправдывает оно. Если слово *копием* заслуживает, по вашему мнению, эпитет *грубого*, то какое название надлежит дать термину *мужицкие рифмы*, который, кроме грубости, заключает в себе совершенную бессмыслицу?

Я читал и перечитывал параграф VI ответа вашего и нимало не убедился в основательности ваших доводов. Г. В. сделал следующее *логическое* (!!) предложение. Наш молодой поэт поступил очень хорошо, написав сию богатырскую повесть *стихами*, и предпочел идти по следам Ариосто и Виланда, а не *Флориана*. Хорошие судьи, истинные знатоки изящного не одобряют такого рода творений *в прозе, ибо прозаическая поэма есть противоречие в словах, чудовищное произведение в искусстве*.

Воля ваша, милостивый государь, а я опять повторяю то, что сказал в замечаниях. Вероятно, г. В. не знает различия между *прозаическою поэмою* и *поэмою, писанною в прозе*.

Если хорошие судьи не одобряют поэм, писанных в прозе, то конечно не *потому, что прозаическая поэма есть чудовищное произведение в искусстве* — в сем, по мнению вашему, *логическом* предложении нет ни логики, ниже смысла.⁵

В параграфе XV вы утверждаете, что стихи:

Убью... преграды все разрушу

Теперь-то девица поплачет

оправдывают негодование г-на В. на Рогдая. Пусть так, милостивый государь! но прошу вас прочитать опять сей разбор, вы увидите, что г. В. не из сих стихов заключил, что *кровопролития* для Рогдая забава и *слезы невинных пища*. Почтенный разбиратель изъясняется именно сими словами. «Характер Рогдая изображен смелою кистью Орловского, *мрачными красками Корреджия*:

Угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он;
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен».

Прочитав сей стих, <мы с ужасом видим перед собою одного из тех гладнокровных воинов-убийц, которые не умеют прощать, для которых кровопролитие есть забава, а слезы несчастных — пища>.

Ссылаюсь на беспристрастных читателей: справедливо ли я заметил, что в стихах сих видна одна ревность? Тут нет еще ни злодейства, ни кровопролития, ни прочих ужасов, которые пыльное воображение г-н<а> В. *видит перед собою*. Стих же:

Убью... преграды все разрушу

является в поэме Пушкина ровно 17 страниц после тех стихов, которые столь безвинно внушают ужас г-ну разбирателю. При сем случае не могу не упомянуть еще об одном обстоятельстве, которое я пропустил в своих замечаниях. Желательно знать, из каких иностранных журналов г. В. извлек определение, что Корреджио писал *мрачными красками*? Признаюсь, что впервые слышу о сем важном открытии! Как! Желая похвалить Пушкина за удачное описание *воина-убийцы, хладнокровного злодея*, г. В. сравнивает описание сие с картинами Корреджия! — Корреджия, которого одушевленная кисть оставила нам памятники, дышащие негою, легкостью и приятством, того Корреджия, прозванного живописцем граций! Вероятно, г. В. слышал о знаменитой картине, известной под названием *Ночь Корреджия*, но он не знает, что картина сия ни с какой стороны не может быть названа мрачною: она, напротив, изображает радостнейшее событие для всего человеческого рода; она отличается именно чудесным расположением света! Художники настоящего и времени будущих, если (от чего да избавит вас Бог) дойдет до вас разбор г-на В., не дерзайте смеяться над неудачным сим сравнением; вам представят длинную опись всех его титлов, сочинений и переводов — и вы будете виноваты.⁶

Остается теперь, скромный защитник вежливого разбирателя, поговорить с вами о неучтивостях, которые столь строго на мне вы взыскиваете, тогда когда в г-не В. они вам кажутся приятны. Дружба, милостивый государь, есть чувство достойное уважения, я уважаю чувство сие и в вас, но не могу не заметить, что оно делает вас слишком пристрастным. Неужели, не шутя, вы требуете, чтоб я неловкие шутки г-на В. принимал за острые слова! Неужели вы думаете, что дипломы вашего друга дают ему право говорить нелепости, которые тем непростительнее, что они истекают из пера ординарного профессора и доктора философии и пр. и пр. Примите, милостивый государь, в заключение сего последнего *письменного* ответа откровенное изложение мыслей моих о поэме Пушкина и о разборе оной.

Я уважаю талант юного поэта нашего (с которым я почти *не-зачаком лично*). Я думаю, что никто еще из наших соотечественников в *таких* молодых летах не подавал *такой* надежды на будущее время, как он. Потому-то весьма бы было *полезно для Пушкина и занимательно* для читателей его, если б нашелся критик, который, устранившись от самолюбия, не выдавал бы плоские свои

насмешки за остроумные изречения, неосновательные суждения за логические доводы и ученые дипломы за привилегии быть невежливым!

Впрочем, долгом считаю объявить, что личности я не имею никакой ни против г-на В., ни даже против вас!

---

¹ Здесь, как и в дальнейшем, курсивом выделены цитаты из «Скромного ответа на нескромное замечание г. К-ва» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 112—121).

² Это не соответствует действительности и является полемическим приемом (см. цитированное на стр. 49 письмо А. И. Тургенева к Вяземскому). В первой антикритике Перовского содержался намек на интимные подробности жизни Воейкова, на что последний болезненно реагировал в своем ответе (см. письмо М. А. Мойер к А. П. Елагиной от 2 ноября 1820 г. — Уткинский сборник, № 1, М., 1904, стр. 247 и 248, прим.).

³ Ср.: «Г. замечательно не нравится плодovitость г. В.: что же делать? Он руководствовался при сочинении своей рецензии дурными образцами, а именно имел в виду: „Mercure de France“, „Allgemeine Literatur Zeitung“, „Revue Encyclopedique“, „Cours de Littérature“ par La Harpe и рецензии в „Вестнике Европы“ и „Северном вестнике“, помещенные» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 114—115).

⁴ См. статью «Замечания на поэму: Руслан и Людмила, в шести песнях, соч. А. Пушкина, 1820» («Невский зритель», 1820, № 7), где сказано: «... надобно сожалеть, что он (Пушкин, — В. В.) представляет часто такие картины, при которых невозможно не краснеть и не потуплять взоров» (стр. 78).

⁵ В первой антикритике Перовский иронически отозвался о схоластической классификации поэм, предложенной Воейковым «... он, вероятно, не знает различия между прозаическою поэмою и поэмою, писанною в прозе. Не стихи составляют отличительный характер поэзии. Напр<имер>, в поэме «Марфа Посадница» (повесть Карамзина, — В. В.), писанной в прозе, несравненно более поэзии, нежели в поэме «Искусства и науки» (поэма Воейкова, — В. В.), писанной в стихах» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 74).

⁶ Перовский ссылается на картину Корреджио (Антонио Аллегри, 1494—1518) «Рождество, или «Ночь» (ныне в Дрезденской галлерее). Ошибка Воейкова («мрачные краски Корреджио») была вопиющей на фоне всеобщих оценок Корреджио как мастера со светлым гармоничным колоритом (ср., например, отзывы Руссо, применявшего к Корреджио эпитет «peintre de grâce»).

Л. А. ЧЕРЕЙСКИЙ

К СТИХОТВОРЕНИЮ ПУШКИНА «ПОЛКОВОДЕЦ»

В третьем номере «Современника», вышедшем 30 сентября 1836 г.,¹ без подписи напечатано стихотворение Пушкина «Полководец», посвященное памяти одного из героев Отечественной войны 1812 г., М. Б. Баркляя-де-Толли, недостаточно оцененного современниками.

Родственник фельдмаршала М. И. Кутузова Логгин Иванович Голенищев-Кутузов (1769—1846) усмотрел в «Полководце» умаление заслуг Кутузова и выпустил в начале ноября 1836 г. специальную брошюру с возражениями Пушкину.

По словам современных исследователей, «...тираж этого издания был для того времени довольно значительный — 3400 экземпляров. Тем страннее, что нам не удалось разыскать ни одного экземпляра ни в одном книгохранилище».² Единственный раз эта брошюра была перепечатана П. А. Ефремовым с принадлежавшего ему уникального экземпляра, местонахождение которого сейчас неизвестно.³

¹ Дату выхода в свет третьего тома «Современника» (и нижеупомянутых печатных изданий) приводим по датированному и нумерованному билету на выпуск книги из типографии (см.: Реестр печатных книг по С.-Петербургскому цензурному комитету в 1836 г. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 268, № 1224). Настоящей публикацией уточняется дата выпуска третьего тома «Современника», ранее установленная в книге Н. Сивявского и М. Цявловского «Пушкин в печати» (изд. 2-е, М., 1938, стр. 131; № 1154: «в октябре, не позднее 9»). Цензурное разрешение третьего тома, обозначенное на книге — «сентября 1836» (без числа), может быть уточнено по указанному выше «Реестру» — 28 сентября 1836, что важно для датировки пушкинских произведений, которые входят в этот том.

² В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. «Временник Пушкинской комиссии», № 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 155—156.

³ См.: Сочинения А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 1905, стр. 360—367. Ефремов также отмечал, что «эта брошюра не встречается в библиотеках».

Нам удалось разыскать это издание в фондах Ленинградской Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, где оно числится под условным названием: «Замечания на стихотворение Пушкина „Полководец“» (пифр 18.191.1.84).

Брошюра размером в большую четверку (18 × 23 см), не имеет титульного листа и обложки. Текст начинается с самого верха первой страницы и оканчивается в самом конце третьей страницы цензорским разрешением 3 ноября 1836 г. и подписью автора: «Л. Голенищев-Кутузов.» Разночтений с перепечаткой Ефремова нет.

Второй экземпляр брошюры отыскан также в Публичной библиотеке, в комплекте газеты «Санктпетербургские ведомости», (сентябрь—декабрь 1836 г.), в виде приложения — вкладыша к воскресному номеру 256 этой газеты от 8 ноября 1836 г.⁴

Свою рукопись, объемом в 7 страниц, Л. И. Голенищев-Кутузов передал 3 ноября 1836 г. в Цензурный комитет и при содействии гр. С. С. Уварова (злейшего врага Пушкина) получил в тот же день одобрение цензора П. И. Гаевского.⁵ 5 ноября брошюра уже была отпечатана в типографии Российской Академии.⁶

Автор брошюры предполагал разослать ее вместе с «Северной пчелой».⁷ По каким-то причинам это осуществить не удалось, и «Северная пчела», как это устанавливается нами, была заменена «Санктпетербургскими ведомостями».

Пушкин ознакомился с критическими замечаниями Л. И. Голенищева-Кутузова в уже упомянутом № 256 «Санктпетербургских ведомостей» от 8 ноября 1836 г. и сразу же ответил на них «Объяснением» (напечатано в четвертом томе «Современника»,

⁴ Подобные вкладыши широко практиковались в газете. Это были платные объявления о «выходе примечательных книг», «новом сообщении между С.-Петербургом и Кронштадтом», продаже «одесскими неопциантами иностранных вин разных марок» и др. Небольшая по количеству страниц, без титульного листа и заглавия, брошюра впоследствии «отделилась» от газеты и затерялась. В просмотренных нами комплектах газеты «Санктпетербургские ведомости» в Библиотеке Академии наук СССР и Центральной военно-морской библиотеке многие вкладыши отсутствуют.

⁵ См.: Реестр рукописей и печатных книг по С.-Петербургскому цензурному комитету 1836 г. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 200, № 453. В этом реестре брошюра записана под названием: «Критика на статью „Полководец“, помещенную в 3-м номере журнала „Современник“». См. также запись в дневнике Л. И. Голенищева-Кутузова от 3 ноября (в подлиннике описка: 4-го) 1836 г. («Временник Пушкинской комиссии», № 4—5, стр. 154).

⁶ См.: Реестр печатных книг по С.-Петербургскому цензурному комитету в 1836 г. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 268, № 1433.

⁷ См. запись в дневнике Л. И. Голенищева-Кутузова от 3 ноября 1836 г.: «Не только цензор, но и их главный начальник Уваров был в восхищении от моих трех страниц. Они дали свое разрешение, сегодня утром сейчас их печатают. Завтра будет готово, не меньше чем в количестве 3400 экземпляров, потому что у Северной пчелы это число подписчиков, и я отошлю эти экземпляры Гречу» и т. д. («Временник Пушкинской комиссии», № 4—5, стр. 154). «Северная пчела» приложений или вкладышей не имела.

вышедшем 22 декабря 1836 г.),⁸ из которого мы приводим небольшую выдержку: «Слава Кутузова неразрывно связана со славой России, с памятью о величайшем событии в новейшей истории... Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик».

Этого не мог понять оппонент Пушкина — автор брошюры Л. И. Голенищев-Кутузов.

---

⁸ См.: Реестр печатных книг по С.-Петербургскому цензурному комитету в 1836 г. ЦГИАЛ, ф. 77, оп. 27, ед. хр. 268, № 1659. Дата выхода в свет четвертого тома «Современника» — 22 декабря 1836 г. — уже была установлена Н. И. Фокиным по резолюции цензурного комитета на экземпляре, хранящемся в библиотеке Ленинградского университета («Ученые записки Уральского педагогического института», т. IV, вып. 3, 1957, стр. 124). В «Реестре» мы обнаружили цензорское разрешение от 21 декабря 1836 г. на «Объявление о вышедшем 4 томе „Современника“», представленное книгопродавцом Бородиным. Самого объявления обнаружить не удалось. «Объяснение» могло быть написано Пушкиным между 8 и 11 ноября 1836 г. (дата цензорского разрешения четвертого тома «Современника»). В Акад., XII, 448 «Объяснение» датируется началом ноября 1836 г.

II. ОБЗОРЫ

О. А. ПИНИ

ПУШКИНИАНА В ПЕРИОДИКЕ И СБОРНИКАХ СТАТЕЙ (1962—1963)

Литература о Пушкине увеличивается непрерывно как в СССР, так и за рубежом; следить за ней становится все более затруднительно, в особенности потому, что многочисленные статьи, сообщения, заметки, имеющие непосредственное отношение к биографии поэта или к его творческому наследию и представляющие интерес для пушкиноведения, появляются в самых разнообразных изданиях, куда не всегда заглядывают специалисты-литературоведы; в силу этого, как это не раз подчеркивалось, весьма необходимы систематические обзоры этих материалов, ставящие своей целью предварительно разобраться в них и учесть все наиболее существенное для науки о Пушкине.

Настоящий обзор продолжает тот, который был помещен в предыдущем выпуске «Временника Пушкинской комиссии»,¹ и охватывает статьи и заметки о Пушкине, помещенные в журналах, серийных изданиях и сборниках, вышедших в СССР в 1963 г.;² к нему присоединены также данные о тех статьях и публикациях, которые вышли в свет в конце 1962 г. и не могли быть включены в предшествующий обзор; книги о Пушкине за тот же период учтены в особом перечне.³

Некоторые итоги и основные задачи пушкиноведения освещаются в редакционной статье, опубликованной в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы».⁴ В статье приводится и развивается ряд положений, содержащихся в проблемной записке по

¹ «Временник Пушкинской комиссии. 1962», Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 63—83.

² Обзор исследований языка и стиля Пушкина за 1958—1963 гг., сделанный О. В. Твороговым, напечатан в настоящем издании.

³ См. стр. 103 настоящего издания.

⁴ К новым успехам в изучении Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 4—15.

пушкиноведению,⁵ составленной коллективом авторов по поручению Пушкинской комиссии.

В статье Б. С. Мейлаха⁶ ставится вопрос о биографии писателя как самостоятельной проблеме в науке и литературе. Подчеркивая, что биография как научная проблема ничего общего не имеет с так называемым биографическим методом в литературоведении, Б. С. Мейлах ставит и вопрос о биографии как жанре, как особом типе литературоведческого исследования, задачей которого является освещение личности писателя и в ее социально-исторической обусловленности и индивидуальном своеобразии.

Неясным местам жизненного и творческого пути Пушкина посвящено исследование Т. Г. Цявловской.⁷ В статье намечаются некоторые задачи по разысканию новых архивных материалов, которые могут способствовать изучению жизни Пушкина.

Спорным вопросам интерпретации дневника Пушкина посвящены статьи Л. В. Крестовой⁸ и А. В. Предтеченского.⁹ Привлекая материалы, доказывающие, что «Мемуары» французского мемуариста Данжо воспринимались современниками Пушкина не как регистрация фактов эпохи Людовика XIV, а как обличительный материал, позволяющий исследователю сделать выводы, имеющие историческое и политическое значение, Л. В. Крестова приходит к заключению, что, называя себя «русским Данжо», «Пушкин сознательно выполнил в своем „Дневнике“ ту роль, которую Данжо осуществил непреднамеренно»,¹⁰ и что его записи, предназначенные для потомства, далеко выходят за рамки бесстрастного описания действительности.

Иной точки зрения придерживается во взгляде на дневник Пушкина А. В. Предтеченский. Он считает, что Пушкин обратился к дневнику не в поисках какой-то новой формы для нового литературного и общественного содержания, а сделал это для себя, т. е. он «ведет дневник, а не пишет историю»,¹¹ что это «обыкновенный дневник со всей спецификой, присущей этому историко-литературному жанру... и попытки видеть в нем нечто качественно

---

⁵ Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 14—33.

⁶ Б. С. Мейлах. О задачах и принципах построения биографии Пушкина. (Доклад на XIII Всесоюзной пушкинской конференции). «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 16—30.

⁷ Т. Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 31—49.

⁸ Л. В. Крестова. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо», «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 267—277.

⁹ А. В. Предтеченский. Дневник Пушкина 1833—1835 годов. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 278—286.

¹⁰ Л. В. Крестова. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо», стр. 276.

¹¹ А. В. Предтеченский. Дневник Пушкина 1833—1835 годов, стр. 284.

отличное от дневника не могут, по-видимому, привести к положительным результатам».¹² В статье содержится ряд тонких наблюдений, однако точка зрения автора является несколько односторонней. Следует признать, что при всей противоположности выводов обе статьи по существу дополняют одна другую.

Письмо Прасковьи Александровны Осиповой из Тригорского, написанное А. И. Тургеневу вскоре после похорон Пушкина, публикует О. И. Попова.¹³

Ряд подробностей, относящихся к периоду пребывания Пушкина в Киеве в начале 1821 г., которые содержатся в найденных воспоминаниях В. И. Бухариной-Анненковой, сообщает И. Андроников.¹⁴ Особый интерес представляет приводимое В. И. Бухариной-Анненковой замечание Пушкина о Соединенных Штатах Америки, сделанное поэтом за несколько дней до смерти, которое дополняет известные нам высказывания Пушкина об американской демократии.

Н. А. Раевский¹⁵ рассказывает о впечатлениях, полученных им от посещения замка Бродяны и о находящемся там семейном архиве с портретами Пушкиных, Гончаровых и Ланских.

«Хроника преддуэльных дней» Михаила Яшина¹⁶ представляет собой добросовестное и тщательное изучение событий, относящихся к последним месяцам жизни Пушкина и приведших его к роковой гибели. Автор основывается не только на известных печатных, но и на рукописных источниках; им приведены данные, впервые извлеченные из 1) книги приказов кавалергардского полка (ЦГВИА), 2) дневника княгини М. И. Бяратинской в Государственном литературном музее, 3) воспоминаний Т. О. Немировской-Ситниковой в Горьковском литературном музее, 4) камерфурьерских журналов и др. Между прочим, М. Яшин широко пользуется дневником императрицы Александры Федоровны (в ЦГАОР) по подлиннику, предлагая свои, по его утверждению, более точные чтения и переводы (с немецкого) всех мест, относящихся к Пушкину, чем Э. Герштейн (в статье «Вокруг гибели Пушкина» — «Новый мир», 1962, № 2).

Многое из того, что сделано М. Яшиным, займет свое место в летописи жизни и творчества Пушкина и прольет новый свет на трагедию, продолжающую волновать сердца многих людей и в наше время.¹⁷ В статье М. Яшина затрагивается такой серьез-

¹² Там же, стр. 285.

¹³ О. И. Попова. Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. «Пушкин. Исследования и материалы», стр. 366—370.

¹⁴ Ираклий Андроников. Утраченные записки. Сб. «День поэзии. 1963». Изд. «Советский писатель», М., 1963, стр. 278—290.

¹⁵ Н. А. Раевский. В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 379—393.

¹⁶ «Звезда», 1963, № 8, стр. 159—184; № 9, стр. 166—187.

¹⁷ Уместно отметить, что автор статьи не является ни филологом, ни историком.

ный и важный для понимания трагедии Пушкина вопрос, как вопрос об анонимных письмах, полученных Пушкиным за несколько дней до дуэли. Как справедливо отмечает М. Яшин, «высказывания современников об анонимных письмах принимались исследователями как высказывания об анонимном „дипломе“». ¹⁸ Работа М. Яшина вносит ряд исправлений и дополнений в датировку преддуэльных событий, устанавливает новые даты писем к Пушкину. Так, например, вполне убедительно доказывается, что Пушкин послал свой вызов Геккерну 4, а не 5 ноября, как считалось ранее. Несомненный интерес представляют привлеченные М. Яшиным архивные документы, дающие ему основание утверждать, что устроенный по приказу Николая I после отпевания Пушкина военный парад объясняется проявлением страха со стороны правительства перед народным волнением, вызванным гибелью поэта. Материалы, которыми оперирует в своем исследовании М. Яшин, настолько обширны, опираются на многочисленные архивные данные — многие из них привлечены впервые, — что, как нам представляется, некоторые выводы М. Яшина требуют специального разбора. Это тем более желательно, что не все у М. Яшина является бесспорным и убедительным. Так, например, недостаточно аргументирована выдвинутая М. Яшиным версия о вмешательстве Николая I в судьбу Дантеса и о высочайшем указании («принуждении», как пишет М. Яшин) Дантесу жениться на Екатерине Гончаровой, хотя эта версия и соблазнительна, так как разрешает до сего времени остающиеся непонятными мотивы этой, по словам современников, «невероятной женитьбы Дантеса». ¹⁹ До тех пор пока не будут представлены веские доказательства, версия останется лишь гипотезой. Попутно отметим в связи с этим и неверное заключение М. Яшина. Пытаясь опровергнуть вывод П. Е. Щеголева о том, что слухи о возможной женитьбе Дантеса дошли в Москву уже во второй половине октября, М. Яшин утверждает, что письмо Ольги Сергеевны Павлицевой к С. Л. Пушкину от 3/15 ноября 1836 г., где говорится о браке Гончаровой, датируется неверно, что «письмо, несомненно, написано позднее». ²⁰ Однако дата этого письма не вызывает сомнений и установлена не предположительно, а совершенно точно из письма Ольги Сергеевны к отцу от 24 декабря 1836 г. ²¹ На наш взгляд, недостаточно аргументирован вывод М. Яшина об имевшем место 9 октября 1836 г. свидании Николая I с Дантесом. Неверно и утверждение, что в обвинении Геккерна в сводничестве Дантесу исследователи пришли «к еди-

---

¹⁸ «Звезда», 1963, № 9, стр. 176.

¹⁹ Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 200.

²⁰ «Звезда», 1963, № 8, стр. 169.

²¹ «Пушкин и его современники», вып. XII, СПб., 1909, стр. 86 и 92.

нодушному выводу — к полному оправданию нидерландского посланника».²²

Тематически к работе М. Яшина примыкают статьи В. Гольднера²³ и В. Сафронова,²⁴ в которых оба автора вновь затрагивают один и тот же вопрос — почему Дантес на дуэли с Пушкиным получил лишь легкое ранение. Как известно, эта «загадка» занимала ранее и инженера М. Комара, статья которого²⁵ заслужила одобрение В. В. Вересаева, и писателя И. Рахилло,²⁶ и некоторых других авторов. Если В. Гольдинер вновь только ставит этот вопрос, то судебный эксперт, врач В. Сафронов, пытается его разрешить. Развивая версию М. Комара, полагавшего, что на Дантесе в момент дуэли была надета кольчуга или панцирь, В. Сафронов делает ряд новых предположений и умозаключений, на основании которых приходит к выводу, что пуля из пистолета Пушкина попала или в случайный предмет большего, чем пуговица, размера, или в «специальные металлические пластины», предохранившие Дантеса от более серьезного ранения, чем то, которое он получил. Окончательным выводом, который делает В. Сафронов, является утверждение, что эту дуэль нужно рассматривать «как умышленное и заранее обдуманное убийство А. С. Пушкина».²⁷ Однако выводы В. Сафронова представляются нам ошибочными. Многие из них построены лишь на догадках и должны быть подвергнуты не только сомнению, но и опровержению.²⁸

²² «Звезда», 1963, № 8, стр. 172. В вопросе о предательской роли Геккерна далеко не все исследователи пришли к единому мнению. Если Щеголев придерживается мнения о непричастности нидерландского посланника к сводничеству, то Л. Гроссман, например, противоположного мнения.

²³ В. Гольдинер. Факты и гипотезы о дуэли А. С. Пушкина. «Советская юстиция», 1963, № 3, стр. 22—24.

²⁴ В. Сафронов. Поединок или убийство? «Нева», 1963, № 2, стр. 200—203.

²⁵ М. Комар. Почему пуля Пушкина не убила Дантеса? «Сибирские огни», 1938, № 1, стр. 134—137.

²⁶ И. Рахилло. Рассказ об одной догадке. «Москва», 1959, № 12, стр. 171—178.

²⁷ В. Сафронов. Поединок или убийство? стр. 203.

²⁸ В адрес Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР поступило письмо доктора юридических наук Я. Давидовича, кандидата исторических наук Л. Ракова и писателя В. Глинки, которые решительно опровергают ряд аргументов В. Сафронова. Авторы письма, в частности, пишут: «Элементарное знакомство с историей русского военного костюма убеждает в том, что никаких офицерских однобортных сюртуков с пуговицами, расположенными в один ряд по средней линии груди, не существовало... Указанная неточность уничтожает всю концепцию тов. Сафронова, согласно которой „линия пуговиц далеко отстояла от места удара пули в грудь Дантеса“. В действительности же пуговицы на двубортном сюртуке находились именно на боковых линиях груди, почему не случайно современники дуэли соглашались с существовавшей версией, объяснявшей попаданием пули в пуговицу легкость ранения и контузию Дантеса». «Выводы автора, — говорится далее в письме, — основываются не на использовании каких-либо новых фактов и не на установлении новых данных в результате глубокого анализа известного материала, а лишь на

С сожалением нужно отметить, что появившаяся на страницах журнала «Нева» гипотеза В. Сафронова стала преподноситься в нашей печати как установленный факт,²⁹ причем факт, «установленный» будто бы не одним только В. Сафроновым, но целой группой ленинградских «экспертов», что уже совершенно не соответствует истине.³⁰

Нельзя не согласиться с автором рассказов о криминалистике, что «экспертиза, обращенная в прошлое, лишь тогда имеет значение для науки, когда она проводится с той же тщательностью и объективностью, что и „обычная“ судебная экспертиза. Иначе она никому не нужна, более того, вредна, ибо создает иллюзию науч-

---

априорных предположениях, которые не подтверждаются никакими доказательствами. Подбор подобных „умозаключений“ и подводит к выводу, который должен был бы рассматриваться также в виде предположения, но преподносится как факт... Примером „метода“ нашего автора может служить хотя бы следующее рассуждение, которое должно подготовить читателя к тому выводу, что Дантес и его секундант нарушали правила дуэли: „Как родственник, д'Аршиак мог дать Дантесу пистолеты для пристрелки. А это уже было бы не только нарушением дуэльного кодекса, но и преступлением“. Но ведь в нашем распоряжении нет и намека на то, что д'Аршиак давал Дантесу пистолеты для пристрелки, как нет и других данных, порочащих секунданта Дантеса).

²⁹ Так, под заглавием «Эксперты обвиняют Дантеса» сообщение о выводах В. Сафронова было напечатано в некоторых центральных и республиканских газетах (см.: «Известия» и «Советская Россия» от 25 апреля 1963 г., «Вечерняя Москва» от 24 апреля 1963 г. и др.) и журналах («Знание — сила», 1963, № 7, стр. 38; «Советский Союз», 1964, № 1, стр. 48). В этих публикациях приводится даже какое-то голословное сообщение о том, что по ходу экспертизы было объективно проанализировано 1500 первоисточников. В выпущенном недавно сборнике рассказов о криминалистике Аркадия Ваксберга «Преступник будет найден» (изд. «Знание», М., 1963) также безапелляционно заявляется, что «Загадки пушкинской гибели больше не существует» (стр. 98).

³⁰ В распоряжение бюро Пушкинской комиссии поступил еще один красноречивый документ — решение кафедры судебной медицины Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова (протокол № 42 от 24 октября 1963 г. заседания кафедры, на котором были подведены итоги научной конференции, проведенной кафедрой и посвященной работе В. А. Сафронова). Решение кафедры целиком совпадает с приведенными выше выводами, которые ставятся под сомнение научную достоверность экспертизы В. Сафронова. В решении кафедры говорится, что, «желая ознакомиться с экспертными данными работы В. А. Сафронова, кафедра попросила его выступить с соответствующим сообщением на конференции, куда, как обычно, были приглашены представители всех судебно-экспертных учреждений Ленинграда... Заседание кафедры констатирует, что доклад В. А. Сафронова не носил характера научного сообщения специалиста — судебного медика. В большей части это было изложение известных биографических данных великого поэта, его трагической гибели, гнусной роли в его смерти проходимца Дантеса. К сожалению, В. А. Сафронов почти ничего не сообщил о своих экспертных исследованиях. Резюмируя свое заключение, кафедра судебной медицины приходит к следующему выводу: «Следует полагать, что каких-либо новых экспертных данных, новых фактов, которые позволили бы перейти к научным доказательствам (криминалистическим, судебно-медицинским и т. д.), В. А. Сафронов в своем сообщении не привел».

ной достоверности там, где есть только предположение и догадки».³¹ Это последнее обстоятельство и вынудило нас остановиться на статье В. Сафронова несколько подробнее, чем она того заслуживает.

Привлекает внимание публикация некоторых «пушкинологических этюдов» Н. О. Лернера, являющихся продолжением его этюдов, напечатанных в «Звеньях»,³² и публикация, сделанная на основе подготовительных материалов к несостоявшемуся, третьему изданию книги Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина» в виде дополнений к первому тому «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского. И те и другие материалы Н. О. Лернера подготовлены для печати М. И. Гиллельсоном.³³

Ряд новых архивных материалов содержится в публикациях К. Я. Грота,³⁴ Р. Б. Заборовой,³⁵ Н. А. Малеванова³⁶ и Э. С. Пайной.³⁷

Ряд работ пушкинианы посвящен анализу социально-политических и исторических воззрений Пушкина. Здесь необходимо назвать статью В. В. Пугачева, посвященную предыстории Союза благоденствия и пушкинской оде «Вольность».³⁸ Автор считает, что датой создания оды «Вольность» является 1817 г., и полагает, что возникновению Союза благоденствия предшествовало созданное Н. И. Тургеневым и М. Ф. Орловым ядро задуманного ими тайного общества, во многом предвосхищавшего программу, тактику и структуру Союза. В. В. Пугачев считает, что под тургеневским воздействием была создана пушкинская ода «Вольность» как «стихотворная прокламация», в которой пропагандировались идеи «программы-минимум» Н. И. Тургенева.

Немало новых и интересных наблюдений делает С. Л. Абрамович,³⁹ анализируя статью Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» с критикой крепостного права.

³¹ Аркадий Ваксберг. Преступник будет найден, стр. 158.

³² «Звенья», кн. V, М.—Л., 1935.

³³ Из материалов к III изданию книги Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 394—400.

³⁴ К. Я. Грот. Пушкин в Лицее летом 1831 г. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 401—404.

³⁵ Р. Б. Заборова. Об издании Пушкиным мистерии Кюхельбекера «Ижорский». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 405—407.

³⁶ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 408—411.

³⁷ Э. С. Пайна. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 412—414.

³⁸ В. В. Пугачев. Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 94—139.

³⁹ С. Л. Абрамович. Крестьянский вопрос в статье Пушкина. «Путешествие из Москвы в Петербург». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 208—236.

Историческим воззрениям Пушкина посвящены статьи покойного академика Е. В. Тарле⁴⁰ и Л. В. Черепнина.⁴¹ В статье Е. В. Тарле «Пушкин как историк» рассматриваются воззрения Пушкина на исторических деятелей и на некоторые факты истории. Статья является стенограммой доклада Е. В. Тарле, читанного на IV Всесоюзной пушкинской конференции в июне 1952 г. и напечатанного в «Новом мире» с незначительными сокращениями. Эта стенограмма сохранилась в Пушкинском кабинете Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (и в копии — в Московском отделении архива Академии наук СССР). Статье предпослано предисловие акад. М. В. Нечкиной, отмечающей, что доклад полон свежих мыслей и оригинальных авторских выводов и что он интересен не только специалисту, но и читателю-неспециалисту. Напрасно, однако, М. В. Нечкина утверждает, что Пушкина как историка мало кто изучал и что литература по этому вопросу очень невелика. Стоит напомнить, что Пушкину как историку посвятили свои работы виднейшие русские и советские историки от В. О. Ключевского до Б. Д. Грекова. Заметим попутно, что краткое изложение доклада акад. Е. В. Тарле своевременно⁴² было сделано в печати. Статья Л. В. Черепнина содержит очень беглый анализ высказываний Пушкина по вопросам истории; целью ее, по словам автора, являлось «обратить внимание на те стороны творчества великого поэта, которые помогут укрепить содружество историков и писателей для наиболее полного и глубокого овладения опытом прошлого и его широкой пропаганды».

Вопросы художественного метода Пушкина и пути его творческого развития в соотношении с развитием современной ему отечественной литературы рассматриваются А. Н. Соколовым,⁴³ который развивает мысль о том, что Пушкин, решая поставленную декабристами задачу создания высоких поэтических жанров, идет дальше и в своей «Полтаве» дает первый образец исторической поэмы нового типа — поэмы реалистической. Пушкин, создавая «Полтаву», стремился понять объективные закономерности исторического развития, осознать роль народа как движущей силы истории, определить место и значение ее деятелей. Некоторые аспекты темы, охватывающей вопрос об образе автора в лирике Пушкина, затрагивает Л. Я. Гинзбург.⁴⁴ Вопросы творче-

⁴⁰ Е. В. Тарле. Пушкин как историк. «Новый мир», 1963, № 9, стр. 211—220.

⁴¹ Л. В. Черепнин. История в творчестве А. С. Пушкина. «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 25—44.

⁴² «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 6, 1952, стр. 570.

⁴³ А. Н. Соколов. «Полтава» Пушкина и жанр романтической поэмы. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 154—172.

⁴⁴ Л. Я. Гинзбург. Пушкин и лирический герой русского романтизма. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 140—153.

ского использования Пушкиным античной литературы и его критические оценки римских писателей Вергилия, Горация и Овидия освещаются Вл. Вансловым.⁴⁵

Ценные материалы по истории арзамасского братства публикует М. И. Гиллельсон.⁴⁶ Литературно-критическая деятельность арзамасцев, оказавшая немалое воздействие на возмужание творчества Пушкина, рассматривается в нескольких аспектах: обоснования первостепенной роли литературной критики, историзма, нового восприятия античной культуры, расширения рамок мирового историко-литературного процесса, народности литературы.

Вопросам о времени возникновения реализма Пушкина, его литературного генезиса, художественного состава пушкинского реалистического синтеза, его особых качеств, связей с другими литературными направлениями, художественными методами и идейно-эстетическими системами отечественной и мировой литературы посвящена статья Д. Д. Благого.⁴⁷ Д. Д. Благой рассматривает ход творческого развития Пушкина от его ранних стихов до начала работы над «Евгением Онегиным» и приходит к выводу, что реальная действительность — общественные и политические события на Западе и в России, связь Пушкина с прогрессивными идеями современности, желание понять процессы, совершавшиеся в современном ему обществе, и постичь существо «века» — требовала для своего полноценного осуществления нового пути, отличного и во многом противоположного прежнему, романтическому — пути реалистического, на который вступил Пушкин с самого начала работы над первой главой романа в стихах «Евгений Онегин». «Вступая на совсем новый литературно-художественный путь, Пушкин по существу отталкивался, — пишет Д. Д. Благой, — от всех, как существовавших ранее, так возникших и продолжающих существовать и в его время литературных методов, направлений, навыков, штампов, канонов».⁴⁸ Развитие пушкинского реализма, его «поэзии действительности», происходило на основе всего доступного Пушкину опыта развития мировой литературы. Но то или иное воздействие трех основных начал, различимых отчетливо в его раннем творчестве, — «легкой поэзии», «сатирического направления», предреализма и

---

⁴⁵ Вл. Ванслов. А. С. Пушкин о «золотом веке» римской литературы. «Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина», т. 36, Кафедра русской и зарубежной литературы, 1963, стр. 3—47.

⁴⁶ М. И. Гиллельсон. Материалы по истории Арзамасского братства. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 287—326.

⁴⁷ Д. Д. Благой. Реализм Пушкина в соотношении с другими литературными направлениями и художественными методами. Сб. «Реализм и его соотношения с другими творческими методами», Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 96—141.

⁴⁸ Там же, стр. 132.

романтизма в творческом развитии Пушкина никогда не прекращалось, утверждает Д. Д. Благой.

Значительное место уделено Пушкину в другой работе Д. Д. Благого, рассматривающей закономерности развития русской литературы XIX—начала XX в.⁴⁹

Реалистические тенденции в творчестве Пушкина и Грибоедова прослеживает в своей статье Н. К. Пиксанов.⁵⁰ Основным тезисом работы является положение о том, что перво двигателем идейных исканий и творческих опытов Пушкина и Грибоедова были мысли о народе. Для генезиса социально-политических и эстетических воззрений Пушкина огромным было влияние революционных движений 20-х годов на Западе, оставившее неизгладимый след в духовной жизни поэта. Важным моментом в интеллектуально-творческой истории как Пушкина, так и Грибоедова, по мнению Н. К. Пиксанова, является их переход от политического скептицизма к политическому и поэтическому реализму. В этом движении вперед вера Пушкина и Грибоедова в народ была звеном, которое связало политический скептицизм поэтов с их политическим и поэтическим реализмом. Следующим этапом для них явился переход к реализму художественному. Отмечая творческий параллелизм «Евгения Онегина» и «Горе от ума», Н. К. Пиксанов считает, что если в романе шире, чем в комедии, раскрыт реализм психологический, то в комедии сильнее разработан реализм социальный. Начало восхождения Пушкина к высотам реализма знаменуется «Борисом Годуновым», который создан реалистическим методом.

В статье П. Н. Беркова «Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века»⁵¹ освещается декабристское понимание историко-литературного процесса XVIII в. Излагая взгляды Кюхельбекера и А. А. Бестужева на историю русской литературы XVIII в. и отмечая общность взглядов Пушкина и декабристов, П. Н. Берков показывает, насколько Пушкин опередил декабристов во взглядах на важнейшие вопросы литературного процесса, и в том числе на литературу XVIII в. Главной заслугой Пушкина как историка русской литературы XVIII в. было, по мнению П. Н. Беркова, то, что он признал русскую литературу второй половины XVIII в. явлением общественно независимым, отказавшимся следовать за Екатериной II, показал противоположность интересов русской прогрессивной литературы и самодержавия и наметил линию литературного

⁴⁹ Д. Д. Благой. От Пушкина до Маяковского. Сб. «Закономерности развития русской литературы XIX—начала XX века». Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 13—36.

⁵⁰ Н. Пиксанов. К социальному генезису литературного направления. Становление реализма в творчестве Пушкина и Грибоедова. «Русская литература», 1963, № 2, стр. 30—52.

⁵¹ П. Н. Берков. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII в. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 75—93.

развития от Фонвизина и Радищева к реалистическому творчеству 30-х годов XIX в.

По-прежнему продолжает привлекать интересы исследователей роман «Евгений Онегин», которому посвящено несколько работ. Рассматривая первый этап работы Пушкина над «Евгением Онегиным» и основываясь на известных воспоминаниях М. В. Юзефовича, В. И. Глухов⁵² утверждает, что пушкинисты (Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Б. С. Мейлах) допускают «большой просчет» в вопросе о том, как Пушкин предполагал завершить свой роман в 1829—1830 гг. Как и в ранней своей работе,⁵³ В. И. Глухов относит сообщение Юзефовича о двух вариантах развязки романа к первоначальному замыслу Пушкина, т. е. 1823—1825 гг., который, по мнению В. И. Глухова, был Пушкиным оставлен. Утверждения В. И. Глухова, что происшедший в работе над романом еще до полного завершения первой главы серьезный перелом привел к значительному изменению идейно-художественной концепции всего романа, требуют дальнейшей аргументации.⁵⁴

В содержательной статье И. Дьяконова «О восьмой, девятой и десятой главах „Евгения Онегина“»⁵⁵ снова поднимается вопрос о зашифрованном тексте «декабристских строф», прочтенных впервые в 1910 г. П. О. Морозовым и отнесенных в 1915 г. Н. О. Лернером к началу до того неизвестной X главы «Евгения Онегина», которая с тех пор прочно вошла в пушкиноведение в качестве «Отрывков из десятой главы». И. Дьяконов утверждает, что зашифрованные «декабристские строфы» не содержали данных о событиях 1825 г. и не составляли начала какой-либо главы, т. е. не могли быть и началом незаконченной X главы, действие которой должно было начинаться в 1825 г. И. Дьяконов стремится показать, что «декабристские строфы» «вполне могли» принадлежать к VIII главе, и на этом основании делает вывод, что нельзя публиковать шифрованные строфы под названием «Главы десятой» или «Отрывков из главы десятой», так как это, по мнению И. Дьяконова, отрывок не из несуществовавшей X главы, а из реальной VIII главы романа, а обозначение «X глава», употребленное несколько раз Пушкиным, относится к кратковременному и неосуществленному замыслу. Под-

---

⁵² В. И. Глухов. Первый этап работы Пушкина над «Евгением Онегиным». «Ученые записки Липецкого государственного педагогического института», вып. 3, 1963, стр. 171—199.

⁵³ В. Глухов. Из творческой истории романа Пушкина «Евгений Онегин» (статья первая). «На берегах Великой». Псковский литературный альманах, вып. 8, 1957, стр. 226—243.

⁵⁴ Более подробно об этом см.: Я. Л. Левкович. Литература о Пушкине за 1956—1957 годы. «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, 1960, стр. 487—488.

⁵⁵ «Русская литература», 1963, № 3, стр. 37—61.

нятым в статье И. Дьяконова вопросам и выводам, к которым он приходит, должно быть уделено особое место.

Однако уже сейчас, по-видимому, можно говорить о том, что не все в этой интересной работе бесспорно. Если предположение И. Дьяконова о том, что зашифрованные, так называемые декабристские строфы должны были войти в состав VIII главы, и убедительно, то трудно согласиться с его доводами в пользу того, что X главы вообще не существовало, что были только ее заготовки в виде изъятых из VIII главы «крамольных» строф. Эти доводы пока еще только гипотеза. Что же касается предположения И. Дьяконова о том, что вместо «фактически несуществовавшей» X главы следовало бы опубликовать сводку рукописных материалов по VIII главе («Путешествию»), включая как все сохранившиеся в последней чистой рукописи незашифрованные строфы, так и реконструкцию примыкающих к ним «декабристских строф», то думается, что такой путь гипотетической реконструкции главы при отсутствии необходимых для этого фактических материалов не может быть принят.

В работе, посвященной композиции «Евгения Онегина», В. Маркович⁵⁶ рассматривает основу стилистической и жанровой многосложности романа, в котором, по мнению автора, «оказывается существование... несовпадающих планов осмысления действительности, определяемых наиболее распространенными в ту пору литературными и философскими концепциями, воплощенными в сознании героев и входящими в авторское повествование на равных правах с мировоззрением самого автора».⁵⁷

Гипотетическое решение вопроса о пропуске строф о военных поселениях в VIII главе романа предлагает А. И. Гербстман.⁵⁸

Е. Эткинд⁵⁹ обратил внимание на четыре наброска, написанных Пушкиным в ответ на предложение П. А. Плетнева продолжить «Евгения Онегина» и позволяющих увидеть динамику процесса создания поэтического образа, в котором содержание и форма составляют диалектическое единство.

Обзор Милорада Живанчевича⁶⁰ посвящен переводам «Евгения Онегина» в югославских литературах. В обзоре приводятся

---

⁵⁶ В. Маркович. Из наблюдений над композицией «Евгения Онегина». «Известия АН Казахской ССР, Серия общественных наук», вып. 1, 1963, стр. 84—94.

⁵⁷ Там же, стр. 93.

⁵⁸ А. И. Гербстман. К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 336—353.

⁵⁹ Е. Эткинд. Поучительный опыт. «Вопросы литературы», 1963, № 6, стр. 175—178; в сокращении вошло в его книгу: Поэзия и перевод. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1963, стр. 12—16.

⁶⁰ Милорад Живанчевич. Переводы «Евгения Онегина» в литературе народов Югославии. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 371—378.

также некоторые сведения о вышедшей в Югославии литературе о Пушкине за время с 1937 по 1958 г.

Идейная структура «Капитанской дочки» привлекает внимание Ю. М. Лотмана,⁶¹ который считает, что художественная ткань «Капитанской дочки» распадается на два идейно-стилистических пласта, подчиненных изображению миров — дворянского и крестьянского. По мнению Ю. М. Лотмана, коренным вопросом в проблематике повести является определение отношения автора к изображаемым им лагерям. Пушкин видит роковую неизбежность борьбы между обеими враждующими сторонами, историческую обоснованность крестьянского восстания, но он не находит пути от идей и действий любого из борющихся лагерей к тому обществу человечности и братства, которое неясно представлял себе Пушкин. Ю. М. Лотман считает, что ответ пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях отражается на Гриневе, человечность которого шире границ дворянской этики своего времени, и здесь Ю. М. Лотман не соглашается с оценкой образа Гринева, данной Ю. Г. Оксманом.

Идейный смысл поэмы «Медный всадник» продолжает быть предметом спора исследователей. А. М. Гуревич,⁶² возражая против рассуждения М. Харлапом⁶³ поэмы как выражения революционной политической программы Пушкина и предсказания революции в 1833 г., считает, что во вступлении к поэме высказана надежда поэта на прогрессивное развитие России под эгидой самодержавия — настроения, свойственные Пушкину в известный период, но не означавшие измену его революционным взглядам. Поисками реальных путей освобождения народа, основанных на познании социально-исторических закономерностей, следует, по мнению А. М. Гуревича, рассматривать создание поэмы «Медный всадник», критический пафос которой заключен в изображении конфликта личного начала с началом государственным. В условиях же самодержавия личное начало трагически обречено на поражение, так как в политическом отношении их силы несоизмеримы. Свою попытку интерпретировать идейный смысл поэмы предлагает А. Гербстман,⁶⁴ который останавливается на образе Александра I, занимающего, по мнению А. Гербстмана, существенное место в развитии сюжета, в системе образов и в композиции поэмы. А. Гербстман считает, что Пушкин вовсе не противопоставил своего героя Евгения Петру, а только изобразил, как Евгений сам себя ему противопоставляет, и что

⁶¹ Ю. М. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки». «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 3—20.

⁶² А. М. Гуревич. К спорам о «Медном всаднике». «Научные доклады высшей школы», Филол. науки, 1963, № 1, стр. 135—139.

⁶³ М. Харлап. О «Медном всаднике» Пушкина. «Вопросы литературы», 1961, № 7, стр. 87—101.

⁶⁴ А. Гербстман. О сюжете и образах «Медного всадника». «Русская литература», 1963, № 4, стр. 77—88.

сам поэт противопоставил Петру Александра I, а это и образует идейную ось поэмы, ее сердцевину. Можно предположить, что и это толкование должно вызвать новое продолжение полемики вокруг понимания поэмы.

Историческая достоверность трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» является предметом статьи И. Ф. Бэлзы,⁶⁵ в которой используются материалы, получившие ранее отражение в книге того же автора;⁶⁶ в статье приводятся некоторые новые соображения в пользу давней версии о реальности отравления Моцарта композитором Сальери. Как известно, за последние годы вопрос о причинах смерти Моцарта является предметом спора целого ряда исследователей, главным образом за рубежом. В статье находит отражение полемика, возникшая в советской печати в связи с выходом книги И. Ф. Бэлзы. Работа И. Ф. Бэлзы вызвала полемический отклик Б. Штейнпресса,⁶⁷ который приводит ряд высказываний современных музыковедов, и в частности «моцартоведов», свидетельствующих, что к легенде об отравлении Моцарта они относятся с сугубой осторожностью или отрицают ее вовсе. Следует, однако, отметить, что полемика по поводу этой легенды между указанными советскими музыковедами продолжается уже не один год и уже давно вышла за пределы компетенции пушкинистов: вопрос о реальных причинах смерти Моцарта подлежит решению биографов композитора и историков венской общественной жизни. Было бы, например, весьма странным и бесполезным делом, говоря о «Борисе Годунове», упрекать Пушкина в ошибке при характеристике Самозванца или ссылаться на новейшие исторические изыскания о Гришке Отрепьеве: пушкиноведа может интересовать лишь вопрос об историческом правдоподобии поэта и о творческой обработке им сведений об изображаемых лицах.

Рассмотрению материалов Поволжья, лежащих в творчестве Пушкина, посвятил свое исследование М. И. Мальцев.⁶⁸

О художественном воплощении черкесов (адыги) в творчестве Пушкина пишут Л. Голубева и А. Хоретлев.⁶⁹ Авторы не ограничиваются только освещением интереса Пушкина к кавказскому народу и места, которое черкесы заняли в творчестве Пушкина,

---

⁶⁵ И. Ф. Бэлза. Моцарт и Сальери. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 237—266.

⁶⁶ И. Ф. Бэлза. Моцарт и Сальери. Трагедия Пушкина. Драматические сцены Римского-Корсакова. Музгиз, М., 1953.

⁶⁷ Б. Штейнпресс. Миф об исповеди Сальери. «Советская музыка», 1963, № 7, стр. 130—137.

⁶⁸ М. И. Мальцев. Поволжье в творчестве А. С. Пушкина. «Доклады и сообщения (по материалам I и II научных конференций)», вып. I, Казань—Чебоксары, стр. 111—122.

⁶⁹ М. Голубева и А. Хоретлев. Адыги в творчестве А. С. Пушкина. «Дружба». Литературно-художественный альманах, № 11, Адыгейское книжное изд., Майкоп, 1962, стр. 136—142.

но останавливаются и на переводах произведений поэта на адыгейский язык. Упоминается, что народный поэт Адыгеи Цуг Теучеж признавался, что его лучшая поэма «Восстание бжедугов» написана под сильным воздействием пушкинской «Полтавы».

О трех карандашных надписях, сделанных Пушкиным на документах, относящихся к восстанию Пугачева, сообщает Р. В. Овчинников.⁷⁰

Другая работа Р. В. Овчинникова⁷¹ представляет собой как бы свод находящихся в пушкинском рукописном архиве пугачевских документов, собранных поэтом в связи с его работой над историей пугачевского движения. Помимо копий, снятых лично Пушкиным, здесь перечисляются писарские копии с бумаг Военной коллегии Военного министерства. Р. В. Овчинников полагает, что сведения о наличии пугачевских дел в архиве Военного министерства поэт мог получить от чиновника канцелярии Военного министерства, выпускника Царскосельского лицея и приятеля Пушкина М. Д. Деларю. Что касается двух подлинных пугачевских указов, сохранившихся в бумагах Пушкина, то Р. В. Овчинников считает, что они попали к Пушкину вместе с другими материалами для «Истории Пугачева» от историка Д. Н. Бантыш-Каменского.

Обнаруженным спискам «Вольности», «Деревни», «Сказок. Ноё!» и других стихотворений Пушкина, находящихся в рукописных материалах директора библиотеки М. А. Корфа, товарища Пушкина по лицею, и до сих пор остававшихся вне поля зрения пушкиноведов, посвящена публикация Н. Калашниковой и Э. Найдича.⁷² Как отмечают авторы, наиболее важной особенностью списка оды «Вольность» является наличие подзаголовка.

Подзаголовок позволяет считать, что современники связывали пушкинскую оду с именем поэта Французской революции Экушара Лебрена. По мнению авторов, такой подзаголовок мог появиться в списке Корфа лишь потому, что ему должно было быть известно от людей, близко знавших Пушкина, кого имел в виду поэт, когда писал в оде «Вольность»:

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.

---

⁷⁰ Р. В. Овчинников. Три надписи Пушкина на «пугачевских» документах. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 362—365.

⁷¹ Р. В. Овчинников. Пугачевские бумаги в архивных тетрадах А. С. Пушкина. «Археографический ежегодник за 1962 год», Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 304—311.

⁷² Н. Калашникова, Э. Найдич. Новые материалы о вольнолюбивой лирике Пушкина. «Вопросы литературы», 1963, № 4, стр. 139—144.

На основании такого заключения авторы считают, что высказанное Б. Томашевским в его статье «Пушкин и французская революционная ода»⁷³ предположение, что Экушар Лебрен и есть тот «возвышенный галл», находит свое документальное подтверждение. Однако нам представляется, что этот аргумент еще недостаточен, чтобы таким образом решить давний спор. Ведь известно, что имя Экушара Лебрена называлось и ранее, в 1917 г., когда оно было найдено в трех копиях, восходивших, возможно, к одной и той же копии.⁷⁴

Спорный вопрос о том, кого из французских поэтов подразумевал Пушкин под «возвышенным галлом» в оде «Вольность», пытается разрешить и А. Л. Слонимский,⁷⁵ который приходит к выводу, что «возвышенный галл» — это Андре Шенье. Несмотря на сильную аргументацию, спор этот не может считаться решенным.⁷⁶

Другой список, обнаруженный в архиве Корфа Н. Калашниковой и Э. Найдичем — «Сказки. Noël», имеет заглавие, не встречавшееся в известных ранее списках: «На рождение порфиронного отрока», что придает стихотворению Пушкина, как устанавливается авторами данной публикации, дополнительное значение и позволяет сделать вывод, что оно было направлено не только против политики Александра I, но задевало и частную жизнь царской семьи, а это делало его более острым для современников.

О. Демиховская и К. Демиховский обнаружили и опубликовали донос учителя А. Ф. Леопольдова шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу на отрывок из элегии Пушкина «Андрей Шенье».⁷⁷ Отысканное в делах III отделения письмо Леопольдова представляет несомненный интерес, так как проливает новый свет на историю с запрещенным пушкинским отрывком из «Андрея Шенье».

Попытку лишить такие стихотворения, как «Вольность» и «К Чаадаеву», их революционного звучания делает С. Я. Проскурин.⁷⁸ Он же дает спорное истолкование последнего четверостишия стихотворения «Деревня», лишая его того смысла, который в него вложен.

---

⁷³ «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1940, № 2, стр. 25—55.

⁷⁴ «Пушкин и его современники», вып. XXVIII, Пгр., 1917, стр. 71—72.

⁷⁵ А. Л. Слонимский. О каком «возвышенном галле» говорится в оде Пушкина «Вольность». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 327—335.

⁷⁶ См., например, в статье В. В. Пугачева, считающего, что это Руже де Лилль (Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность», стр. 133).

⁷⁷ О. Демиховская, К. Демиховский. Тайный враг Пушкина. «Русская литература», 1963, № 3, стр. 85—89.

⁷⁸ С. Я. Проскурин. Ранняя политическая лирика А. С. Пушкина. «Ученые записки гуманитарных кафедр (Орского педагогического института)», вып. 4, 1962, стр. 169—178.

Стилистическому анализу подвергает стихотворение «Погасло дневное светило» Э. В. Попова.⁷⁹

Пять стихотворений 1823—1824 гг. («Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Ненастный день потух...», «Ты вянешь и молчишь», «Все кончено: меж нами связи нет» и «Пускай увенчанный любовью красоты») анализирует О. В. Астафьева.⁸⁰ По мнению автора, исследуемые стихотворения «образуют не только идейно-тематический цикл, но и цикл элегий, объединенных единой поэтикой с характерными для нее стилистическими и композиционными чертами».⁸¹ В другой работе О. В. Астафьевой анализируются стихотворения «Демон», «Свободы сеятель пустынный» и набросок «Кто, волны, вас остановил».⁸²

В текстологическом исследовании В. Б. Сандомирской⁸³ определяется время написания стихотворения «Когда в объятии мой...», которое датируется ею 1828 годом и относится к неизвестной женщине, а не к Наталии Николаевне Гончаровой, как это считалось до сих пор.

Л. С. Сидяков в статье «К изучению „Египетских ночей“»⁸⁴ приводит ряд новых дополнительных соображений о связи повести «Египетские ночи» Пушкина с циклом его стихотворений о поэте и поэзии. Д. А. Гарибян занимается стилистическим разбором этой же незаконченной поэмы Пушкина и ее окончания, написанного В. Брюсовым.⁸⁵

Недоказанной представляется нам попытка М. Салупере⁸⁶ связать XXXIII строфу первой главы «Евгения Онегина» («Я помню море пред грозою...») с Е. К. Воронцовой. Попытка же сузить датировку «Песен о Степане Разине» пределами «осень 1824—осень 1825» вместо датировок «сентябрь 1824—август 1826» в академическом «Полном собрании сочинений» Пушкина или «конец июля—август 1826», предложенных

⁷⁹ Э. В. Попова. Элегия А. С. Пушкина «Погасло дневное светило». «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 88—94.

⁸⁰ О. В. Астафьева. Об одном цикле элегий Пушкина 1823—1824 гг. «Доклады VI научно-теоретической конференции. Таганрогский государственный педагогический институт», Таганрог, 1962, стр. 247—259.

⁸¹ Там же, стр. 248.

⁸² О. В. Астафьева. Об одном цикле политических элегий Пушкина. «Доклады VII научно-теоретической конференции. Таганрогский государственный педагогический институт», Таганрог, 1963, стр. 3—22.

⁸³ В. Б. Сандомирская. О датировке стихотворения Пушкина «Когда в объятии мой...». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, 1962, стр. 354—361.

⁸⁴ Л. С. Сидяков. К изучению «Египетских ночей». «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 173—182.

⁸⁵ Д. А. Гарибян. Некоторые стилистические наблюдения над текстами «Египетских ночей» Пушкина и Брюсова. «Брюсовские чтения 1962 года», Армянское гос. изд., Ереван, 1963, стр. 232—245.

⁸⁶ М. Салупере. Из комментариев к текстам А. С. Пушкина. — Русская филология. Сборник студенческих работ Тартуского государственного университета, вып. 1, Тарту, 1963, стр. 49—51.

Д. Д. Благим, и аргументация в пользу этой новой датировки, выдвинутая М. Салупере,⁸⁷ представляют интерес и заслуживают внимания. Но предложенная датировка, как и предыдущие, остается предположительной.

О некоторых чертах пушкинской лирики пишет Вс. Рождественский.⁸⁸ Заметим, что автор ошибается здесь, когда считает, что «тайной поэта» осталось то, кого он имел в виду в стихотворении «Я вас любил...», и что будто бы «пушкиноведы спорят до сих пор о том, к кому обращено пушкинское признание — к Олениной? к Наталии Гончаровой?». Вдохновительницей этого шедевра пушкинской лирики, как это установлено Т. Г. Цявловской,⁸⁹ является Каролина Собанская.

Анализ лексики, звукописи, композиции стихотворения «Цветок» сделан Д. Благим.⁹⁰

О цикле стихотворений, посвященных лицейским годовщинам, пишет В. Г. Костин.⁹¹

Стихи и проза Пушкина, связанные с именем М. С. Воронцова, привлекли внимание Е. А. Акуловой.⁹²

Исследование М. П. Алексеева⁹³ посвящено одному из наиболее значительных стихотворений творческого наследия Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...». М. П. Алексеев делает критический обзор, анализируя важнейшие работы, посвященные «Памятнику», в советской и зарубежной литературе последнего двадцатипятилетия.

Е. А. Тудоровская⁹⁴ на материале баллад Пушкина «Жених», «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге» и «Песня о Георгии Чер-

---

⁸⁷ Там же, стр. 51—55.

⁸⁸ Вс. Рождественский. И дружба и любовь... «Литература в школе», 1963, № 6, стр. 20—25.

⁸⁹ Два черновых письма К. А. Собанской. Сб. «Рукою Пушкина», Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 179—208; см. также: Т. Г. Цявловская. Дневник Олениной. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, 1958, стр. 289—292.

⁹⁰ Д. Благим. «Цветок засохший, безуханный...». «Литературная Россия», 1963, 11 октября, № 41, стр. 15. В редакционном уведомлении говорится, что печатаемый анализ является отрывком из законченной автором книги «Творческий путь Пушкина (1826—1837)».

⁹¹ В. Г. Костин. Стихотворения Пушкина, посвященные лицейским годовщинам. «Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина», т. 36, Кафедра русской и зарубежной литературы, 1963, стр. 48—76.

⁹² Е. А. Акулова. Сатира А. С. Пушкина на Воронцова. Из истории русской литературы. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 245, 1963, стр. 197—215.

⁹³ М. П. Алексеев. «Памятник» Пушкина по исследованиям последнего двадцатипятилетия. Критические заметки. «Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая», вып. 57, 1962, стр. 229—301.

⁹⁴ Е. А. Тудоровская. Становление жанра народной баллады в творчестве А. С. Пушкина. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. 7, М.—Л., 1962, стр. 67—83.

ном» делает некоторые наблюдения над идейным и тематическим содержанием этих баллад, их лексикой, стихосложением, связью с народным творчеством и историческими преданиями. Говоря о сюжете «Песни о вещем Олеге», Е. А. Тудоровская, как нам кажется, без достаточных оснований упрекает Г. А. Гуковского, Р. М. Волкова и других исследователей в том, что они не видят в балладе собственного отношения Пушкина к историческому преданию и «ставят мировоззрение поэта на один уровень с наивными взглядами летописца».⁹⁵ Е. А. Тудоровская цитирует, например, Р. М. Волкова, писавшего, что «Пушкин избрал для своей баллады летописный рассказ о неудачной попытке вещего князя перехитрить судьбу, возникший из представления о судьбе, которое держалось в народном мировоззрении еще прочно и во времена Пушкина и нашло свое выражение в народной поговорке: „От судьбы не уйдешь“».⁹⁶ Однако из этого никак нельзя прийти к выводу, который делает Е. А. Тудоровская, тем более что в той же работе Р. М. Волкова говорится: «Сохраняя традиционный для баллады фантастический колорит, Пушкин реалистически трактует фантастику, раскрывая корни народного мировоззрения, народных верований и народной психологии, „образ мыслей“, на основе которого слагается данный фантастический сюжет».⁹⁷

В работе Ф. Я. Прийма⁹⁸ рассматриваются такие вопросы, как вопрос о связи «Песен западных славян» с другими поэтическими и историко-филологическими трудами поэта, вопрос о датировке цикла (Ф. Я. Прийма здесь присоединяется к соображениям, высказанным Б. В. Томашевским, о том, что началом работы Пушкина над «Песнями» следует считать 1828 г.), о воздействии на Пушкина подлинных сербских народных песен, собранных Вуком Караджичем, и другие вопросы, связанные с историей создания «Песен западных славян». В заключении своей работы Ф. Я. Прийма останавливается на вопросе о месте, которое занимает «Песни западных славян» в эволюции славяноведческих взглядов Пушкина и в его творчестве.

Нельзя не согласиться с мнением, высказанным Е. А. Майминым,⁹⁹ что изучению стилистики писем Пушкина до сих пор уделялось недостаточно внимания. Делая некоторые наблюдения

---

⁹⁵ Там же, стр. 77.

⁹⁶ Р. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. «Ученые записки Черновицкого государственного университета», том XLIV, вып. 13, 1960, стр. 15.

⁹⁷ Там же, стр. 16.

⁹⁸ Ф. Я. Прийма. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина. Сб. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 95—123.

⁹⁹ Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. «Пушкинский сборник». Псков, 1962, стр. 77—87.

предварительного характера над стилем писем Пушкина, Е. А. Маймин приходит к спорному, по нашему мнению, выводу о том, что «повествовательный язык Пушкина, при всех его достоинствах, ощущается нами как достаточно традиционный».¹⁰⁰ Вместе с тем автор считает, что эпистолярный стиль Пушкина непринужденностью речевых конструкций превосходит синтаксические конструкции Гоголя и Тургенева, которые в сравнении с пушкинскими кажутся излишне тяжеловесными и книжными.

Антирелигиозная тема в творчестве Пушкина, главным образом на материале его лирики, привлекает Н. Степанова.¹⁰¹ Дополняют эту статью некоторые наблюдения над атеизмом поэта, сделанные А. Ф. Тепловым.¹⁰²

Вопросам изучения творческих взаимосвязей и пушкинских традиций в последующей русской литературе уделено место в ряде работ. В плане изучения творческих взаимосвязей построена статья Д. Д. Благого,¹⁰³ посвященная сравнительному изучению трех произведений: «Паломничество странника» английского писателя эпохи английской революции XVII века Джона Беньяна, пушкинского стихотворения «Странник» и неоконченной повести «Записки сумасшедшего» Л. Толстого.

О проблеме «Белинский и Пушкин в биографическом, историко-литературном и идеологическом аспектах» пишет М. И. Мальцев.¹⁰⁴

Вопросы взаимоотношений Пушкина и О. М. Сомова освещает З. В. Кирилук.¹⁰⁵ Автор оспаривает существующие мнения о том, что в конце жизни О. М. Сомова между ним и Пушкиным произошел конфликт. В другой статье З. В. Кирилук¹⁰⁶ довольно убедительно доказывается, что автором анонимных статей о III главе «Евгения Онегина» и о «Цыганах», появившихся в «Северной пчеле» в 1827 г., был О. Сомов. Высказанные З. В. Кирилук предположения относительно принадлежности О. Сомову других анонимных статей, помещенных в «Северной пчеле», нуждаются, как это признается автором, в дополнительных доказательствах.

---

¹⁰⁰ Там же, стр. 86.

¹⁰¹ Н. Степанов. Антирелигиозная тема у Пушкина. Сб. «Русская литература в борьбе с религией», Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 55—78.

¹⁰² А. Ф. Теплов. Атеистическая тема в «Борисе Годунове». «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 21—32.

¹⁰³ Д. Д. Благого. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 50—74.

¹⁰⁴ М. И. Мальцев. Белинский и Пушкин. «Доклады и сообщения (по материалам I и II научных конференций)», вып. I, Казань—Чебоксары, 1963, стр. 145—160.

¹⁰⁵ З. В. Кирилук. Пушкин и О. Сомов. «Вісник Київського університету», № 5, серія філології та журналістики, вип. 2, 1962, стр. 29—36.

¹⁰⁶ З. Кирилук. Об авторстве некоторых статей о произведениях Пушкина. «Русская литература», 1963, № 4, стр. 114—118.

Проблема «Пушкин и Радищев» рассматривается в статьях А. М. Куканова¹⁰⁷ и В. А. Малинина.¹⁰⁸ Первая представляет собой критический обзор, в котором прослеживается более чем столетняя история изучения темы «Пушкин и Радищев». Автор подводит итоги и намечает некоторые принципы при рассмотрении проблемы преемственности традиций Радищева в творчестве Пушкина. Наряду с интересными и верными оценками в обзоре содержится и ряд спорных выводов и утверждений. Раздел, посвященный обзору работ на тему «Пушкин и Радищев», принадлежащих советским исследователям, отличается неполнотой — в нем отсутствуют, например, работы Б. П. Городецкого,¹⁰⁹ Ю. М. Лотмана,¹¹⁰ Б. С. Мейлаха¹¹¹ и др. В статье В. А. Малинина данная проблема рассматривается в ее философском аспекте. Известный интерес в статье представляет краткая оценка высказываний современных буржуазных историков русской философии об отношении Пушкина к Радищеву.

Статья Ф. И. Берелевича¹¹² освещает взаимоотношения Чаадаева и Пушкина в свете биографии Чаадаева, она примыкает к опубликованным ранее работам автора, посвященным деятельности видного русского мыслителя первой половины XIX в.¹¹³

Проблему соотношения Пушкина и Лермонтова как части общего литературного процесса ставит Э. Э. Найдич.¹¹⁴ Другой аспект этой же проблемы рассматривает М. Т. Ефимова.¹¹⁵

---

¹⁰⁷ А. М. Куканов. Проблема «Пушкин и Радищев» в дореволюционном и советском пушкиноведении. «Ученые записки Мордовского государственного университета», № 21, Саранск, 1962, стр. 27—87.

¹⁰⁸ В. А. Малинин. Пушкин и Радищев. (К одному из вопросов о русской материалистической традиции). «Вопросы философии», 1963, № 8, стр. 125—130.

¹⁰⁹ Б. П. Городецкий. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, стр. 218—267.

¹¹⁰ Ю. М. Лотман. Источники сведений Пушкина о Радищеве. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 45—66.

¹¹¹ Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат. 1958, стр. 393—408; 516—517.

¹¹² Ф. И. Берелевич. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин. «Ученые записки Тюменского государственного педагогического института», т. XVIII, кафедра истории, вып. 5, 1962, стр. 121—147.

¹¹³ Ф. И. Берелевич. 1) П. Я. Чаадаев и польское восстание 1830 г. «Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета», вып. 8, 1948, стр. 27—32; 2) П. Я. Чаадаев и декабристы. «Ученые записки Тюменского государственного педагогического института», т. V, кафедра истории, вып. 2, 1958, стр. 157—177.

¹¹⁴ Э. Э. Найдич. Лермонтов и Пушкин. (К вопросу об эволюции творчества Лермонтова в 1834—1837 гг.). Сб. «М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества», Северо-осетинское книжное изд., Орджоникидзе, 1963, стр. 88—103.

¹¹⁵ М. Т. Ефимова. Традиция Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 44—56.

Продолжает и развивает тему творческих связей Пушкина и Гоголя, намеченных в исследованиях В. Гишпиуса, Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, М. А. Цявловского и других исследователей, Н. Фридман.¹¹⁶

Рассматривая связь «Портрета» Гоголя с художественным наследием Пушкина, автор останавливается на эстетических позициях обоих писателей в борьбе с реакционной журналистикой за реалистическое искусство. Отмечая сходство взглядов Пушкина и Гоголя в литературной борьбе 30-х годов, Н. В. Фридман подчеркивает воздействие Пушкина на формирование эстетических взглядов Гоголя. На основании анализа «Портрета» Гоголя Н. Фридман подчеркивает связь этой повести с такими пушкинскими произведениями, как «Чернь», «Египетские ночи», «Демон», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», и отмечает сходство образа художника Чартова из «Портрета» с рядом пушкинских образов. Особенно возрастает, как показывает Н. Фридман, роль пушкинских тем во второй редакции «Портрета», в которой проблема художественного творчества, поставленная в повести, ставится более углубленно, чем в первой редакции. Н. Фридман останавливается также на влиянии Пушкина на художественный метод и стиль «Портрета», отмечая отход Гоголя от пушкинской традиции в реалистической мотивировке фантастики.

На материале биографии и творчества Тютчева Н. В. Королева¹¹⁷ приводит доказательства идейно-художественной близости Тютчева к Пушкину, которая имела место, несмотря на различие творческих индивидуальностей, мировоззрения, направлений обоих поэтов.

На примере сопоставления «Станционного смотрителя» Пушкина, «Шинели» Гоголя и «Бедных людей» Достоевского Н. А. Пауков¹¹⁸ прослеживает некоторые особенности стиля Пушкина, Гоголя и Достоевского и своеобразие в развитии реализма в русской литературе 30—40-х годов XIX в.

Рассматривая выступление Достоевского по поводу историко-философского содержания «Египетских ночей», В. Кирпотин¹¹⁹ развивает и дополняет В. Комаровича, в 1916 г. установившего связь между критическим этюдом Достоевского о «Египетских ночах» и его дальнейшим творчеством.¹²⁰ В. Кирпотин считает,

---

¹¹⁶ Н. Фридман. Пушкинские темы в «Портрете» Гоголя. «Русская литература», 1963, № 1, стр. 105—122.

¹¹⁷ Н. В. Королева. Тютчев и Пушкин. «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, стр. 183—207.

¹¹⁸ Н. А. Пауков. Тема «маленького человека» у Пушкина, Гоголя и Достоевского. «Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. 60 (литературоведческий), 1962, стр. 92—100.

¹¹⁹ В. Кирпотин. Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина. «Вопросы литературы», 1962, № 11, стр. 112—121.

¹²⁰ В. Комарович. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XXIX, Пгр., 1916, стр. 1—13.

что мысли Достоевского об историко-философском смысле «Египетских ночей» были «навеяны герценовскими аналогиями между положением Западной Европы после 1848 г. и кризисом античной цивилизации, статьей Чернышевского „О причинах падения Рима“, в которой последний отвечал Герцену».¹²¹

В небольшой заметке Б. Ф. Егорова¹²² дается сжатый обзор некоторых высказываний Добролюбова о Пушкине с точки зрения их нормативности, т. е. подхода к событиям прошлого с нормами настоящего. Работу Н. Г. Чернышевского над циклом его статей, посвященных изданию Анненковым «Материалов для биографии А. С. Пушкина», освещает Д. К. Мотольская.¹²³ О двух неопубликованных лекциях В. Брюсова о Пушкине сообщает Е. П. Тиханчева.¹²⁴ Осмысление в некоторых общих чертах характера влияния Пушкина на поэзию и эстетические взгляды Блока делает В. Голицина.¹²⁵ О пушкинских традициях в лирике С. Есенина пишет А. З. Жаворонков.¹²⁶

Л. Полещук,¹²⁷ сопоставляя трагедию «Каменный гость» Пушкина и драму Леси Украинки «Каменный хозяин», приходит к выводу об идейно-тематической близости обоих произведений и считает, что «Маленькие трагедии» Пушкина с их «необычайной концентрирующей силой» послужили образцом для Леси Украинки при создании ее драмы «Каменный хозяин». Л. Полещук усматривает при этом стремление поэтессы следовать и пушкинской манере письма. Необходимо различать при внешнем сходстве обоих произведений их контрастность, вследствие этого было бы правильнее говорить о том, что «Каменный гость» Пушкина, послужив известным толчком к обращению украинской поэтессы к теме Дон-Жуана, разработан ею не только оригинально, но и полемично по отношению к разработке этой темы Пушкиным.¹²⁸

¹²¹ В. Кирпотин. Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина, стр. 121.

¹²² Б. Ф. Егоров. О некоторых особенностях высказываний Добролюбова о Пушкине. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 74—76.

¹²³ Д. К. Мотольская. Работа Н. Г. Чернышевского над анненковскими «Материалами для биографии А. С. Пушкина». «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 245, 1963, стр. 261—282.

¹²⁴ Е. П. Тиханчева. Две лекции В. Я. Брюсова о Пушкине. «Брюсовские чтения 1962 года», Армянское гос. изд., Ереван, 1963, стр. 366—400.

¹²⁵ В. Голицина. Пушкин и Блок. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 57—73.

¹²⁶ А. З. Жаворонков. С. А. Есенин и А. С. Пушкин. — «Учюные записки Новгородского государственного педагогического института», т. IX, кафедра русской литературы, 1963, стр. 37—55.

¹²⁷ Л. Полещук. «Каменный гость» А. Пушкина и «Каменный хозяин» Леси Украинки. «Труды Тбилисского государственного педагогического института», т. 16, 1962, стр. 193—208.

¹²⁸ См. об этом в статье: А. И. Белецкий. Пушкин и Украина. «Наукові записки. Київський держ. університет ім. Т. Г. Шевченка», т. 13, вип. 2, № 6, 1954, стр. 114—115.

Е. М. Черницкий рассматривает круг вопросов, связанных с проблемой «Пушкин и Франко» и не получивших еще должного освещения в литературе.¹²⁹

В заключение следует упомянуть и ряд других работ, затрагивающих различные темы пушкинианы.

О библиотеке, находившейся в Тригорском у друзей Пушкина Осиповых-Вульф, о книгах этой библиотеки, которыми мог интересоваться и пользоваться Пушкин, живя в Михайловском, говорится в статье Т. Мальцевой.¹³⁰ Литература о Пушкине-читателе невелика, поэтому появление даже небольшой статьи Т. Мальцевой, дополняющей сведения о круге чтения поэта, заслуживает внимания.

Изложив вкратце историю библиотеки Пушкина, П. Н. Берков полагает, что изучение библиотеки Пушкина находится в начальном периоде и ждет своих исследователей.¹³¹ Однако с таким утверждением трудно согласиться, так как давно начатое изучение библиотеки Пушкина — один из наиболее полно разработанных разделов пушкиноведения. Помимо капитальных трудов Б. Л. и Л. Б. Модзалевских в этой области, достаточно упомянуть разыскания М. П. Алексеева, Г. Г. Ариэль-Залесской, Д. И. Белкина, К. Н. Григорьяна, М. Н. Куфаева, Э. Э. Найдича, Б. Г. Рейзова, И. Л. Фейнберга, Н. В. Цейтц, Б. В. Шапошникова, Д. П. Якубовича, Я. И. Ясинского и ряда других авторов, чтобы убедиться в обратном.¹³² Краткие сведения о библиотеке Пушкина можно найти в книге Б. Горбачевского.¹³³

В заметке Ю. Лошица¹³⁴ идет речь о «книге как способе характеристики персонажа в „Евгений Онегин“».

Следует отметить публикацию статьи Юрия Олеши «Незавершенные работы Пушкина»,¹³⁵ посвященной книге И. Фейнберга под тем же названием. Как говорится в редакционном предисловии, данная статья покойного советского писателя является естественным развитием мыслей Олеши, изложенных в двух эту-

---

¹²⁹ Е. М. Черницкий. Пушкин и Франко. «Дрогобицкий державний педагогічний інститут. Тези доповідей V звітної наукової конференції інституту за 1962 рік», секція гуманітарних наук, 1963, стр. 77—81.

¹³⁰ Т. Мальцева. Пушкин — читатель Тригорской библиотеки. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 33—43.

¹³¹ П. Н. Берков. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького). Сб. «Исследования и материалы», т. VIII, Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1963, стр. 349—376.

¹³² Библиография работ см.: Г. Г. Ариэль-Залесская. К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, стр. 334—335.

¹³³ Б. Горбачевский. Научно-популярные очерки. Люди, книги, библиотеки. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1963, стр. 144—147.

¹³⁴ Ю. Лошиц. Книга — герой романа. «В мире книг», 1962, № 1, стр. 33.

¹³⁵ Юрий Олеша. Незавершенные работы Пушкина. «Знамя», 1963, № 8, стр. 214—218.

дах о Пушкине, помещенных в его однотомнике «Избранные сочинения».

О статьях С. М. Бонди, посвященных роману Пушкина «Евгений Онегин», пишет Н. Я. Соловей.¹³⁶ Он дает характеристику ряда точек зрения на пушкинский роман, высказанных в работах Б. В. Томашевского, Г. А. Гуковского, Б. Бурсова, Д. Благого, Г. Макогоненко. Н. Я. Соловей приходит к выводу, что статьями С. М. Бонди, содержащими решение многих проблем романа, ставших за последнее время предметом полемики между советскими литературоведами, открывается новый этап в изучении романа «Евгений Онегин».

М. Г. Альтшуллер¹³⁷ приводит сообщение о Пушкине, напечатанное в английском журнале «Westminster Review» за 1825 г., принадлежащее редактору этого журнала Джону Баурингу (John Bowring).

Некоторым работам о Пушкине, вышедшим в Англии в 1943—1960 гг., посвящен обзор А. И. Голышевой.¹³⁸

В разделе «Письма в редакцию» журнала «Вопросы литературы» была опубликована статья Е. И. Прохорова,¹³⁹ в которой по адресу академического «Полного собрания сочинений» Пушкина предъявляется ряд требований. Одним из главных недостатков этого издания, по мнению автора письма, является отсутствие в нем, так же как и в вышедшем недавно справочном томе, текстологических комментариев. Участник академического издания «Полного собрания сочинений» Пушкина, изданного в 1937—1949 гг., С. М. Бонди в своем ответе¹⁴⁰ признает многие существенные недостатки данного издания и объясняет причины неполноты, незаконченности академического издания, происшедшие не по вине «пушкинистов-редакторов». Вместе с тем С. М. Бонди называет ряд давно подготовленных, но неопубликованных материалов, среди которых — комментарии М. Цявловского ко всем лицейским стихам Пушкина, Б. Томашевского к «Гавриилиаде», Г. Винокура к «Бахчисарайскому фонтану» и «Цыганам», Б. Эйхенбаума к «Графу Нулину» и др. В заключающем статью С. М. Бонди резюме редакции журнала говорится о необходимости постановки в Академии наук СССР, Союзе писателей

---

¹³⁶ Н. Я. Соловей. Новый этап в изучении «Евгения Онегина». «Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки», т. 46, 1963, стр. 377—391.

¹³⁷ М. Г. Альтшуллер. Упоминание о Пушкине в английском журнале. «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 2, стр. 133—135.

¹³⁸ А. И. Голышева. К вопросу об изучении творчества А. С. Пушкина в Англии. — «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 110—122.

¹³⁹ Е. И. Прохоров. Издание остается незавершенным. «Вопросы литературы», 1962, № 6, стр. 187—191.

¹⁴⁰ С. М. Бонди. Об академическом издании сочинений Пушкина. «Вопросы литературы», 1963, № 2, стр. 123—132.

СССР, их Пушкинских комиссиях вопросов, связанных с дальнейшей работой над академическим «Полным собранием сочинений» Пушкина.

Известный интерес представляет сообщение М. Константиновой¹⁴¹ о существовании в Туркестане в начале 900-х годов Пушкинского общества, деятельность которого не ограничивалась только кругом общеобразовательных задач, но характером своей противоправительственной работы содействовала пробуждению сознания рабочей массы Туркестанского края.

О неопубликованном портрете Пушкина (миниатюра) из фондов Государственного исторического музея рассказывает Л. Черейский.¹⁴² К сожалению, Л. Черейский не сообщает никаких данных об авторе миниатюры А. Линева, о котором до сих пор отсутствуют какие-либо сведения. Недоказанным остается и утверждение Л. Черейского, что второй портрет Пушкина того же Линева (находится в музее-квартире Пушкина) следует считать «повторением, выполненным вскоре после смерти Пушкина». Во всяком случае происхождение того и другого портретов поэта, так же как и история его автора, остается до сих пор не выясненным.

В связи с исполнившимся в 1963 г. 125-летием со дня рождения А. М. Опекушина появился ряд заметок и статей, посвященных автору первого памятника Пушкину.¹⁴³ Особо следует остановиться на сообщении, помещенном в журнале «Огонек»,¹⁴⁴ в связи с тем, что оно вводит в заблуждение читателей. В сообщении скульптуре Пушкина, установленной в Ярославле, приписывается авторство А. М. Опекушина. На самом же деле скульптура выполнена советским скульптором Н. Альтшулером, одна из гипсовых отливок этой скульптуры была в 1957 г. установлена на Полотняном Заводе,¹⁴⁵ а другая приобретена в 1956 г. Ярославским заводом синтетического каучука и летом 1957 г. установлена в Ярославле.¹⁴⁶ Достаточно сличить фотографии этих скульптур, помещенные в журнале «Огонек» и в газете «Советская культура», чтобы установить, что они принадлежат одному автору.

---

¹⁴¹ М. Константинова. Пушкинское общество в Ташкенте. «Звезда Востока», 1963, № 9, стр. 155—160.

¹⁴² Л. Черейский. Портреты Пушкина работы Линева. «Нева», 1963, № 1, стр. 218—219.

¹⁴³ См., например: А. Самойлов. Поэзия, воплощенная в бронзе. «Художник», 1963, № 12, стр. 42—49.

¹⁴⁴ А. Скребков. О неизвестном скульптурном изображении Пушкина. «Огонек», 1963, № 48, стр. 4.

¹⁴⁵ См.: «Советская культура», 1957, 8 июня, № 76. См. также снимок той же скульптуры, поставленной в городском саду г. Ижевска. («Удмуртская правда». Ижевск. 1957, 26 мая, № 105).

¹⁴⁶ См.: Д. Смирнов. Любимому поэту. «Северный рабочий», Ярославль, 1960, 3 июня, № 13.

О работе азербайджанского скульптора П. В. Сабсая над мраморным изображением Пушкина рассказывает Д. Новрузова.¹⁴⁷

О новых иллюстрациях к «Маленьким трагедиям» Пушкина, выполненных художниками И. Старосельским и В. Фаворским, пишут Т. Цявловская¹⁴⁸ и Е. Левитан.¹⁴⁹ Иллюстрации Е. Кибрика к «Борису Годунову», выполненные художником в 1959—1963 гг., анализирует В. Ракитин.¹⁵⁰ Своим опытом работы над использованием иллюстраций А. М. Герасимова и М. В. Добужинского к «Евгению Онегину» на уроках литературы делится А. Т. Сотников.¹⁵¹ И. Андроников рассказывает об экспонатах московского музея А. С. Пушкина, многие из которых поступили в музей от частных дарителей.¹⁵²

О мастерах художественного слова Д. Журавлеве, Я. Смоленском, П. Вишнякове, А. Кутепове, исполнявших произведения Пушкина и отрывки из романа Ю. Тынянова «Пушкин» в московском музее А. С. Пушкина, сообщает А. Крейн.¹⁵³ В музее были организованы и выступления непрофессиональных чтецов — участников коллективов, созданных при Государственном литературном музее и музее А. С. Пушкина.

Статья А. Свободина¹⁵⁴ посвящена телевизионной передаче, показанной объединенной телевизионной сетью Советского Союза, которую смотрели миллионы телезрителей. А. Свободин сообщает здесь об одном из «устных рассказов» Ираклия Андроникова — «Тагильской находке», т. е. письмах семейства Карамзиных (1836—1837 гг.) о Пушкине. В этом рассказе Андроникова центральное место занимает образ поэта.

Несколько работ, предназначенных для учителей, посвящено вопросам изучения Пушкина в средней школе. Среди них назовем статьи В. Н. Горшковой,¹⁵⁵ и И. И. Черновой,¹⁵⁶ Т. Ф. Курдю-

---

¹⁴⁷ Д. Новрузова. Творчество П. Сабсая. «Искусство», 1963, № 10, стр. 23—24.

¹⁴⁸ Т. Цявловская. Новые иллюстрации к «Маленьким трагедиям», «Нева», 1963, № 6, стр. 243—245.

¹⁴⁹ Е. Левитан. Гравюры В. Фаворского к «Маленьким трагедиям» Пушкина. Сб. «Искусство книги 1958—1960», вып. 3, М., 1962, стр. 205—246.

¹⁵⁰ В. Ракитин. Евгений Кибрик. «Искусство», 1963, № 7, стр. 25—27.

¹⁵¹ А. Т. Сотников. Из опыта работы с художественной иллюстрацией на уроках литературы. — «Доклады и сообщения (по материалам I и II научных конференций)», вып. I, Казань—Чебоксары, 1963, стр. 362—378.

¹⁵² Ираклий Андроников. Музей, созданный народом. «Наука и жизнь», 1963, № 10, стр. 38—45.

¹⁵³ А. Крейн. Читают Пушкина. «Театр», 1963, № 6, стр. 112—114.

¹⁵⁴ А. Свободин. Пушкинская роль Андроникова. «Театр», 1963, № 1, стр. 73—82.

¹⁵⁵ В. Н. Горшкова. Опыт нравственно-эстетического воспитания, объединенного темой «А. С. Пушкин». «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 104—109.

¹⁵⁶ И. И. Чернова. Использование наглядных пособий на уроках по биографии А. С. Пушкина. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 95—109.

мой.¹⁵⁷ В последней статье делаются некоторые наблюдения над пейзажем в лирике и романе «Евгений Онегин». Однако здесь содержится очень мало свежих и интересных наблюдений, и статья едва ли что может дать учителю-словеснику. Ничего нового не содержится и в статье Л. И. Лениной.¹⁵⁸ В педагогической библиотеке учителя напечатана статья Л. В. Тодорова.¹⁵⁹

---

¹⁵⁷ Т. Ф. Курдюмова. Изучение творчества Пушкина в старших классах и анализ пейзажных описаний. «Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина», № 185, 1962, стр. 145—170.

¹⁵⁸ Л. И. Лениной. Сатирическое изображение дворянства в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». «Ученые записки кафедр русского языка и литературы Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова», вып. 3, 1963, стр. 70—83.

¹⁵⁹ Л. В. Тодоров. Об анализе лирических стихов А. С. Пушкина в старших классах. Сб. «За творческое изучение литературы в школе». Изд. Акад. педагогических наук, М., 1963, стр. 208—236.

О. В. ТВОРОГОВ

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПУШКИНА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Вопросы языка и стиля русских писателей за последнее десятилетие привлекали к себе особое внимание советских филологов; естественно, что в это время заметно обогатился также фонд работ, посвященных различным явлениям языка и стиля Пушкина.¹ Настоящий обзор ставит прежде всего библиографическую задачу; перечисление исследований, этюдов, справочных изданий и т. д. тем существеннее для пушкинистов, что часть этих работ появлялась в специальных (прежде всего лингвистических) изданиях, далеко не всегда известных литературоведам, между тем ознакомление с ними порою весьма существенно для всех изучающих творчество великого русского поэта.

Одним из важнейших событий в пушкиноведении последних лет явился выход четвертого тома «Словаря языка Пушкина», завершающего описание всей лексики произведений Пушкина в их окончательных редакциях.²

Создание этого огромного труда явилось осуществлением давней мечты не только филологов, но и широких кругов русской интеллигенции; в этом смысле «Словарь» далеко выходит за рамки специального справочника, рассчитанного лишь на узкие круги пушкинистов.³ С огорчением приходится отметить, что

---

¹ См.: И. М. Подгаецкая. Язык и стиль писателя. Библиография 1951—1958. «Ученые записки Елабужского государственного педагогического института, т. X, Казань, 1961; работы о Пушкине перечислены здесь на стр. 213—228 (№№ 1379—1488), однако перечень этот неполон.

² Словарь языка Пушкина издан в Москве в 1956—1961 гг. Институтом русского языка Академии наук СССР (т. I, А—Ж; т. II, З—Н; т. III, О—Р; т. IV, С—Я).

³ См.: А. Д. Григорьева. Словарь языка Пушкина. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 150—159.

широкое национально-культурное значение «Словаря» педостаточно освещено в общей печати и что о существовании этого незаменимого пособия знают лишь по преимуществу исследователи языка и творчества Пушкина. Необходима дальнейшая популяризация «Словаря», чтобы к нему чаще могли обращаться учителя-словесники, писатели, журналисты, наконец, каждый вдумчивый читатель Пушкина. Вместе с тем появление этого словаря вызвало ряд поправок к нему: дальнейшие лексикологические пояснения и параллели, этимологические и семантические этюды, связанные со словоупотреблением у Пушкина;⁴ все они являются хорошей подготовкой к пятому — дополнительному тому «Словаря», находящемуся ныне в процессе составления:⁵ в нем будут зафиксированы новые слова или их значения, а также новые словосочетания, встречающиеся только в черновиках Пушкина.

Приведем несколько иллюстраций того, насколько интересна и существенна для понимания творчества Пушкина дальнейшая разработка его лексикологии. Заложивший для нас прочную основу, «Словарь» все же не отвечает на все возникающие вопросы и нередко нуждается в дополнениях и новых лексикологических сопоставлениях с примерами, заимствуемыми из языка современников Пушкина. Н. С. Ашукин в краткой рецензии на второй том «Словаря»,⁶ говоря об одном из значений у Пушкина слова «заря», справедливо отметил, что определение, данное ему в «Словаре», явно недостаточно («полевая трава из семейства зонтичных»): «Прочитав это краткое ботаническое определение, современный читатель не поймет, почему помещики Ларины во время молебна роняют слезы на пучок полевой травы. Только зная о том, что в старину существовал обычай обметать троичными цветами могилы родителей, можно понять текст Пушкина («В день троицын, когда народ, / Зевая слушает молебен, / Умильно на пучок зари / Они роняли слезки три»; «Евгений Онегин», гл. II, строфа 35, — *О. Т.*): слезы вызваны воспоминаниями об умерших родителях».⁷

---

⁴ Оценки первого тома «Словаря» даны были Ю. С. Сорокиным «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 130—136 и Р. Р. Гельгардтом (О словаре языка Пушкина. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XVI, вып. 4, 1957, стр. 369—378).

⁵ См.: В. А. Плотникова-Робинсон. К вопросу об изучении лексики Пушкина (Словарь языка Пушкина. Дополнительный том). «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 45—49.

⁶ См.: «Вопросы языкознания», 1958, № 4, стр. 136—137.

⁷ Об обычае обметать в Троицын день «гробы родителей, чтобы почистить им глаза» Пушкин рассказывал этнографу И. М. Снегиреву (Н. О. Лернер. Заметки о Пушкине. «Пушкин и его современники», вып. XVI, СПб., 1913, стр. 47). Об этом же обычае упоминает П. П. Мельников в романе «В лесах» (ч. IV, гл. 1). (*Прим. Н. С. Ашукина*).

Вспомним другие знаменитые, давно ставшие хрестоматийными пушкинские строки из того же «Евгения Онегина»:

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая:
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

«На чем сидит ямщик?» — спрашивает В. Я. Дерягин в особой заметке и отвечает, что объяснение, данное слову «облучок» в третьем томе «Словаря языка Пушкина» («сиденье для кучера в повозке»), отличается неточностью, как и во многих других русских словарях. На самом деле «облучок» и «козлы» далеко не синонимы, и Пушкин ни разу не ошибся, пользуясь тем и другим словами: он говорит о «козлах» лишь в применении к коляске европейского типа, тогда как «облук (облучок)» — это жердь, огибающая по верхнему краю обычную деревенскую телегу или сани.⁸ Любопытно, что другое многозначное слово в приведенных стихах Пушкина («бразды») уже сто лет назад отмечалось как архаическое и не всегда понятное широкому кругу читателей.⁹

Давно было отмечено также несоответствие современного значения испанского слова «мантилья» тому, которое вкладывал в него Пушкин.¹⁰ Истолкование слова «шаматон», употребленного Пушкиным в «Капитанской дочке», представил В. П. Во-

---

⁸ В. Я. Дерягин. «Облучок» и «козлы». Лексикографический сборник, вып. V, М., 1962, стр. 170—174.

⁹ В. Ф. Саводник (к вопросу о пушкинском словаре. «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IX, кн. I, 1904, стр. 168) уверенно писал, что «никто, конечно, не смешает различных значений слова „бразды“, употребляющегося в „Евгении Онегине“ (в смысле «борозда, оставленная полозьями на снегу») и в «Полтаве» и «Борисе Годунове», где оно значит то «поводья», то «удила». Тем не менее еще П. Полевой в статье «Пушкин в потомстве» («Исторический вестник», 1887, февраль, стр. 416) указывал на отчет одного из словесников, ревизовавших преподавание русского языка в гимназиях в 1867 г.; по его словам, ни один гимназист VII класса «не мог объяснить ему известный стих Пушкина в описании Полтавского боя — „браздами, саблями звуча“». Слово «бразды» ставило всех в тупик, а один из учеников старался даже объяснить этот стих Пушкина другим известным стихом его же: «Бразды пушистые взрывая». О том, что в наши дни многие слова пушкинского языка теряют свое значение, становятся непонятными, напоминал недавно Эр. Ханпира в журнале «Новый мир» (1963, № 10, стр. 192): «Мало кто из теперешних читателей Толер понимает, что значит „дольней лбы прозябанье“ (в стихотворении «Пророк», — О. Т.). Некоторые читают даже: „дальней“. Еще хуже с „прозябаньем“. Все знают современное значение этого слова. А более старое — „прорастание“ (первичное, древнее — „прогрызание“) — большинству неизвестно. И таких слов у Пушкина можно назвать не один десяток».

¹⁰ См.: И. Р. Эйгес. По поводу значения одного слова в стихотворении Пушкина «Ночной зефир». «Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР», 1954, № 6, стр. 33—36.

робьев.¹¹ По его мнению, слово это, появляющееся в напутственном обращении старика Гринева к сыну, значит не «шалопай, бездельник», как оно понимается обычно, а является военным термином — арголизмом, обозначающим «нестойкого, готового всегда к сдаче, ожидающего этого сигнала перебежчика», что как будто оттеняет и основную сюжетную линию повести: Петр Андреевич Гринев в глазах отца оказался «шаматоном», нарушителем присяги, вошедшим в сношение с «бунтовщиком» Пугачевым. Толкование это, однако, искусственно и не подтверждается другими случаями употребления данного слова у современников Пушкина. В. П. Воробьев упустил из виду, что специальную историческую справку о слове «шаматон» представил В. И. Чернышев, на основании многочисленных случаев его употребления (начиная от «Новейшего российского всеобщего песенника» (М., 1803, ч. 1, стр. 258)) установивший, что оно значило именно «пустой человек, бездельник»;¹² было бы затруднительно предположить, что Пушкин дал этому слову особое толкование, не имеющее аналогий в других источниках.

По поводу слов «хобот» и «побыт» в 1835 г. Пушкин обменялся письмами с И. И. Лажечниковым;¹³ суть недоразумения, вызвавшего вопрос Пушкина, и явно не удовлетворивший его ответ Лажечникова давно уже разъяснены в специальной лингвистической заметке, забытой пушкинистами: она никогда не привлекалась к комментированию указанных писем Пушкина и его корреспондента.¹⁴

В произведениях Пушкина встречается немало количество иностранных слов; изучение их только начинается. Статья В. В. Макарова представляет наблюдения над неассимилированными иностранными словами в произведениях Пушкина; к сожалению, она не опирается на предшествующие опыты в том же направлении и не исчерпывает вопроса.¹⁵ Лексические параллели

---

¹¹ В. П. Воробьев. Слово «шаматон» в повести Пушкина «Капитанская дочка». «Ученые записки Саратовского государственного педагогического института», вып. XXXIV, 1958, стр. 224—230.

¹² В. И. Чернышев. Темные слова в русском языке. Сб. «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 400. В этой же статье объяснен ряд других слов пушкинского языка, например «камча», известное по сказке Пушкина «Жегих» (стр. 401—402). Ф. Е. Корш готов был отнести его к числу «выдуманных» («Известия отделения русского языка и словесности», т. III, кн. 3, 1858, стр. 710), но оно встречается в текстах русских песен, в частности, бывш. Псковской губ.

¹³ См.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962, стр. 221.

¹⁴ V. Bobrov. Chobot oder pobyt? «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXV, 1903, SS. 158—159.

¹⁵ В. В. Макаров. Об использовании неассимилированной и иноязычной лексики в произведениях Пушкина. «Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина», т. 19, вып. 2, 1957, стр. 99—114. Напомним также статью Р. И. Бигаева «Восточные лексические заимствования в языке Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого» («Ученые записки Ташкентского государственного педагогического инсти-

к таким встречающимся у Пушкина варваризмам, как «факт», «бюджет» (в ироническом контексте — в письме Пушкина к П. В. Нащокину от 3 сентября 1831 г.) и др., представил недавно В. В. Веселитский.¹⁶ Статья Г. Ф. Богача всесторонне анализирует слова молдавского происхождения, встречающиеся в произведениях Пушкина (например, «арнаут», «гальбин», «каруца», «кукон» и «куконица», «пандур» и др.); объяснения этих слов, представленные в статье, дают новые данные для реального комментария, в особенности к произведениям и письмам Пушкина начала 20-х годов.¹⁷ Представляют интерес для исследователей Пушкина также некоторые справки, извлеченные из словарей его времени, например из словаря П. Соколова (1834), недостаточно привлекаемого к сопоставлениям; между тем этот словарь, продолжавший «Словарь Академии Российской» (1806—1822), представляет особый интерес, «как пособие для сравнительно-исторического изучения лексических, грамматических и отчасти стилистических явлений русского языка от 10-х до середины 30-х годов XIX в.»¹⁸

На материале «Словаря языка Пушкина» построена статья Р. М. Фрумкиной, содержащая интересные сведения о словарном составе пушкинских произведений.¹⁹ Так, ею установлено, что 48% пушкинской лексики составляют слова, употребленные автором не более двух раз. Этот факт требует от исследователей особой осторожности при атрибуции произведений, принадлежность которых Пушкину оспаривается: наличие в них даже нескольких неизвестных другим произведениям слов не может считаться решающим аргументом против атрибуции такого текста Пушкину.²⁰ Интересно наблюдение, что среди 500 наиболее упот-

---

туда им. Низами», вып. 1, серия общественных наук, 1947, стр. 69—80); здесь, в частности, сообщается, что в произведениях Пушкина употреблено 222 восточных заимствования; приведенный автором лексический материал нуждается ныне в проверке на основании «Словаря языка Пушкина».

¹⁶ В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964, стр. 62—64, 66, 127 и др.

¹⁷ Г. Ф. Богач. Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина. «Ученые записки Института языка и литературы Академии наук Молдавской ССР», т. 10, Кишинев, 1961, стр. 119—148.

¹⁸ И. М. Мальцева. «Общий церковнославянско-русский словарь» П. Соколова 1834 г. Сб. «Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии», Л., 1963, стр. 102—118. В словаре П. Соколова, между прочим, впервые помещено слово «юнкер», толкуемое как «в артиллерии унтер-офицер из дворян», встречающееся в письме Пушкина к брату от 4 сентября 1822 г.

¹⁹ Р. М. Фрумкина. Статистическая структура лексики Пушкина. «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 78—81.

²⁰ Об отдельных словах пушкинского словаря, значение которых следует иметь в виду в ряде спорных случаев при чтении рукописей поэта, см. в кн.: Основы текстологии. Под ред. В. С. Нецаевой. М., 1962, стр. 457 и сл. В недавней статье «О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина» («Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента Академии наук СССР В. М. Жирмунского»,

ребительных слов лишь 48 в наше время воспринимаются как устаревшие или существенно изменившие свои значения. Это и создает впечатление близости языка Пушкина к современному литературному языку.

Некоторые предварительные результаты статистического изучения словарного состава пушкинских произведений отражены в «Материалах к частотному словарю языка Пушкина»;²¹ статистическим таблицам в этом издании предпослана заметка Р. М. Фрумкиной: «О статистическом исследовании словарного состава текстов Пушкина» (стр. 5—8), в которой объяснена методика ведущегося исследования и указаны некоторые предварительные его результаты. Табл. 1 содержит в себе две тысячи слов, наиболее часто встречающихся в произведениях Пушкина. Последующие таблицы составлены, в частности, для того, чтобы выяснить, «можно ли, пользуясь чисто статистическими критериями, выделить лексические группы, характерные, например, для поэзии в отличие от прозаических текстов» (стр. 7). С этой целью все тексты Пушкина были разделены на четыре раздела по жанровому признаку: 1) стихотворные тексты (около 186 950 слов); 2) художественная проза (около 121 770 слов); 3) публицистика и исторические сочинения (около 185 350 слов); 4) письма (около 50 640 слов). Предварительные количественные данные о словарном составе произведений Пушкина имеют несомненное значение, закладывая основу, на которой впоследствии смогут вырасти разнообразные специальные исследования о его языке.

В недавней книге Р. М. Фрумкиной, посвященной изучению количественных отношений между текстом и словарным составом и обсуждающей эти вопросы в методологическом и методическом отношениях на широком лингвистическом материале, есть также вспомогательный раздел, посвященный языку Пушкина.²²

М.—Л., 1964, стр. 277—290) В. В. Виноградов привел пример тех «субъективно-психологических мотивов», которые заставляют текстологов-пушкинистов извлекать из черновики поэта гипотетические и совершенно произвольные строки; анализ содержащихся в них слов разрушает искусственные построения.

²¹ Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект). М., 1963 (в серии «Предварительные публикации» Сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР). В «Словаре языка Пушкина» наряду с толкованием слова и прочими лексикографическими сведениями при каждом слове указана частота его употребления в пушкинских текстах, что и позволило приступить (в 1958 г.) к статистическому изучению лексики Пушкина. Результаты проведенной работы были опубликованы Р. М. Фрумкиной также в «Вопросах языкознания», № 3, 1960, и № 2, 1961, доложены на XI Всесоюзной пушкинской конференции (1959 г.) и на Межвузовской конференции по структурным и статистическим методам изучения словарного состава (1961 г.).

²² Р. М. Ф р у м к и н а. Статистические методы изучения лексики. М., 1964. См. здесь особенно главу IV — «Сравнение словников текстов Пушкина

«Конечно, — справедливо отметил в своей книге о русском языке К. И. Чуковский, — Пушкин на веки веков чудотворно преобразил нашу речь, придав ей прозрачную ясность, золотую простоту, музыкальность, и мы учимся у него до последних седин и храним его заветы как святыню», но «теперь мы уже не скажем вслед за ним: скрып, дальный, тополы, бревны, турков»; здесь же К. И. Чуковский называет множество слов, которые «давно уже стали достоянием истории», и заключает: «Конечно, никто из современных писателей не введет их в свои сочинения на том основании, что эти слова — пушкинские».²³ Это другой аспект изучения пушкинской речи, не менее важный, чем указанные выше. «Эстетикой» пушкинского слова и определением того, что еще живо в нем и жизнедеятельно в настоящее время, необходимо интересоваться и впредь, имея в виду, что с этой стороны язык Пушкина изучен еще недостаточно.

Близким к этой задаче было стилистическое изучение произведений Пушкина, весьма успешно развивавшееся в последние годы. Взаимоотношение стилистических приемов Пушкина и Гоголя — тема статьи акад. В. В. Виноградова.²⁴ Автор прослеживает формирование стиля исторического романа в творчестве А. С. Пушкина. Впервые поэт обратился к этой проблеме в процессе создания трагедии «Борис Годунов», где ему удалось, не впадая в «историко-археологический» натурализм, передать «стиль эпохи», создать галерею колоритных персонажей, речевые стили каждого из которых индивидуально-характерны. Затем этот принцип «индивидуально-характерной речи» переносится Пушкиным и в жанр исторического романа. В статье дается глубокий анализ языковых особенностей романа «Арап Петра Великого» и повести «Капитанская дочка». В пушкинском стиле исторического повествования устанавливаются новые формы отношений между авторской речью и речью действующих лиц. Пушкину удалось создать образ рассказчика — представителя изображаемой эпохи. В. В. Виноградов отмечает огромную роль стиля «исторического воспроизведения» в системе пушкинского художественного реализма. Вторая часть статьи содержит характеристику языка исторической повести Гоголя «Тарас Бульба», отразившей иные, чем у Пушкина, стилистические тенденции.

Сопоставлению стиля Пушкина и Гоголя, правда на более ограниченном материале — на употреблении деепричастных оборотов в языке прозы обоих авторов, посвящена и статья

методом ранговой корреляции» (стр. 63—65) и Приложение 2 — «Списки наиболее частых слов в текстах Пушкина» (стр. 94—110).

²³ К. И. Чуковский. Живой как жизнь. (О русском языке). Изд. 2-е, М., 1963, стр. 31—32. Интересные замечания по этому поводу см. в книге Б. В. Томашевского «Стих и язык» (М.—Л., 1959, стр. 371 и сл. — статья: «Вопросы языка в творчестве Пушкина»).

²⁴ В. В. Виноградов. Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь). «Вопросы литературы», 1958, № 12, стр. 120—149.

Г. Ф. Жидковой.²⁵ Автор устанавливает, что в повести «Капитанская дочка» деепричастные обороты употребляются вдвое реже, чем в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». По мнению Г. Ф. Жидковой, это объясняется установкой Пушкина на объективное повествование, а Гоголя — на воспроизводящий, эмоционально насыщенный, изображающий сказ.

Большое число статей, появившихся в печати за последние годы, посвящено стилистическому анализу отдельных произведений Пушкина. Так, Н. М. Лобикова анализирует язык поэмы «Бахчисарайский фонтан»,²⁶ особенности которого определили два момента: «лиризм и восточная тематика... Однако в едином эмоционально насыщенном и ориентальном окрашенном стиле поэмы проявляются две различные стилиевые тенденции: одна — в эмоционально сдержанном тоне описания отдельных картин и сцен, другая — в эмоционально взволнованном, лирическом рассказе, который их соединяет».²⁷ Н. М. Лобикова анализирует лексику поэмы, языковые приемы, с помощью которых Пушкин создает «восточный стиль»: этому служат и нагнетание «поэтических славянизмов», и употребление экзотических имен, названий и слов, обозначающих те или иные свойственные Востоку реалии или понятия (гарем, шербет, дева рая, алкоран). Интересны наблюдения автора над поэтическими формулами, которые своей повышенной экспрессией также помогают передать изысканную восточную витиеватость и цветистость слога, например: «порывы пламенных желаний», «страстный поцелуй», «безумная нега», «язык мучительных страстей» и др.

Языку поэмы «Руслан и Людмила» посвятила свою статью И. Куликова.²⁸ В статье рассматривается использование в поэме лексических и фонетических славянизмов; по наблюдениям автора статьи, Пушкин намеренно не учитывает семантических оттенков неполногласных дублетов (злато, древо и т. п.), утверждая их стилистическое равноправие. В статье содержится также наблюдение над употреблением в поэме поэтических штампов и элегических эпитетов («лазурные небеса», «лилейные плечи» и др.). Молодой Пушкин находится еще в плену традиционных поэтических приемов, но иногда уже выступает против них,

---

²⁵ Г. Ф. Жидкова. К вопросу о стилистической функции отдельной синтаксической конструкции в языке писателя. (Деепричастный оборот в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»). «Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», № 35, 1960, стр. 152—164.

²⁶ Н. М. Лобикова. Язык и стих «Бахчисарайского фонтана». «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета», вып. 4, Нальчик, 1958, стр. 163—186.

²⁷ Там же, стр. 164—165.

²⁸ И. Куликова. Язык и стиль поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 169, 1959, стр. 65—84.

о чем говорит ироническое употребление некоторых традиционных перифраз в поэме.

Несколько частных наблюдений над традиционно поэтическими средствами в лирике Пушкина содержится также в статье А. И. Ефимова.²⁹

Н. В. Павлюк пишет о языковых особенностях первых глав романа «Евгений Онегин».³⁰ Современники Пушкина порой считали язык романа однообразным и примитивным. Но за этой внешней языковой безыскусственностью скрывалось новаторское стремление поэта создать впечатление непринужденной беседы автора с читателями, беседы, лишенной эффектных поэтических красот, но высокохудожественной в своей простоте, точности и метком изображении жизни.

Широкий исторический кругозор, прекрасное знание источников позволили Пушкину воссоздать исторический колорит и в «Песни о вещем Олеге». В статье, посвященной анализу языка и стиля этой баллады,³¹ содержатся наблюдения над использованием историзмов, а также образных средств фольклора, с помощью которых создается образ легендарного князя Олега. Прослеживается и процесс работы Пушкина над языком «Песни», его поиски наиболее ярких, исторически конкретных образов.

О «языковом историзме» Пушкина, о его мастерстве в воссоздании языкового колорита эпохи идет речь в статье К. Мартаковой о языке трагедии «Борис Годунов».³² Правда, К. Мартакова останавливается только лишь на речевой характеристике Варлаама — наиболее колоритной фигуры в сцене «Корчма на литовской границе». Наблюдения автора, построенные на сопоставлении с языком летописей, показывают, как речь монаха, меняясь в зависимости от обстановки (обилие разговорных выражений, прибауток, фольклорных формул в разговоре с шинкаркой и нарочитая «церковнославянщина» в разговоре с приставами) остается всегда пронизанной «духом времени». В статье обращается внимание на отдельные слова и выражения, которые служат этой цели («скоморох», «гудок», «мытарства», «полушка», «кобылу нюхать», — т. е. подвергаться пытке на специальной скамье — «кобыле»).

²⁹ А. И. Ефимов. Язык и слог выдающихся русских писателей как предмет курса стилистики художественной речи. «Сборник статей по языкознанию. Профессору московского университета академику В. В. Виноградову», изд. МГУ, 1958, стр. 158—163.

³⁰ Н. В. Павлюк. О языке первых глав «Евгения Онегина». Сб. «Пушкин на юге», т. II, Кишинев, 1961, стр. 289—293.

³¹ О. Творогов. Лексика «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 169, 1959, стр. 229—252.

³² К. Мартакова. Из наблюдений над языком персонажей сцены в корчме на литовской границе. «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института», вып. XXIII, научные работы студентов, 1959, стр. 113—120.

Языку трагедии в целом посвящены были более ранние статьи В. Г. Васильева и Н. П. Гринковой, опубликованные в 1957 г.,³³⁻³⁴ но отдельные вопросы, связанные со стилистической структурой «Бориса Годунова», продолжают изучаться и обогащают наше представление о мастерстве этого пушкинского шедевра. Интонации разговорной речи в сцене у фонтана небольшую статью посвятил Р. А. Будагов;³⁵ он прослеживает, как меняются в речи Самозванца и Марины Мнишек формы их обращения друг к другу. Одно и то же местоимение «ты» в речи Марины звучит то презрительно грубо, то обещающе интимно. Самозванец в монологе-раздумье называет Марину просто «она» (это сделано по правилам внутренней речи: ведь мысли его заняты предстоящей встречей), затем он обращается с мольбой к «прелестной Марине», а дальше, оскорбленный, с негодованием говорит о ней в третьем лице («Стыдно мне пред гордою полячкой унижаться!»). Так, по словам автора статьи, казалось бы, случайные и незаметные сами по себе «детали» языка приобретают большую выразительную силу в контексте художественного целого. Восклицательным предложениям в «Борисе Годунове» посвящена статья Л. М. Чистяковой.³⁶ В «Борисе Годунове», как уже отмечалось исследователями, обилие разговорных оборотов и интонаций сочетается с торжественной величавостью пятистопного ямба. Поэтому, как отмечает С. М. Кузьмина, «исполнение стиха „Бориса Годунова“ требует от актеров большой тонкости и поэтической чуткости».³⁷ В статье анализируется произношение актеров-исполнителей трагедии и даются некоторые рекомендации.

Об одной характерной черте стиля пушкинских драм пишет С. В. Шервинский.³⁸ Известно, что Пушкин, на первый взгляд совершенно произвольно и неоправданно, меняет наименования действующих лиц порой несколько раз на протяжении текста пьесы. В драме «Русалка», например, Мельник в последующих сценах именуется Старик; дочь его последовательно называется

---

³³⁻³⁴ В. Г. Васильев. О языке «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. «Ученые записки Магнитогорского государственного педагогического института», вып. IV, 1957, стр. 236—254; Н. П. Гринкова. О языке трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» — В кн.: Изучение языка писателя, Л., 1957, стр. 72—104.

³⁵ Р. А. Будагов. Интонация разговорной речи в драматургических произведениях. (Об одной сцене из «Бориса Годунова» Пушкина). «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 299, серия филологических наук, вып. 59, 1961, стр. 53—57.

³⁶ Л. М. Чистякова. Об употреблении восклицательных предложений в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1963, т. 248 («Вопросы языкознания»), стр. 417—424.

³⁷ С. М. Кузьмина. «Борис Годунов» на сцене центрального детского театра. «Вопросы культуры речи», вып. IV, М., 1963, стр. 144—153.

³⁸ С. В. Шервинский. О наименовании действующих лиц в драмах Пушкина. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 4, 1962, стр. 302—311.

Дочь, Любовница, Она, затем снова Дочь и, наконец, Старшая русалка и просто Русалка. Аналогичное явление мы наблюдаем и в трагедии «Борис Годунов». Пушкин называет Отрепьева то Григорий, то Самозванец, один раз (в сцене «Равнина близ Новгорода-Северского») Дмитрий, затем снова Самозванец и один раз Лжедмитрий. С. В. Шервинский объясняет эти колебания в обозначениях действующих лиц «оплошностью» Пушкина, но оплошностью, имеющей психологическое основание: Пушкин постоянно смотрит на своих героев глазами окружающих, т. е. других персонажей пьесы. Таким целостным переключением во внутреннюю жизнь героев и объясняются колебания наименований действующих лиц в пушкинских драмах.

Наблюдения над стилем пушкинских писем и особенностями словоупотребления в них (например, использованием просторечной лексики) составляют содержание статьи Е. А. Маймина.³⁹ В статье В. П. Воробьева рассматривается соотношение книжной и разговорной лексики в прозе Пушкина.⁴⁰

Наконец, следует упомянуть еще целую серию статей, посвященных стилистическому анализу пушкинских стихов: «Погасло дневное светило»,⁴¹ «Вновь я посетил»,⁴² «К ***», «Пророк»,⁴³ «Мне вас не жаль», «Узник», «Демон», «Цветок», «Я вас любил».⁴⁴ Заслуживают внимания отдельные лингвостилистические наблюдения над стихотворениями «К Чаадаеву»⁴⁵ и «Армон».⁴⁶

³⁹ Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. «Пушкинский сборник», Псков, 1962, стр. 77—87.

⁴⁰ В. П. Воробьев. Из наблюдений над лексикой художественной прозы А. С. Пушкина. Сб. «Вопросы славянской филологии. К V Международному съезду славистов», Саратов, 1963, стр. 166—185.

⁴¹ Э. В. Попова. Элегия А. С. Пушкина «Погасло дневное светило». Сб. «Вопросы славянской филологии. К V Международному съезду славистов», стр. 89—94.

⁴² С. Е. Шаталов. Образец философской лирики (о стихотворении Пушкина «Вновь я посетил»). «Ученые записки Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина», т. XIX, серия филологических наук, вып. 2, Сталинабад, 1958, 25—36. Ср.: Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., 1959, стр. 399—413.

⁴³ С. Е. Шаталов. О художественном своеобразии стихотворений Пушкина «К ***» и «Пророк». «Ученые записки Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина», т. XIX, серия филологических наук, вып. 2, стр. 37—52.

⁴⁴ С. Е. Шаталов. Опыт стилистического анализа стихотворений Пушкина. «Ученые записки Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина», т. XIX, серия филологических наук, вып. 2, стр. 53—88.

⁴⁵ В. И. Масальский. К вопросу о языке и стиле патриотической лирики русской поэзии. Анализ стих. А. С. Пушкина «К Чаадаеву». В кн.: Анализ языка и стиля художественных произведений. Київ, 1959, стр. 79—88. Ср.: В. И. Масальский. Деякі дискусійні питання стилістики художнього слова в працях славістів. В кн.: Питання історії та культури слов'ян. Київ, 1963, стр. 141.

⁴⁶ З. А. Бабайцева. К вопросу об анализе речевой ткани художественного произведения. «Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова», т. 152, вып. 13, 1962, стр. 119—121.

Частные наблюдения над языком и стилем Пушкина рассеяны и в монографических исследованиях последних лет (В. В. Виноградова, Б. В. Томашевского, Н. Л. Степанова, Б. П. Городецкого, А. Л. Слонимского). Отметим здесь только специально посвященную интересующей нас проблеме главу «Слово в лирике Пушкина» в книге Н. Л. Степанова⁴⁷ и раздел «Язык и стиль» в книге Б. В. Томашевского.⁴⁸

Пушкинистов всегда глубоко интересовал процесс работы Пушкина над языком и стилем своих произведений. Интересная по приведенному в ней материалу статья М. И. Фоминой⁴⁹ вводит читателя в творческую лабораторию Пушкина. Автор показывает, как Пушкин «шлифовал» язык своих произведений, устранял все лишнее, все неоправданно эмоциональное, все напоминающее книжные штампы и, с другой стороны, вводил уточняющие определения и обстоятельства, оживляя повествование, что делало язык его еще более образным; например: «Лег в приготовленную для него (походную)⁵⁰ кровать», «Вдруг раздалась музыка, и (шестивесельная) лодка причалила к самой беседке»; «... в (серой) шляпе с (надломленными) перьями».

Той же теме — показу работы Пушкина над языком прозаических произведений — посвящена и статья Б. В. Неймана,⁵¹ содержащая много интересных наблюдений над процессом создания повести «Капитанская дочка»: каждый штрих портретной характеристики, каждый авторский эпитет, каждое слово персонажа — все проходило через придирчивую самоцензуру автора.

Взгляды Пушкина на литературный язык привлекли внимание Л. С. Сидякова⁵² и С. Е. Вайнтруба,⁵³ в статье последнего рассматриваются, в частности, взгляды поэта на славяно-молдавские языковые отношения.

⁴⁷ Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина, стр. 174—233.

⁴⁸ Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 334—344. Специально языку Пушкина посвящен и особый раздел книги — «Вопросы языка в творчестве Пушкина», ранее опубликованный: «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 126—184.

⁴⁹ М. И. Фомина. Работа А. С. Пушкина над лексикой прозаических произведений. «Русский язык в школе», 1960, № 3, стр. 37—44.

⁵⁰ Заключенные в скобки слова вставлены Пушкиным в процессе правки текста.

⁵¹ Б. В. Нейман. Работа Пушкина над текстом «Капитанской дочки» «Научные доклады высшей школы», Филол. науки, 1961, № 4, стр. 146—155.

⁵² Л. С. Сидяков. А. С. Пушкин и проблема прозы в 20-е и 30-е годы XIX века. «Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки», т. 29, 1959, стр. 125—147.

⁵³ С. Е. Вайнруб. Некоторые вопросы культуры русского языка в освещении А. С. Пушкина. «Наукові записки Кам'янець-Подільського держ. педагогічного інституту», т. XI, серія історико-філологічна, 1962, стр. 50—72.

Синонимика в языке Пушкина — предмет наблюдений Л. Н. Саркисовой.⁵⁴ Она рассматривает две синонимические группы: слова «воин», «воитель», «ратник» и «бой», «брань», «битва», «сражение», «сеча», «баталия». Наблюдения над употреблением этих слов у Пушкина показали, что поэт использует синонимические варианты в стилистических целях: слово «воитель», например, употребляется преимущественно в лицейских стихах (17 раз из 19) для придания речи «торжественного тона». Слово «сеча» употребляется как средство создания исторического колорита (в «Песни о вещем Олеге»), слово «баталия» воспроизводит языковую традицию XVIII в. (в стихотворении «Городок» и повести «Капитанская дочка»).

* * *

Помимо монографии Н. С. Поспелова о синтаксисе пушкинских стихов,⁵⁵ за последние годы вышло немало статей, освещающих характерные черты синтаксиса пушкинской прозы. Отметим те из них, которые могут быть интересны пушкиноведам, так как в них рассматривается использование Пушкиным определенных синтаксических конструкций со стилистическими целями. Пушкин считал точность и краткость первыми достоинствами прозы, придавал большое значение слогу — отсюда его постоянное внимание к синтаксической структуре произведений. Так, по наблюдениям М. А. Бородиной,⁵⁶ употребительность пассивных конструкций в повести «Дубровский» находится в зависимости от содержания различных фрагментов произведения и от его композиции в целом.

Пушкин придавал большое значение обстоятельным словам, учитывая их смысловую и стилистическую роль. Этому посвящена статья Е. А. Предтеченской.⁵⁷ По ее наблюдениям, Пушкин употребляет обстоятельства намного чаще, чем его предшественники, и использует их с большей свободой, чем, например, Ломоносов или Карамзин. В процессе работы над текстом

⁵⁴ Л. Н. Саркисова. Из наблюдений над использованием синонимов в русском литературном языке первой трети XIX в. (на материале произведений А. С. Пушкина). «Ученые записки Таганрогского государственного педагогического института», вып. 6, 1958, стр. 114—128. В 1957 г. вышла книга, посвященная той же теме: В. М. Григорян. Материалы к словарю синонимов. Прилагательные по данным языка А. С. Пушкина. Ереван, 1957.

⁵⁵ Н. С. Поспелов. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960.

⁵⁶ М. А. Бородина. Пассивные конструкции в повести А. С. Пушкина «Дубровский». (Стилистический анализ). «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 299, серия филологических наук, вып. 59, 1961, стр. 46—52.

⁵⁷ Е. А. Предтеченская. Работа А. С. Пушкина над обстоятельными словами в повести «Дубровский». «Ученые записки Абаканского государственного педагогического института», вып. V, 1960, стр. 37—67.

повести Пушкин нередко вставляет уточняющие обстоятельства. Например: «Кирила Петрович с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон (громогласно)⁵⁸ упомянул о зиждителе храма сего». Или: «Смотрительша (опрометью) кинулась к окошку». В качестве обстоятельств нередко используются просторечные слова: в текст «Дубровского» в процессе авторской правки были вставлены такие наречия, как «опрометью», «за глаза», «насилу», «украдкой».

С другой стороны, Пушкин решительно устраняет все «психологические» определения действия, которые были так свойственны языку романтической прозы (например, повести А. Бестужева-Марлинского): «Марья Кирилловна вскрикнула (от удивления)».⁵⁹ «Она (Марья Кирилловна, — О. Т.) побежала в свою комнату, заперлась и дала волю слезам (с ужасом; второй вариант: с трепетом), воображая себя женой старого князя». Эти и многочисленные другие примеры свидетельствуют о придирчивых поисках Пушкина, отборе «лучшего», наиболее точного, образного слова.

Содержательна и статья М. В. Глушковой об употреблении несобственно-прямой речи в прозаических произведениях А. С. Пушкина.⁶⁰ С помощью несобственно-прямой речи автор передает чувства, настроения, образ мыслей и манеру речи персонажей, экономно вплетая эти характеристики в авторское повествование. Например: «...единогласно все решили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не пороки, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное». Таким образом, в авторское повествование включаются слова, характерные для речи данного персонажа, кроме того, используются синтаксические нормы устной, разговорной речи.

Р. П. Андропова, сопоставляя употребление прямого и обратного порядка слов в повести Пушкина «Выстрел»,⁶¹ приходит к выводу, что обратный порядок слов (значительно реже употребляемый в повести) помогает «сохранить ритмическую организацию речи, ее общий интонационно-мелодический рисунок, и этим повысить эмоциональное воздействие». Это подтверждается наблюдениями, что Пушкин употребляет личное местоимение в конструкциях с обратным порядком слов даже тогда,

⁵⁸ Авторские вставки в примерах заключены в скобки.

⁵⁹ В скобках — слова, исключенные в процессе авторской правки.

⁶⁰ М. В. Глушкова. Несобственно-прямая речь в языке прозы Пушкина. «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. 67, вып. филологический, 1959, стр. 205—213. См. также статью того же автора под тем же названием в журнале «Русский язык в школе», № 1, 1962, стр. 49—53.

⁶¹ Р. П. Андропова. Расположение подлежащего — личного местоимения в повести А. С. Пушкина «Выстрел». Ежегодник научных работ (Херсонский педагогический ин-т имени Н. К. Крупской), 1960 г., Херсон, 1961, стр. 77—82.

когда его употребления можно было бы избежать, но где, «по требованию ритмико-мелодического рисунка речи, не хватает... словесного ударения».⁶²

В. П. Ардентов⁶³ отмечает новаторство Пушкина в использовании номинативных предложений, которые, по словам автора, начинают широко употребляться в языке русской прозы после Пушкина.⁶⁴ В статье рассматриваются различные типы номинативных предложений: предложения-реплики, описательные предложения, предложения, служащие для передачи бессвязной цепи образов, возникающих в сознании героя, и т. д., — встречающихся в произведениях Пушкина.

Употребление обособленных причастных оборотов в языке Пушкина — тема статьи В. П. Воробьева.⁶⁵

Следует упомянуть и статьи, в которых рассматриваются морфологические особенности пушкинских произведений. Н. А. Пронь,⁶⁶ анализируя употребление отдельных предлогов в языке Пушкина, показывает, что он почти всегда предпочитал те варианты словупотребления (например, падеж, которого требует данный предлог), которые соответствовали основным тенденциям развития литературного языка и впоследствии стали литературной нормой. Кроме того, на предпочтение одного из синонимичных предлогов оказывала влияние его стилистическая окраска. Так, в повестях «Капитанская дочка» и «Пиковая дама» Пушкин употреблял предлог «про» только при передаче разговорной речи, тогда как в прочих случаях употреблялись предлоги «о» и «об».

И. В. Рыбакова⁶⁷ рассматривает стилистическую роль некоторых словообразовательных суффиксов в языке произведений Пушкина и Лермонтова. С помощью суффиксов притяжательных прилагательных «-ов (-ев)» Пушкин стилизует язык персонажей, прилагательные с суффиксом «-ист» употребляются преимущественно в языке поэзии и т. д.

⁶² Там же, стр. 80, 81.

⁶³ В. П. Ардентов. Номинативные предложения в языке Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II, Кишинев, 1961, стр. 311—315.

⁶⁴ Отметим, что таблица, призванная проиллюстрировать этот вывод, не представляется удачной, так как в ней сравниваются произведения различных жанров и объемов.

⁶⁵ В. П. Воробьев. Обособленные причастные обороты в языке художественной прозы А. С. Пушкина. «Вопросы стилистики», вып. 1, Саратов, 1962, стр. 165—176.

⁶⁶ Н. А. Пронь. Наблюдения над некоторыми особенностями употребления предлогов у Пушкина. «Ученые записки Калужского государственного педагогического института», вып. VIII, 1960, стр. 72—81.

⁶⁷ И. В. Рыбакова. Экспрессивно-стилистическая роль некоторых словообразовательных суффиксов имен прилагательных. (По материалам языка художественной прозы А. С. Пушкина и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова). «Ученые записки Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского», вып. XXXIII (XLIII), 1958, стр. 131—133.

Язык произведений Пушкина используется как материал для наблюдений над различными грамматическими явлениями русского литературного языка в статьях В. К. Кудриа⁶⁸ и С. Д. Пивоваровой.⁶⁹

* * *

Особое место занимают статьи научно-методического характера. Не претендуя порой на роль самостоятельных исследований, они призваны оказать помощь учителю-словеснику в изучении языка и стиля пушкинских произведений в средней школе. Перечислим некоторые из статей этого типа, опубликованных за последние годы: В. Д. Левин — «Пушкин и язык русской литературы»;⁷⁰ В. Д. Левин — «От Ломоносова до Пушкина»;⁷¹ В. А. Ковалев и Е. А. Маймин — «О языке и стиле романа „Евгений Онегин“»;⁷² А. Ф. Ефремов — «Язык и стиль романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин“»;⁷³ С. А. Копорский — «К изучению языка и стиля стихотворения А. С. Пушкина „Кавказ“»;⁷⁴ М. Г. Качурин и М. А. Шнеерсон — «Изучение языка героев повести А. С. Пушкина „Капитанская дочка“ в VIII классе»;⁷⁵ М. Ф. Тузова — «Лексический комментарий к повести А. С. Пушкина „Капитанская дочка“»;⁷⁶ М. А. Постнова, Э. С. Смелкова — «Из опыта отбора слов для активизации в связи с изучением лирики А. С. Пушкина в VIII классе».⁷⁷

---

⁶⁸ В. К. Кудриа. 1) К вопросу о границах между переходными и непереходными глаголами по материалам бесприставочных глаголов языка А. С. Пушкина. «Ученые записки Ташкентского вечернего педагогического института им. В. Г. Белинского», вып. I, Работы по языкознанию, 1959, стр. 29—52. 2) К вопросу о вариантности формы объекта. (На материале переходных бесприставочных глаголов в языке А. С. Пушкина). Там же, вып. XII, Работы по литературоведению, 1961, стр. 107—152.

⁶⁹ С. Д. Пивоварова. Видовые и временные отношения в однородных глагольных сказуемых. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 169, 1959, стр. 85—97.

⁷⁰ «Русский язык в школе», 1962, № 1, стр. 28—35.

⁷¹ «Русский язык в национальной школе», 1962, № 2, стр. 18—26.

⁷² «Русский язык в школе», 1962, № 1, стр. 36—40.

⁷³ Там же, 1959, № 5, стр. 22—28.

⁷⁴ Там же, 1962, № 1, стр. 41—45.

⁷⁵ «Литература в школе», 1959, № 1, стр. 48—58.

⁷⁶ «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. СІХ, вып. 7, Труды кафедры русского языка, 1961, стр. 624—629.

⁷⁷ «Русский язык в киргизской школе», 1962, № 1, стр. 10—14.

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1962—1963 ГОДОВ

Настоящий перечень продолжает аналогичный указатель («Книги о Пушкине 1961—1962 годов»), напечатанный в первом выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (М.—Л., 1963, стр. 58—62). Задача данного перечня прежде всего информационная, предваряющая обзор журнальных статей и публикаций Пушкина за те же годы; аннотации сведены к минимуму, так как имеют значение лишь для первоначальной ориентировки. Более подробные критические обзоры новейшей литературы о Пушкине, группированные тематически (в частности, обзор зарубежной пушкинианы за последние годы), предполагается напечатать в последующих выпусках «Временника».

- Амитиров Г. Е. Изучение поэтов в школе. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, В. В. Маяковский. Из опыта учителя литературы. М., Учпедгиз, 1962, 256 стр.
- Андроников Иракий. Утраченные записки. — В кн.: День поэзии. 1963. М., «Советский писатель», 1963, стр. 278—290.
- Записки В. И. Анненковой. Опубликованы отрывки воспоминаний о декабристах, Пушкине и Лермонтове.
- Антокольский П. Г. Евгений Онегин. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Художественная литература», 1963, стр. 5—20.
- Астафьева О. В. О месте А. С. Пушкина в «элегическом направлении» русской поэзии 20-х годов XIX века. (На материале пушкинских медитативных элегий 1820—1824 гг.). — В кн.: Вопросы художественного мастерства. Доклады второй научной конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр литературы. Ростов-на-Дону, 1963, стр. 147—149. (Ростовский-на-Дону пед. ин-т).
- Бать Л. Великое призвание. Повесть о русском актере М. С. Щепкине. М., Детгиз, 1963, 304 стр.
- Стр. 259—268: «Рукою Пушкина».
- Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1937—1948. М.—Л., 1963, 747 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).
- Богач Г. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1963, 295 стр.

Содерж.: I. А. С. Пушкин — «первый» молдавский фольклорист. — II. Авторские указания на молдавский источник. — III. Свидетельства современников. 1. Два исторических молдавских предания. 2. Две исторические народные песни. — IV. Интерес поэта к молдавскому искусству и языку. — V. Кишиневский этап пушкинского фольклоризма. — Указатель имен.

Бонди С. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., Детгиз, 1963, стр. 5—50. (Школьная б-ка).

Бродский Б. Из жизни великих творений. [Изд. 2-е]. М., «Советский художник», 1963, 112 стр. с илл.

Стр. 83—94: «Портрет Пушкина» [работы В. Тропинина].

Гессен А. Набережная Мойки, 12. Последняя квартира А. С. Пушкина. 2-е изд. М., Детгиз, 1963, 256 стр. (По дорогим местам. [Школьная б-ка. Для средней школы]).

Гордин А. Пушкинский заповедник. Л.—М., «Искусство», 1963, 304 стр., 15 л. илл.

Библиогр.: стр. 299—303.

Еремин М. Пушкин-публицист. М., Гослитиздат, 1963, 447 стр., 8 л. илл.

Содерж.: Введение. О теме этой книги. — Первые уроки гражданской ответственности. — Свободы верный воин. — На перепутье. — «Путешествие из Москвы в Петербург». — «Современник». Общественно-критическая и эстетическая позиция. — «Современник». Журнальная полемика. Конфликт в редакции. — Примечания.

Зажурило В. К. и Руденская М. П. Лицей. Краткий путеводитель по музею. Л., Лениздат, 1963, 112 стр. с илл.

Здесь жил Пушкин. Пушкинские места Советского Союза. Очерки. Л., Лениздат, 1963, 567 стр. с илл.

Общ. ред. А. М. Гордина и М. М. Калаушина.

Измайлов Н. В. Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества Пушкина. Доклад о работах, представленных на соискание ученой степени доктора филол. наук по совокупности трудов. Л., 1963, 39 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

История русской журналистики XVIII—XIX веков. Под ред. А. В. Западова. М., «Высшая школа», 1963, 516 стр.

Стр. 162—175: Журналистская деятельность А. С. Пушкина.

Кереева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Из истории русско-казахских литературных связей. Алма-Ата, Казгосиздат, 1963, 303 стр. с илл.

Стр. 185—191: «А. С. Пушкин в казахских степях».

Коньцкий Виктор. На весеннем льду. — В кн.: Коньцкий В. Луна днем. Повесть и рассказы разных лет. Л., Лениздат, 1963, стр. 267—270.

Пушкин на Неве.

Лобанов М. Сердце писателя. Слово о литературе. М., «Советская Россия», 1963, 240 стр.

Стр. 4—11: «Поэт жизни».

Макогоненко Г. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М., Гослитиздат, 1963, 147 стр.

Содерж.: История толкования романа. — Смелость изобретения. — Знакомство с героем. — Встреча с Татьяной. — Начало драмы. — Без Онегина. — Странствие. — «А счастье было так возможно...». — Заключение.

Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. Под ред. и со вступит. статьей П. Н. Беркова. М., Изд. Всесоюз. кн. палаты, 1963, 319 стр.

Стр. 128—133: «С именем Пушкина». (О прижизненных подделках стихотворений Пушкина в альманахах «Жасмин и роза» и

«Эвтерпа»). Стр. 134—135: «По когтям льва узнают». (Об эпитафиях Пушкина «Прятелям» и «Ex ungue leonem»). Стр. 136—138: «Песни западных славян». Стр. 139—145: «Окончание „Русалки“». Стр. 146—148: «Пиковая дама». (О перепечатке в 1885 г. без имени Пушкина с подписью «Ногтев»). Стр. 194—198: «Записки А. О. Смирновой».

Мезенцев П. А. История русской литературы XIX века. (Первая половина). М., «Высшая школа», 1963, 354 стр.

Стр. 135—204: «Реализм. Основоположник реализма, создатель русского литературного языка А. С. Пушкин (1799—1837)».

Найдич Э. Э. Лермонтов и Пушкин. (К вопросу об эволюции творчества Лермонтова в 1834—1837 гг.). — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. Под ред. А. Н. Соколова и Д. А. Гиреева. Орджоникидзе, Северо-Осетинское кн. изд., 1963, стр. 88—103.

Огнев В. Книга про стихи. М., «Советский писатель», 1963, 479 стр.

Стр. 122—133: «Перечитываем Пушкина».

Петров С. М. А. С. Пушкин. — В кн.: История русской литературы XIX века. Под ред. Ф. М. Головенченко и С. М. Петрова. Изд. 2-е. Т. 1. М., Учпедгиз, 1963, стр. 225—316.

Прохоров Е. Белинский-публицист. М., 1963, 87 стр. (Центр. дом журналиста. Двухгодичный заочный лекторий по журналистике).

Стр. 35—38: «Цикл статей о Пушкине».

Прянишников Н. Е. Записки словесника. Оренбург, Кн. изд., 1963, 143 стр.

Стр. 5—26: «Проза Пушкина». (Из наблюдений над поэтикой «Капитанской дочки»).

Рыжеволова А. В. Изучение русской литературы в ее взаимосвязях с родной литературой учащихся. М., Учпедгиз, 1963, 208 стр.

Стр. 48—77: «А. С. Пушкин».

Сквозников В. Последние повести Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Капитанская дочка. М., Гослитиздат, 1963, стр. 5—17.

Скляр Ф. Ф. Стихотворения А. С. Пушкина в переводах украинских советских поэтов. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Киев, 1963, 18 стр. (Акад. наук УССР. Отд. обществ. наук).

Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. Изд. 2-е, испр. М., Гослитиздат, 1963, 527 стр., 1 л. портр.

Содерж.: От автора. — Лирика («Голос события»; Учителя-поэты и самостоятельный путь; Политические стихотворения; История и современность; Романтический стиль и реалистический подтекст; Форма и содержание; «Величавый» стиль; «Да здравствует разум»; Лирический ход; Закон пластики и движения; Закон предметности; «Язык сердца»; Стилистическая полифония; Стилистические вариации; Народный стиль; Законы пушкинской лирики). — Поэмы. (Руслан и Людмила; Романтические поэмы; Законы романтических поэм; Поэмы исторические). — Евгений Онегин. — Работа над фольклором. — Сказки. — Борис Годунов. — Законы пушкинской прозы.

Соболева Т. П. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». Под ред. А. Г. Гукасовой. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1963, 116 стр. (Акад. пед. наук РСФСР. Пед. б-ка учителя).

Степанов Н. Лирика Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Лирика. М., Гослитиздат, 1963, стр. 5—20.

Трубецкой Б. Пушкин в Молдавии. Изд. 3-е, испр. и доп. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1963, 384 стр.

Фейнберг Илья. История одной рукописи. Рассказы литературоведа. М., «Советская Россия», 1963, 160 стр.

Стр. 5—9: «Рисунок Лермонтова». [Профиль Дубельта на черном автографе стихотворения «Смерть поэта»]. Стр. 28—52: «Черно-

- вики поэта». Стр. 53—85: «Сожженные „записки“». Стр. 86—110: «Из „Дневника Пушкина“». Стр. 111—158: «Последний труд. Пропавшие тетради». [«История Петра I»].
- Фохт У. Пути русского реализма. М., «Советский писатель», 1963, 264 стр. Стр. 88—147: «Значение прозы Пушкина для русской литературы».
- Челышев Б. Поиски, встречи, находки. Кемерово, Кн. изд., 1963, 115 стр. Стр. 82—88: «Необыкновенная книга».
- Составленное Геннадии «Приложение» к шеститомному собранию сочинений Пушкина, изданное Исаковым (1860), и изданные в 1861 г. в Берлине Н. В. Гербелем «Стихотворения А. С. Пушкина». Общие сведения о Геннадии и нелегальных изданиях поэта.
- Чхеидзе Анна. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Ред. и предисл. Д. Д. Благого. Тбилиси, «Литература и искусство», 1963, 324 стр. Библиогр. в примеч.: стр. 296—323.
- Цветаева Марина. Мой Пушкин. (Отрывок из очерка). — В кн.: День поэзии. М., «Советский писатель», 1962, стр. 287—291.
- Шейман Л. А. Пушкин и киргизы, Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1963, 143 стр. с илл. (Шмуцтит.: 100 лет добровольного вхождения Киргизии в состав России). Библиогр. в примеч.: стр. 120—142.
- Викери В. Н. Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина. — American contributions to the Fifth international congress of slavists. Sofia, 1963. The Hague, Mouton, 1963, стр. 371—401.
- Стейнер Д. Пушкин и американский читатель. — Америка, Вашингтон, 1963, № 77, стр. 26—27.
- Лалић Р. Александар Пушкин о книжности. — Filološki pregled, Beograd, 1963, № 1—2, стр. 1—15.
- Венедек М. Könyv és színház. Tanulmány. Budapest, Szepirodalmi könyvkiadó, 1963, 498 стр. Стр. 89—95: «A. S. Puskin».
- Karlinsky S. Two Pushkin studies. — California Slavic studies, Berkeley, Los Angeles, 1963, vol. 2, стр. 96—120. Contents: 1) Pushkin, Chateaubriand, and the Romantic pose; 2) The amber beads of Crimea. The image of Crimea in «The fountain of Bakhchisaray» by A. Pushkin and the «Crimean sonnets» by A. Mickiewicz.
- Krejčí K. Heroikomiczna geneza «Eugeniusza Oniegina» i «Pana Tadeusza». — Pamiętnik literacki, Warszawa—Wrocław, 1963, rok. 54, zesz. 2, стр. 245—278; zesz. 3, стр. 25—44.
- Janičević J. Puskin i književna kritika. — Savremenik, Beograd, 1963, № 10, стр. 271—279. Обзор советских послевоенных работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина.
- Loeschnitzer F. Wahlheimat Sowjetunion. Studien und Studien eines deutschen Intellektuellen. Halle, Mitteldeutsch. Verl., 1963, 370 стр. Стр. 23—31: «Goethe, Puschkin und ihre Völker».
- Mersereau J. Pushkin's concept of romanticism. — Studies in romanticism, Boston, 1963, vol. 3, стр. 24—41.
- Panovová E. Vajanský a Puškin. — Slovenská literatúra, Bratislava, 1963, roč. 10, čís. 3, стр. 304—315. О переводах произведений Пушкина на словацкий язык Светозара Гурбана Вайянского (1847—1916).
- Passage Ch. E. The Russian Hoffmannists. The Hague, Mouton, 1963, 261 стр. Стр. 115—139: «Puškin, the independent genius».
- Pauls J. P. Die Widmung Puškins zu «Poltava» und die Fürstin Maria Volkonskaja. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Graz-Köln, 1963, Bd. 10, стр. 120—137.

- Pauls J. P. Two treatments of Mazepa. Ryleyev's and Pushkin's. — Slavic and East-European studies, Montréal, 1963, vol. 8, pt. 1—2, стр. 97—109.
- Puškín A. S. Contes. Ill. Benvenuti. Milano, Fabbri, 1963, 59 стр.; ill. (Les grands livres merveilleux).
- Puškín A. S. Dama de pică. (Proză). Trad. de Eusebiu Camilar. Prefață și tabel cronologic de Gheorghe Barbu. București, Ed. pentru literatură, 1963, XXXVIII, 409 стр.; 1 л. нопрр. (Библиотека pentru toti. 177).
- Puškín A. S. Dubrovskij. Trad. G. De Dominicis Jorio. Vicenza, Ed. Paoline, 1963, 142 стр.
- Pushkin A. Eugene Onegin. A novel in verse. A new transl. in the Onegin stanza with an introd. and notes by Walter Arndt. New York, Dutton, 1963, XXII, 224 стр. (A Dutton paperback).
- Puškín A. S. I racconti di Bjelkin. La dame de picche. Trad. G. De Dominicis Jorio. Vicenza, Ed. Paoline, 1963, 167 стр.
- Pushkin A. The letters. Vol. 1—3. Transl., with preface, introduction and notes by J. Thomas Shaw. Bloomington, Philadelphia, Indiana univ. press, Univ. of Pennsylvania press, 1963.
- Puškín A. S. Ruslan și Ludmila. In rominește de Miron Radu Paraschivescu. Supracopertă și ilustrații de Florica Cordescu. București, Ed. pentru literatură universală, 1963, 141 стр.
- A. S. Puskin 1799—1837. Indrumar metodicobibliografic. Lucrare intocmită de Serviciul metodicobibliografic al Bibliotecii centrale de stat. București, 1963, 96 стр. (Библиотека centrală de Stat a R.P.R.).
- Raab H. Wege und Irrwege der deutschen Puškinrezeption im 20. Jahrhundert. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, Bd. 8, H. 3, 1963, стр. 309—329.
- То же. — В кн.: Славянска филология. Материали на V Международен конгрес на славистите. Т. 4. София, 1963, стр. 363—373.
- Radosavljević B. Z. Bibliografija zasebno štampanih Puškinovih dela u Jugoslaviji. — Bibliotekarstvo, Sarajevo, 1963, № 2, стр. 66—75.
Библиография изданных в Югославии произведений А. С. Пушкина, а также работ югославских и русских авторов о творчестве писателя.
- Rechtsiegel E. Die Apostrophe als Stilmittel in Puschkins Lyrik. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1963, Bd. 8, H. 3, стр. 398—406.
- Schulze Martin. Alexander S. Puschkin. Boris Godunow. Text des Dramas in der Übers. von F. Löwe. Vollst. Text des Fragments des Trauerspiels «Demetrius» von F. Schiller (mit Szenar). Frankfurt/M.—Berlin, 1963, 222 стр. (Ullstein Bücher Dichtung und Wirklichkeit 6).
- Sealey F. F. The problem of «Kamenny gost». — Slavonic and East European review, London, 1963, vol. 41, № 97, стр. 345—367.
- Setchka reff V. Alexander Puschkin. Sein Leben und sein Werk. Wiesbaden, Harrassowitz, 1963, 212 стр.
Библиогр.: стр. 203—204.
- Setchka reff V. Studies in the life and work of Innokentij Annenskij. The Hague, Mouton, 1963, 270 стр.
Стр. 252—254: «Puškin».
- Shaw J. T. The problem of the persona in journalism: Puškin's Feofilakt Kosičkin — American contributions to the Fifth international congress of slavists. Sofia, 1963. The Hague, Mouton, 1963, стр. 301—326.
- Shaw J. T. Puškin's «The shot». — Indiana Slavic studies, The Hague, 1963, vol. 3, стр. 113—129.
- Vickery W. N. «Mednyj vsadnik» and the eighteenth century heroic ode. — Indiana Slavic studies, The Hague, 1963, vol. 3, стр. 140—162.

III. ХРОНИКА

НЕКРОЛОГИ

А. Л. СЛОНИМСКИЙ

14 октября 1964 г. в Москве скончался член Пушкинской комиссии, один из старейших пушкиноведов нашей страны, писатель Александр Леонидович Слонимский. Литературная деятельность его была весьма плодотворна и продолжалась свыше шестидесяти лет.

А. Л. Слонимский родился 23 мая 1884 г. в Петербурге, в семье видного публициста и критика Л. Э. Слонимского, долгие годы близко стоявшего к редакции журнала «Вестник Европы» (с 1878 г. по самый день его смерти в 1918 г.). Литературные интересы Александра Леонидовича возникли и воспитаны в той интеллектуальной атмосфере, которая отличала эту семью, выдвинувшую и других деятелей на поприще литературы и искусства; родным дядей А. Л. (по матери) был С. А. Венгеров, так много сделавший для научного пушкиноведения, теткой — Зинаида Афанасьевна Венгерова — известная переводчица и критик зарубежных литератур; в доме родителей А. Л. в юные годы часто видел многих видных русских литераторов, публицистов, писателей, среди них, в частности, поэта Н. М. Минского, А. Н. Пыпина, В. И. Семева, В. П. Воронцова и др. Учился А. Л. в 3-й гимназии в Петербурге, затем на славяно-русском отделении Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, по окончании которого в 1904 г. он поступил преподавателем в Екатерининскую гимназию. Педагогическая деятельность А. Л. вскоре прервана была его болезнью (туберкулез), для лечения которой он был отправлен родителями в Швейцарию (Давос); здесь он прожил зиму 1906/07 г.

Печататься А. Л. начал рано, еще на последних курсах университета. Первая опубликованная им статья — о «Душеньке» И. Богдановича — появилась в «Литературном вестнике» (1903, № 1, стр. 46—66); тогда же он стал выступать с рецензиями (без подписи или под псевдонимами) в петербургских журналах. В «Историческом вестнике» (1904, № 6, стр. 970—986) появилась статья А. Л. «Политические взгляды Пушкина». Хотя эта работа, как и предшествующая, основана была еще на студенческом реферате, но в ней впервые достаточно четко и ясно высказано было о мировоззрении Пушкина многое, что сейчас считается общепринятым; в ней доказывалось, например, что Пушкин до конца своей жизни оставался верен декабристам. Этот литературный дебют А. Л. в области пушкиноведения оказался настолько удачным, что С. А. Венгеров поручил молодому исследователю написать для редактировавшегося им собрания сочинений Пушкина (в изд. Брокгауз—Ефрон) статью «Пушкин и декабрьское движение», которая и была здесь напечатана (т. 2, СПб., 1908, стр. 503—528). Это была первая в литературе о Пушкине хорошо аргументированная работа о связях поэта с декабристами, в которой ряд положений статьи А. Л. в «Историче-

ском вестнике» получил дальнейшее развитие. Многие исторические данные, которыми мы располагаем в настоящее время, тогда еще не были известны; не была, например, расшифрована 10-я глава «Евгения Онегина», не были обнародованы дела следственной комиссии о декабристах. Несмотря на это, в статье намечена в основном правильная схема отношений Пушкина к русской дворянской революции 1825 г.; по позднейшим собственным свидетельствам А. Л., ему для подготовки указанной статьи при посредстве В. И. Семева удалось отчасти ознакомиться с архивными делами о декабристах, остававшимися тогда еще недоступными для большинства историков.

Пребывание за границей, а затем возобновившаяся педагогическая деятельность отвлекали А. Л. от литературной работы, которая оживилась после 1917 г., когда он вошел в редакционную коллегию Литературно-издательского отдела Наркомпроса и одновременно работал в журнале «Былое» над материалами политических процессов русских революционеров XIX в. В 1919 г. А. Л. уехал в г. Чернигов, где заведовал театральной секцией Губнаробраза и читал лекции в Педагогическом институте.

В 1921 г. А. Л. вернулся в Петроград. С 1921 по 1929 г. он вел преподавательскую работу в Институте народного образования (переименованном впоследствии в Педагогический институт им. Н. К. Крупской). В эти же годы А. Л. был старшим научным сотрудником Гос. института истории искусств и читал лекции по истории и теории драмы на Высших курсах искусствознания при этом институте. Одновременно шла многообразная литературная и научная работа А. Л.: он писал статьи, обзоры и рецензии в журналах «Книга и революция» (1921—1924), «Жизнь искусства», «Рабочий и театр», участвовал в сборниках изд. «Academi» и т. д. Отдельно издана была его книга «Техника комического у Гоголя» (в серии «Вопросы поэтики», Пгр., 1923), послужившая началом его многочисленных работ по изучению творчества Гоголя; с полным основанием он считался впоследствии одним из лучших специалистов в этой области.

Не имея возможности перечислить здесь все печатные работы А. Л., список которых довольно велик, мы вкратце остановимся ниже лишь на тех его статьях и книгах, которые посвящены Пушкину. Изучением биографии и творческой деятельности великого русского поэта А. Л. был занят с небольшими перерывами всю свою жизнь. Он уделял внимание таким вопросам пушкиноведения, которые являлись спорными и плохо разработанными. Назовем такие его статьи, как «Мнимые стихи Пушкина» (журн. «Книжный угол», Пб., 1918, № 2, стр. 4—9), «О композиции „Пиковой дамы“» (в кн.: «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», М.—Пгр., 1923, стр. 171—188), комментарий к отрывку из незавершенной комедии Пушкина «Скажи, какой судьбой друг другу мы похалились?» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7, Изд. АН СССР, Л., 1935, стр. 665—673), «„Борис Годунов“ и драматургия 20-х годов» (в кн.: «Борис Годунов» Пушкина. Л., 1936, стр. 43—77), «Пушкин и комедия 1815—1820 гг.» («Временник Пушкинской комиссии», т. 2, М.—Л., 1936, стр. 23—42). Нетрудно заметить, что большинство указанных работ связано было с интересами А. Л. к теории и истории русской драматургии и теми лекциями в этой области, какие А. Л. читал в 20-х—начале 30-х годов.

В связи с приближавшимся столетием со дня гибели Пушкина и оживившимися работами по изданию академического полного собрания его сочинений, интересы А. Л. в области пушкиноведения значительно расширились. Он тщательно изучает «Руслана и Людмилу» (см. его статью «Первая поэма Пушкина» во «Временнике Пушкинской комиссии», т. 3, М.—Л., 1937, стр. 183—202), переходит затем к сказкам Пушкина и задумывает большую работу о Пушкине и фольклоре. В конце 40-х годов А. Л. закончил рукопись большой монографии «Народные основы поэзии Пушкина», которую и представил в Ленинградский университет в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертация была принята Филологическим факультетом, и защита ее состоялась на

заседании совета факультета 26 февраля 1948 г. Официальными оппонентами были профессора Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гукowski, С. М. Бонди; диссертант единогласно признан был членами совета достойным исковой научной степени, и решение было утверждено Ученым советом университета 31 мая 1948 г. Несмотря на это, экспертная комиссия ВАК в Москве не согласилась с этими авторитетными решениями и предложила А. Л. внести в его диссертацию исправления, чтобы вновь представить ее непосредственно в экспертную комиссию. Кроме того, ВАК в заседании 1 октября 1949 г. потребовала от А. Л. на основании отзывов о его работе малокомпетентных людей повторной защиты, от чего он, естественно, отказался. Этот беспрецедентный случай получил некоторое отражение даже в официальном органе («Вестник высшей школы», 1949, № 11, стр. 48—49). К сожалению, вопиющая несправедливость, допущенная по отношению к А. Л., исправлена не была, несмотря на несколько ходатайств, направленных в экспертную комиссию группой весьма авторитетных ученых. В силу этого монография А. Л. «Народные основы поэзии Пушкина» напечатана не была. Тем не менее материалом этой работы А. Л. частично воспользовался в целом ряде своих последующих статей о Пушкине, в частности при массовых изданиях поэмы «Руслан и Людмила» (М., 1954, стр. 117—126; Уфа, 1955, стр. 115—126) и «Сказок» Пушкина (М.—Л., 1933, стр. 3—36; Л., 1935, стр. 88—112) и др. Впоследствии своими пояснительными статьями А. Л. снабдил также массовые издания повестей Пушкина «Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель» (М., 1958, стр. 7—12), а также «Дубровский» (М., 1955, стр. 185—189, 163—179). Критико-биографические очерки А. Л. о Пушкине помещены в ряде изданий «Избранных произведений» поэта (М.—Л., 1953, стр. 5—40; М., 1959, стр. 5—36); наиболее интересными из них для пушкиноведения являются «Избранные произведения» Пушкина под ред. А. Л. (т. I, Детгиз, М.—Л., 1949, стр. 7—92) и первый том «Сочинений» в трехтомнике «Библиотеки поэта» (Л., 1940).

В своей автобиографической записке (написанной в 1952 г. и частично использованной в настоящем некрологе) А. Л. писал: «Во время блокады Ленинграда наш дом на Петровском острове был разрушен бомбой, имущество погибло (кое-что вывезено было в Пушкинский дом). В 1942 г. в тяжелой дистрофии перевезен был на самолете в Москву, где и остался». Утрата целого ряда рукописей и заготовленных материалов несколько изменила характер литературной деятельности А. Л. в последний, московский период его жизни; все большее внимание отдавал он художественной прозе и популяризаторской работе. Впрочем, тяготение к работе в области художественной литературы, баллетристики А. Л., по его собственным признаниям, чувствовал с детских лет. Первым печатным опытом явилось описание дня, проведенного в Ясной Поляне вскоре после смерти Л. Н. Толстого (На могиле Толстого. Журн. «Тропинка», 1911, февраль), затем последовали очерки «Картины войны» (описание фронтовых впечатлений 1915—1916 гг., когда А. Л. работал в санитарном отряде Союза городов) — в «Вестнике Европы» (1917, февраль). Встреча в 1924 г. и дружеские связи с С. Я. Маршакom сделали из А. Л. детского писателя; его перу принадлежит ряд рассказов в журнале для детей, историческая повесть о декабристах «Черноговцы» (6 изданий, последнее — в «Школьной библиотеке», 1946). В 30-е годы А. Л. увлечен был задачей популяризации Пушкина среди юных читателей. Так возникли его «Рассказы о лицейской жизни Пушкина» (журн. «Костер», 1937, №№ 2—4), «Лицейские годы Пушкина» (в кн.: Юность поэта. Л., 1937, стр. 11—30) и др., завершившиеся сценарием о Пушкине «Юность поэта», воплощенным в кинокартине под этим заглавием, а также главами из биографической повести (см.: Юность поэта. Литературный сценарий. «Искусство кино», 1937, № 2, стр. 7—23; Юность поэта. Пушкин в лицее. Сценарий. «Юный пролетарий», 1936, №№ 19—20; «Вокруг света», 1937, № 2, и др.). С изучением лицейского периода биографии Пушкина связана была и статья А. Л. «Пушкин и Пущин», предпо-

сланная отдельному изданию «Записок о Пушкине» И. И. Пуцина (Детгиз, М.—Л., 1943, стр. 3—14; 1947, стр. 3—10; 1956, стр. 3—9). Отдельным изданием вышла повесть «Детство Пушкина» (Детгиз, М., 1960).

Отдавая много сил работе исторического беллетриста и популяризатора, А. Л. не оставлял также своих специальных исследований о Пушкине. В кн. «Пушкин. Исследования и материалы» (т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 327—335) опубликована статья А. Л. «О каком „возвышенном галле“ говорится в оде Пушкина „Вольность“?». Последние годы творческой деятельности А. Л. много работал над обобщающим трудом «Мастерство Пушкина» (М., 1959, 527 стр.; 2-е изд. — М., 1963), в котором нашли отражение многие из его прежних работ и раздумья А. Л. над текстами великого русского поэта в течение шести десятилетий. Эта прекрасная книга, обогащающая в авторе тонкий вкус, глубокое понимание творчества Пушкина, широкую начитанность, была высоко оценена советской критикой (см. рецензии: А. Турков. Книга о мастерстве Пушкина. «Новый мир», 1960, № 11, стр. 263—265; М. Еремин. Мастерство Пушкина. «Вопросы литературы», 1960, № 9, стр. 219—224). «Человек кипучего темперамента, страстно любящий родную литературу, — таким останется в нашей памяти Александр Леонидович Слонимский», говорится в некрологе его, помещенном в «Литературной газете» (1964, 17 октября, № 124).

М. А.

О. С. СОЛОВЬЕВА

22 августа 1964 г. безвременно скончалась Ольга Сергеевна Соловьева, автор нескольких трудов о творчестве и рукописном наследии Пушкина, в последние годы бывшая хранительницей Пушкинского фонда в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

О. С. родилась 22 ноября 1923 г. в Новгороде. Вражеское нашествие прервало ее школьную работу: в августе 1941 г. она вместе с семьей ушла пешком из горящего Новгорода и была эвакуирована в Челябинскую область, где работала все годы войны сначала в колхозе, потом на оборонном заводе. Тяжелые условия военного времени вызвали у нее болезнь сердца, которой она потом страдала всю жизнь и которая привела ее к ранней смерти.

В 1946 г., вернувшись из эвакуации, О. С. поступила на отделение русского языка и литературы Филологического факультета Ленинградского университета. Здесь она прошла прекрасную литературоведческую школу под руководством сначала проф. Н. И. Мордовченко, а после его смерти в начале 1951 г. — проф. Б. В. Томашевского. Занятия у таких выдающихся наставников определили и круг интересов, и методы исследовательской работы будущей пушкинистки: предметом ее изучения стало творчество Пушкина, основным методом — историко-филологический анализ его творчества при неременном условии обращения к материалу рукописей. После окончания с отличием университета в 1951 г. она была принята в аспирантуру и выбрала темой своей диссертации исследование «Медного всадника» на основании всех рукописей поэмы. Однако сердечная болезнь, усиливавшаяся с годами, не дала ей закончить и защитить диссертацию, из которой была написана лишь первая, текстологическая часть, и то не вполне.

В феврале 1956 г. О. С. по рекомендации своего научного руководителя Б. В. Томашевского была принята на работу в Рукописный отдел Пушкинского дома. Здесь-то в постоянном и непосредственном общении с пушкинскими рукописями и с архивным материалом углубились знания, развилась дарования О. С.; здесь она приобрела редкостную и важную специальность — стала одним из крупнейших знатоков пушкинского рукописного наследия, его истории и состава. По указанию Б. В. Томашевского она начала и большой исследовательский труд — научное описание рабочих тетрадей Пушкина.

Результатом ее работ явились две статьи, опубликованные в разные годы: одна — «Новейшие приобретения пушкинского текста (1955—1956)», напечатанная в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 399—408; вторая — «Новые данные об автографах Пушкина» — во «Временнике Пушкинской комиссии. 1962», Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, в разделе «Последние приобретения пушкинского рукописного фонда», стр. 9—18. В те же годы О. С. Соловьева приняла участие в издании дополнительного (XVII, «Справочного») тома большого академического издания сочинений Пушкина (М.—Л., 1959), где она подготовила описание и варианты копий «Бахчисарайского фонтана», находящихся в Пушкинском доме (стр. 40—43).

Крупнейшим исследованием О. С. является ее статья о «Медном всаднике», составившая одну главу из задуманной монографии. О. С. поставила себе целью проследить по рукописям всю историю текста и историю создания «петербургской повести», начиная с предшествующего и связанного с ней замысла — незавершенной повести в «онегинских» строфах, называемой теперь, по имени ее героя, «Езерский». Предварительный доклад о своих наблюдениях исследовательница сделала еще при жизни Б. В. Томашевского, в начале 1957 г.; в полном виде эта часть работы, под заглавием «„Езерский“ и „Медный всадник“. История текста», была опубликована в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, М.—Л., 1960, стр. 268—344.

В статье прослеживается история работы Пушкина над обеими поэмами от зарождения замысла «Езерского» весной 1832 г. до последней попытки напечатать «Медного всадника» в середине 1836 г. При этом пересмотрена и распутана вся сложнейшая последовательность черновых текстов «Езерского», уточнены датировки отдельных этапов работы, внесен ряд исправлений в раздел вариантов V тома академического издания и сделан ряд выводов по существу обеих поэм, с которыми должен считаться теперь каждый исследователь «Медного всадника».

Напечатав свое исследование, О. С. обратилась к другой, практически необходимой для пушкиноведения задаче: к подготовке краткого научно-справочного описания автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский дом после выхода в свет книги Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме» (1937). Работа О. С., потребовавшая огромного и кропотливого труда, вышла весной 1964 г. отдельным изданием: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. Сост. О. С. Соловьева. М.—Л., 1964, 112 стр. Описание охватило 910 номеров (с № 824 по № 1733), к которым нужно присоединить 52 номера фотокопий и факсимиле автографов Пушкина, находящихся в частных собраниях, за рубежом или утраченных (стр. 86—90). Формально служа продолжением «Описания» 1937 г., новое описание не является таковым по существу: оно не дает подробного, полистного описания рабочих тетрадей Пушкина с «историей заполнения» каждой тетради. Завершение этого научного описания, начатого еще до издания книги, О. С. ставила себе следующей, очередной, необходимой и важнейшей задачей; но болезнь и смерть не дали ей выполнить ее далеко идущие планы.

За свою недолгую жизнь О. С. стала авторитетным специалистом, одним из лучших знатоков пушкинских рукописей, их графических особенностей и примет. Не удивительно, что за советом, экспертизой, справками к ней обращались многие люди, так или иначе интересовавшиеся Пушкиным. Консультативная работа отнимала у О. С. много времени и сил, но имела большое значение и приносила ощутительную пользу. В недавней статье И. С. Ильинской «По поводу датирования одного стихотворения Пушкина» (в кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова, М., 1965, стр. 153—158) указано, что в споре о датировке стихотворения «Царское Село», возникшем между Б. В. Томашевским и Т. Г. Цявловской, именно разъяснения О. С. Соловьевой привели к окончательному решению вопроса; она установила наличие разновремен-

ных слоев в автографе стихотворения и тем самым подтвердила догадку Т. Г. Цявловской, что несколько стихов в данном автографе является наслоением 1823 г. на рукописи, возникшей в 1817—1819 гг.

Имя Ольги Сергеевны давно стало хорошо известным в кругах пушкинистов, и ее смерть глубоко и горестно ощущается всеми, кто ее знал.

Н. И.

XV ВСЕСОЮЗНАЯ ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 4 по 6 июня 1963 г. в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, проходила XV Всесоюзная пушкинская конференция, посвященная проблеме «Пушкин и советская культура». Отчеты о ней см.: В. Э. Ваду́ро. XV Всесоюзная пушкинская конференция. «Известия АН СССР, серия литературы и языка», т. XXII, вып. 5, 1963, стр. 458—461; то же: «Вестник АН СССР», 1963, № 8, стр. 121—122; В. Г. М о р а н ц м а н. Пятнадцатая Всесоюзная пушкинская конференция. «Литература в школе», 1963, № 5, стр. 95—96; В. Н е п о м н я щ и й. Сегодня, здесь, сейчас. «Вопросы литературы», 1963, № 10, стр. 56—78.

ДЕСЯТАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПУШКИНОВЕДОВ ЮГА

С 28 июня по 1 июля 1963 г. в Одессе проходила конференция пушкиноведов юга. Открывая конференцию, доцент Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова А. В. Н е д з в е д с к и й остановился на задачах изучения жизни и творчества Пушкина годов его южной ссылки, подчеркнул значение совместной работы Одесской и Кишиневской пушкинских комиссий и указал на особенность конференции, посвященной 140-летней годовщине со времени приезда Пушкина в Одессу и началу работы поэта в Кишиневе и Одессе над первым русским реалистическим романом. Этим знаменательным датам были посвящены первое и второе пленарные заседания конференции. Кроме пленарных заседаний, был проведен ряд секционных заседаний (секции: творчества писателя, литературных взаимосвязей, переводов). Доклады, заслушанные на секционных заседаниях, обсуждались в конце каждого заседания.

В докладе (на первом пленарном заседании) «Одесский год жизни Пушкина» З. А. Б о р и н е в и ч - Б а б а й ц е в а (Одесса) отметила значение этого сложного года жизни поэта для его идейного роста и развития его мастерства. Одесский год жизни поэта, мастерство его творчества и обаяние его личности определили во многом общее развитие русской литературы и развитие национальных литератур украинской и молдавской. Член-корр. АН СССР Д. Д. Б л а г о й (Москва) выступил с докладом «Роман „Евгений Онегин“ в кругу великих созданий мировой литературы» (ныне опубликован в сб. «Проблемы сравнительной филологии», М.—Л., 1964, стр. 317—333).

Второе пленарное заседание было посвящено вопросам культурной жизни Одессы пушкинской поры и отдельным портретным характеристикам знакомых Пушкина в Одессе и Кишиневе. Докт. историч. наук С. Я. Б о р о в о й (Одесса) в своем докладе «Книга в Одессе пушкинской поры», приведя новые архивные и музейные материалы, с полной убедительностью опроверг существовавшее мнение о том, что в Одессе первых десятилетий XIX в. русская книга не пользовалась популярностью. Особое внимание докладчик уделил до сих пор не исследованному вопросу о периодических изданиях, выходивших в Одессе во время пребывания Пушкина в этом городе. Пушкин, приехавший в Одессу в 1823 г., попал, указывает С. Я. Боровой, в город, живший и развивавшийся в русле общественно-политической и культурной жизни России. Здесь были «русская книжная

лавка» купца Ширяева, книжные лавки других торговцев (Ключкова, Сорона, Рубо и Мневилья). Докладчик указал на открытую в Одессе в 1814 г. городскую типографию, на ряд небольших клубных библиотек, кабинетов для чтения, которые получали периодические издания. Исходя из автобиографического наброска Пушкина, говорящего о периоде его пребывания в Кишиневе, Г. Ф. Богач (Кишинев) поставил перед собой задачу раскрыть до сих пор не разгаданное слово «фонт» в пушкинских записи 1833 г. Подробное изучение биографии Фонтон де Верайона, его личности и деятельности, проведенное Г. Ф. Богачем, позволило ему показать, что И. Фонтон де Верайон по своим убеждениям и характеру жизни не мог быть назван Пушкиным среди имен Орлова, Ипсиланти, обитателей Каменки. Этот обоснованный вывод приводит Г. Ф. Богача к предположению, что под пушкинским сокращенным «фонт» имелся в виду Патон-Фонтон. Сообщении Л. И. Волковской (Кишинев) «Пушкин и библиотека Липранди» было основано на детальном изучении той части библиотеки Липранди, которая сохранилась в Кишиневе и не была до сих пор описана. Н. К. Сопрун-Островская (Одесса) суммировала уже известные материалы о В. Ф. Вяземской, о завязавшихся в Одессе ее отношениях с Пушкиным и дополнила облик В. Ф. Вяземской на основании писем Пушкина и Вяземских по Остафьевскому архиву.

Секция творчества писателя заслушала доклад И. А. Сорочки (Кишинев) «Бессарабия по письмам Пушкина», в котором были раскрыты исторические, экономические, этнографические и бытовые стороны жизни Бессарабии и ее жителей, нашедшие свое отражение в письмах поэта. Доклад Л. Н. Оганяна (Кишинев) «Загадочный рисунок Пушкина» представлял собой не только комментарий к рисунку Пушкина, но был также характеристикой ряда событий из преддекабристского движения в Кишиневе 1822 г. Рассматривая пушкинский рисунок, на котором изображены высокий, худой человек, его жена и кот, Л. Н. Оганян отвергла утверждение Н. Эфроса о том, что это просто карикатура, высказала правдоподобное предположение, что это иллюстрация к следствию по делу майора Головина, обвинявшегося в незаконном пользовании солдатским трудом. В докладе докт. филол. наук А. В. Чичерина (Львов) «Логика стиля в творчестве Пушкина» (был доложен в отсутствие автора) характеризовалось мастерство Пушкина-прозаика; особенностями стиля Пушкина являются простота, ясность, логичность. Эти выводы были подкреплены анализом стиля «Станционного смотрителя» и «Капитанской дочки». В докладе А. А. Грина (Одесса) «К. С. Станиславский и театральное наследие Пушкина» отмечалось постоянное внимание великого режиссера и актера к взглядам Пушкина на драматургию. На заседании секции литературных взаимосвязей доцент Тульского педагогического института И. Е. Гринева сделала попытку установить реалистические традиции Пушкина-прозаика в повестях Л. Толстого 1850-х годов. Канд. филол. наук Е. М. Черницкий (Дрогобыч) на конкретном анализе «Дон-Жуана» Леси Украинки и «Каменного гостя» Пушкина поставил вопрос о значении образов произведений Пушкина для украинской писательницы. Канд. филол. наук В. П. Коробан (Кишинев) в докладе «Василе Александри и Пушкин» показал значение прозаического перевода «Цыган» Пушкина на французский язык, сделанного П. Мериме, для творчества молдавского писателя. А. Т. Крицевый (Черновицы) привел записи Ольги Кобылянской о Пушкине 1883, 1885 и 1887 гг., показывающие интерес украинской писательницы к великому русскому поэту. Затем на секции были заслушаны доклады Л. Н. Чепурновой (Кишинев) «Тема „лишнего человека“ у Пушкина и Горького», И. А. Мохирева (Киров) «Пушкинское в стихе А. Твардовского» и С. В. Григорьевой - Березюк (Одесса) «И. Микитенко о Пушкине».

На секции переводов был заслушан ряд докладов о переводах произведений Пушкина на украинский, молдавский и немецкий языки.

На заключительном (третьем) пленарном заседании выступил докт. филол. наук Л. П. Гроссман (Москва) с докладом «Пушкин и Достоев-

ский» (к истолкованию «Цыган» в творчестве Достоевского). В докладе Р. М. Розенберг (Одесса) «Музыка пушкинской эпохи» были освещены музыкальные произведения 20—30-х годов XIX в., навеянные творчеством Пушкина. Ряд романсов пушкинской поры и на пушкинские слова был исполнен артисткой Одесского оперного театра А. Н. Фоменко. В конце заседания выступил акад. М. П. Алексеев (Ленинград), говоривший о задачах современного пушкиноведения и о значении работ о великом поэте периферийных исследователей.

Конференция пушкиноведов юга приняла решение об издании очередного, третьего сборника «Пушкин на юге».

На конференции, помимо членов Одесской и Кишиневской пушкинских комиссий, присутствовали пушкиноведы Львова, Черновиц, Дрогобыча, Тулы, Кирова, а также гости из Москвы и Ленинграда.

З. А. Бориневич-Бабайцева

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (ЛЕНИНГРАД)

10 февраля 1963 г., в день 126-й годовщины со дня гибели Пушкина, состоялось традиционное торжественно-памятное собрание в мемориальном музее-квартире поэта. Со словом о Пушкине от Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР выступил доктор филологических наук, профессор Б. П. Городецкий. От Ленинградского отделения Союза писателей выступили поэты В. А. Рождественский и Л. М. Попова, от Академического театра драмы им. Пушкина — засл. арт. республики Н. В. Мамаева; аспирантка Ленинградского университета итальянка Клаудиа Ласорса в своем выступлении говорила о Пушкине как читателе и переводчике итальянских поэтов. В памятном собрании приняли участие хор Академической капеллы им. М. И. Глинки, квартет Малого театра оперы и балета. Народный артист республики Д. Н. Журавлев и засл. арт. республики Л. К. Колесов прочитали несколько пушкинских стихотворений.

17 марта в связи со 100-летием со дня смерти Н. И. Уткина на квартире Пушкина состоялся памятный вечер. Во вступительном слове кандидата искусствоведения П. Е. Корнилова была дана характеристика этого видного русского художника-гравера пушкинского времени. С докладом о деятельности Н. И. Уткина и его работах, хранящихся в фондах музея, выступила научный сотрудник музея А. М. Мухина. К вечеру была подготовлена выставка граверных работ художника.

В 164-ю годовщину со дня рождения Пушкина состоялось торжественное открытие памятных мемориальных досок на месте дуэли на Черной речке. Стеллы установлены неподалеку от обелиска; автором их является ленинградский архитектор А. И. Лапиров, по проекту которого в 1937 г. был установлен на месте дуэли обелиск. На одной из стелл начертаны слова: «Здесь, у Черной речки, 27 января (8 февраля) 1837 года великий русский поэт был смертельно ранен на дуэли». На другой — строфы из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»:

Погиб поэт, невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жадой мести,
Поникнув гордой головой.

9 июня на народном гулянье в честь Пушкина в Екатерининском и Александровском парках г. Пушкина выступали с докладами научные сотрудники музея. Затем состоялись выступления коллективов художественной самодеятельности, тематические концерты мастеров искусств

г. Ленинграда, конкурсы на лучшее исполнение стихотворений Пушкина, викторина по его произведениям. Ленинградские поэты Н. Полякова, Е. Рыбина, А. Хаустов прочитали стихи, посвященные Пушкину.

152-я годовщина со дня основания пушкинского лицея была ознаменована проведением литературно-музыкального утренника в мемориальном музее-лицее. 11 ноября проведен литературно-музыкальный вечер в связи со 175-й годовщиной со дня рождения русского композитора и музыкального деятеля М. Ю. Вьельгорского. 28 ноября памятным собранием музей отметил 125-летие со дня рождения автора памятника Пушкину в Москве, видного русского скульптора А. М. Опекушина.

Одна из основных работ музея в 1963 г. была связана с мемориальным восстановлением библиотеки лицея. Работа эта была завершена к июню 1963 г. Воссоздание библиотеки лицея — итог длительной исследовательской работы хранителя лицея М. П. Руденской.

Немало времени было затрачено на розыски книг лицейской библиотеки. После 1918 г. книги попали во вновь организовавшийся Свердловский (Уральский) университет. Списки книг, полученные из библиотеки университета, были выверены и уточнены на основании архивных документов 1811—1817 гг. Таким образом удалось учесть именно те книги, которыми пользовались Пушкин и его друзья. Часть книг лицейской библиотеки получена музеем и экспонируется. Задача теперь заключается в том, чтобы получить из Свердловского университета все оставшиеся книги (А. Гордич. Торжественно-памятное собрание, посвященное 150-летию пушкинского лицея. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 91—92; см. также: Н. А. Малеев а н о в. «Ленинградская правда», 1963, 14 июня, № 139; А. Шалыт. Книги, которые читал Пушкин. «Смена», 1963, 18 сентября, № 220).

На торжественном собрании, посвященном юбилею Байрона (175-й годовщине со дня рождения), которое состоялось 26 февраля 1963 г. в Эрмитажном театре, со словом о Байроне выступил акад. М. П. Алексеев. Народный артист СССР Н. П. Акимов рассказал присутствующим о работе Ленинградского театра комедии над сценическим воплощением поэмы Байрона «Дон-Жуан».

С 26 февраля по 14 марта была открыта выставка, посвященная жизни и творчеству Байрона. Создание выставки явилось важным событием в жизни Ленинграда.

На выставке были представлены редчайшие портреты Байрона: акварельной работы — П. Ф. Соколова и два гравированных, принадлежавших А. С. Пушкину и П. А. Вяземскому, с их автографами. Экспонировались подлинники автографы Байрона. В разделе «Пушкин и Байрон» устроители выставки стремились раскрыть многообразие связей, соединявших двух величайших поэтов. Раздел «Байрон и декабристы» был посвящен влиянию творчества Байрона на русское освободительное движение первой четверти XIX в.

В разделе «Байрон и советская культура» были представлены многочисленные советские издания Байрона, исследования о нем. В разделе «Байрон на советской сцене» были показаны эскизы к байроновским спектаклям «Сарданапал» (1922 г.) и «Дон-Жуан» (1963 г.). Всего на выставке было показано около 1000 различных экспонатов: рисунков, гравюр, книг, рукописей и т. п. Институт русской литературы АН СССР, Гос. Публичная библиотека, Гос. Эрмитаж, Гос. театральный музей предоставили Всесоюзному музею А. С. Пушкина необходимые материалы из своих фондов.

В июне 1963 г. в Пушкине, в Камероновой галерее, открылась выставка работ советского художника П. Ф. Осипова «Пушкинские места». В экспозиции было представлено 56 работ, посвященных пушкинским местам: Михайловскому и Болдину. Следуя русской реалистической традиции, художник воссоздал места, дорогие каждому русскому человеку.

В музей поступило собрание (свыше 500 листов) богатейшей графиче-

ской пушкинианы известного советского искусствоведа П. Е. Корнилова, составлявшейся им на протяжении четверти века (с 1937 г.). В собрании весьма разнообразно и полно представлена советская графика на пушкинские темы. Здесь портреты поэта, виды пушкинских мест и иллюстрации к его произведениям. Имеются работы, исполненные в самые первые годы после Октября и дальше вплоть до наших дней. Пробелы, встречавшиеся в фондах музея в советской графике, значительно восполнены благодаря этому собранию. Среди самых ценных поступлений 1963 г. должно упомянуть дар г-жи Брониславы Нижинской (США, Калифорния), доставленный в музей народной артисткой СССР Г. С. Улановой. Это ценнейшая миниатюра пушкинского времени с изображением балерины А. И. Истоминой, воспетой Пушкиным в «Евгении Онегине». Миниатюра, выполненная художником Ф. Винтергальтером, ранее хранилась в собрании вел. кн. Николая Михайловича и воспроизведена им в его издании «Русские портреты XVIII и XIX столетий», т. III, вып. 3, таблица XV, портрет 93.

Небольшое, но ценное музейное собрание картин и этюдов пушкинских мест Псковской губернии 1899 г. выдающегося художника-передвижника В. М. Максимова пополнилось его картиной (масло), изображающей лестницу Святогорского монастыря, ведущую к могиле поэта. Выполненная в характерной для художника манере, картина является одной из лучших в этой серии. Поступил также портрет маслом министра народного просвещения А. К. Разумовского работы неизвестного художника. Значительно обогатил собрание ВМП приобретенный альбом художника Е. Ф. Рейтерна 1830—1832 гг. Среди акварелей и рисунков — виды Петергофа, Петербурга (Петропавловская крепость, Петровский остров, Елагин остров, перевозчики на Неве), дачи в Царском Селе, интерьеры в усадьбах, пейзажи, бытовые и жанровые сцены и др.

А. Ю. Вейс, Т. К. Галушко, Л. П. Киселева

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА)

6—8 июня 1963 г. музей А. С. Пушкина отметил 164-ю годовщину со дня рождения поэта. С рассказом о новом автографе Пушкина на книге В. Скотта «Айвенго» выступила журналистка Н. А. Дилигенская. В трех концертах, посвященных Пушкину, выступали народные артисты СССР В. О. Топорков и М. Ф. Астангов, народные артисты РСФСР П. М. Норцов, Д. Н. Журавлев и др.

На материалах музейных фондов к юбилейной дате в музее открылись две выставки: «Пушкин в иллюстрациях советских художников» и «Портрет и пейзаж первой половины XIX в.».

С каждым годом московский музей приобретает все большую известность и популярность. В 1962 г. музей посетило более 70 тыс. человек. По воскресным дням в музее проводятся разнообразные вечера: художественное чтение, музыка, рассказы о музее, вечера поэзии. За сезон 1962 г. проведено 38 вечеров. Большую популярность приобрели вечера рассказов научных сотрудников музея о музейных материалах.

Значительно пополнилась фонотека музея. Сейчас в ней хранится около 300 записей. Среди них произведения Пушкина в исполнении В. Аксенова, М. Астангова, Д. Журавлева, В. Качалова, Р. Симонова, В. Яхонтова, А. Шварда и др. Музыкальная часть фонотеки состоит из романсов на слова Пушкина Верстовского, Даргомыжского, Глинки, Римского-Корсакова, Метнера, Свиридова и многих других композиторов, арий и дуэтов из опер, написанных на сюжеты Пушкина, в исполнении лучших певцов нашего времени и целых конкретных программ, как например «Пушкинская тема в творчестве С. Прокофьева». Каждый четверг

в музее проводятся вечера звукозаписи. Магнитофон часто используется на утренниках для школьников.

Среди приобретений 1962 г. — портреты Д. В. Давыдова (раб. Лангера), Д. В. Веневитинова (раб. П. Ф. Соколова с Лагрене), В. А. Соллогуба (раб. Росси), Е. А. Карамзиной (литография 1-й половины XIX в.), изображение Пушкина в гробу (литография Ф. А. Бруни, 1837 г. — редчайший лист), медная доска для гравирования с портретом Пушкина (раб. П. К. Константинова, середины XIX в.) и др., пейзаж Г. Чернепова, два вида Москвы Ф. Я. Алексеева (масло). Пополнились и книжные фонды. Музей приобрел альманах «Памятник отечественных муз на 1827 г.» (с первой публикацией некоторых лицейских стихотворений Пушкина), «Северные цветы на 1829 г.» (с первой публикацией главы из «Арапа Петра Великого» и ряда лирических стихотворений), «Кавказский пленник», 1823 г. в переводе на немецкий яз. Ольдекопа, «Дядюшки А. Мицкевича, Париж, 1833 г.», «Простонародные песни нынешних греков», 1825 г., с автографом переводчика Н. И. Гнедича и др. Музей получил более 200 даров от частных лиц. Наибольшую ценность представляют «Северные цветы на 1828 г.» с гравюрой Н. Уткина, миниатюрное издание «Евгения Онегина», 1899 г. (от засл. арт. РСФСР Е. К. Катульской), единственное прижизненное издание стихотворений А. А. Дельвига, 1829 г. (от проф. Н. Н. Малова), эскизы декораций и костюмов В. Ф. Рындины к постановке «Египетских ночей» в Камерном театре (от автора), предметы прикладного искусства и убранства 1-й половины XIX в. (от А. В. Богдановой-Орловой), конторка, принадлежавшая П. А. Вяземскому (от В. П. Шереметьева) и т. д. Музеем приобретены также работы советских художников: П. Я. Павлинова, Н. В. Фаворского, Е. Н. Голяковского, П. Л. Бунина, В. А. Свешникова, П. П. Соколова-Скала и др. (преимущественно иллюстрации к Пушкину).

За 1962 юбилейный год музей организовал или принял участие в организации 11 пушкинских выставок. В выставочных залах музея была открыта экспозиция «Пушкин и его современники» (портреты граверованные и литографированные).

В течение 1962 г. и в январе—мае 1963 г. в музее состоялось 23 открытых научных заседаний, на которых с докладами и сообщениями выступили крупнейшие пушкинисты, сотрудники музея, ученые других специальностей.

В музее были заслушаны следующие доклады и сообщения: Т. Г. Цявловская — «Памятные даты в жизни и творчестве Пушкина», докт. филол. наук А. Г. Гукасова — «Забывтый тезис Белинского о Пушкине», член-корр. АН СССР Д. Д. Благой — «Стихотворение Пушкина „Не дай мне бог сойти с ума“, канд. филол. наук Е. В. Муза — «Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина», директор Пушкинского заповедника (с Михайловское) С. С. Гейченко — «К вопросу о духовном надзоре над Пушкиным», акад. В. В. Виноградов — «Пушкинское и титовское в стиле „Уединенного домика на Васильевском“», Т. Г. Цявловская и Н. А. Дилигенская — «Новые автографы Пушкина», канд. филол. наук И. М. Семенко — «Пушкин и Жуковский», Д. В. Сеземан — «Новое издание Пушкина во Франции», проф. Н. Н. Малов — «Новые материалы о пушкинских праздниках 1880 и 1899 годов», С. Г. Шпет — «Фет о Пушкине (по неопубликованным письмам 1870-х—1880-х годов)», докт. искусствоведения И. Ф. Балза — «Историческая основа трагедии Пушкина „Мощарт и Сальери“», докт. филол. наук С. М. Бонди — «О „Мощарте и Сальери“ Пушкина», канд. педагог. наук В. Н. Стефанович — «А. Д. Баратынская — переводчица Пушкина и Гейне (по материалам архива)», канд. филол. наук С. В. Шервинский — «Театральные ремарки Пушкина».

В программу научных заседаний музея входят обсуждения новых работ пушкинистов, наиболее значительных изданий, кинофильмов, связанных с Пушкиным, программ литературных чтений и пр.

Состоялось обсуждение статьи И. Л. Фейнберга «Существует ли неизвестный дневник Пушкина?», четырехтомного издания «Словаря языка Пушкина», подготовленного Институтом языкознания АН СССР, кинофильма по сценарию Т. Г. Цявловской и С. И. Владимирского — «Рисунки Пушкина», «Собрания сочинений» А. С. Пушкина (1959—1962 гг., ГИХЛ, М.), литературной композиции артиста Центрального театра Советской Армии А. Я. Кутепова «Пушкин в лицее».

При Государственном литературном музее на общественных началах уже около четырех лет существует студия художественного слова, руководимая режиссером Н. Л. Дружининой (см.: М. Михайлова. Глаголом жечь сердца... «Московский комсомолец», 1963, 6 марта, стр. 3). В студии — 26 чел., люди разных профессий: студенты, рабочие и служащие, в основном молодежь. Выступления проходят в музеях Москвы, в школах, воинских частях, агитпунктах и библиотеках. За последний год участились выступления студийцев в институтах и студенческих общежитиях. Особая дружба связывает студию с музеем Пушкина в Москве. Когда музей еще не был открыт, студийцы выступали с пушкинскими программами в самом музее для сотрудников и вне его по поручению музея. Студия неоднократно принимала участие в воскресных пушкинских чтениях. На одном из этих вечеров был исполнен никогда ранее не исполнявшийся «Роман в письмах».

С 1963 г. при музее А. С. Пушкина стал работать другой самостоятельный коллектив, которым руководит режиссер А. Г. Бовшек. Его участники — школьники старших классов и студенты младших курсов.

Н. Г. Винокур, Н. Л. Дружинина

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По давней традиции в пушкинских местах Псковщины ежегодно торжественно отмечают две памятные пушкинские даты — годовщина рождения и годовщина смерти великого русского поэта.

9 февраля 1963 г. представители трудящихся Псковской области собрались в Доме культуры им. А. С. Пушкина в Пушкинских Горах на памятное собрание, посвященное 126-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина. С докладом «Памяти великого поэта» (памятные пушкинские даты 1899—1937—1949 и 1962 гг.) выступил ученый секретарь Пушкинской комиссии АН СССР О. А. Пини. Затем состоялся концерт с участием мастеров искусств Москвы и Ленинграда. В этот день многочисленные почитатели гения Пушкина возложили венки на его могилу в Святогорском монастыре-музее.

Пушкинские торжества, посвященные 164-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, начались 8 июня. Вечером в Пушкинских Горах, в Доме культуры им. А. С. Пушкина, состоялось торжественное собрание. После вступительного слова директора Пушкинского заповедника С. С. Гейченко с докладом «Пушкин и современность» выступил член-корр. АН СССР Д. Д. Благой. В конце торжественного собрания заместитель председателя Псковского облисполкома П. С. Марковский от имени Президиума Верховного Совета РСФСР вручил почетную грамоту Президиума С. С. Гейченко, награжденному за многолетнюю плодотворную работу на посту директора заповедника и в связи с 60-летием со дня рождения.

Затем состоялся большой концерт, в котором приняли участие артисты балета Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, преподаватели и студенты Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, мастер художественного слова Я. Смоленский (Москва). Утром 9 июня в с. Михайловском началось народное гулянье. Тысячи людей, приехавших из Псковской, Ленинградской, Новго-

родской, Калининской областей, из Латвии, Литвы и Эстонии, из Москвы, Ленинграда, Великих Лук, Тарту, Смоленска и других городов, собрались на поле народного гулянья. После краткого митинга перед трудящимися в течение всего дня выступали мастера искусств Москвы и Ленинграда, Псковский народный хор, художественная самодеятельность ряда районов Псковской области и Латвийской ССР. Тысячи экскурсантов посетили в этот день музеи Пушкинского заповедника, старинные заповедные парки.

Всего в пушкинском празднике 9 июня приняло участие более 50 тыс. человек. А за период с июня 1962 по июнь 1963 г. Пушкинский заповедник посетили более 140 тыс. человек из самых различных мест Советского Союза. В числе гостей за это время здесь побывали писатель К. Симопов, народный художник СССР С. Коненков, маршал Советского Союза В. Чуйков, народный артист СССР В. Топорков и многие другие.

21 и 22 августа в Тригорском, в восстановленном доме Осиповых-Вульф, где 21 августа 1962 г. был открыт музей, состоялись традиционные «Пушкинские чтения», которые ежегодно организует заповедник в годовщину приезда Пушкина в михайловскую ссылку. «Пушкинские чтения» привлекают, как всегда, большую аудиторию.

В конце 1962 г. закончилось восстановление главного входа бывшего Святогорского монастыря, так называемых «святых ворот». Эти ворота заменили появившиеся в послепушкинское время «Пятницкие ворота». Восстановление старинного входа было произведено Псковской научно-реставрационной мастерской.

Ко дню рождения поэта коллектив научных сотрудников Пушкинского заповедника обычно обновляет экспозицию музеев, внося в нее новые образительные материалы и документы, новые предметы в мемориально-бытовые интерьеры; реставрируются и восстанавливаются памятники, связанные с жизнью и творчеством поэта, с историей здешних мест. Так, к двум мемориальным комнатам дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском — кабинету поэта и гостиной — прибавилась еще одна: комната няни (девичья). Предметы крестьянского быта пушкинской эпохи, старинные прялки и коклюшки для плетения кружев, псковские домотканые холсты и скатерти, вышивки (в том числе сделанные при Пушкине руками дворовых девушек Михайловского и Тригорского) — все это живо и ярко напоминает посетителям музея обстановку, в которой жила няня Пушкина, окружавшая своего питомца «кропотливым дозором» в пору его Михайловской ссылки.

В пяти шагах от домика няни восстановлен погреб, упоминаемый в рассказах современников Пушкина.

Сейчас на усадьбе поэта восстановлен еще один флигелек, в котором в пушкинское время жил управляющий имением Пушкиных Михайла Калашников. Во флигеле развернута экспозиция на темы: «Псковский край в эпоху Пушкина», «Пушкин под тайным надзором», «Пушкин и крестьянство Псковской губернии».

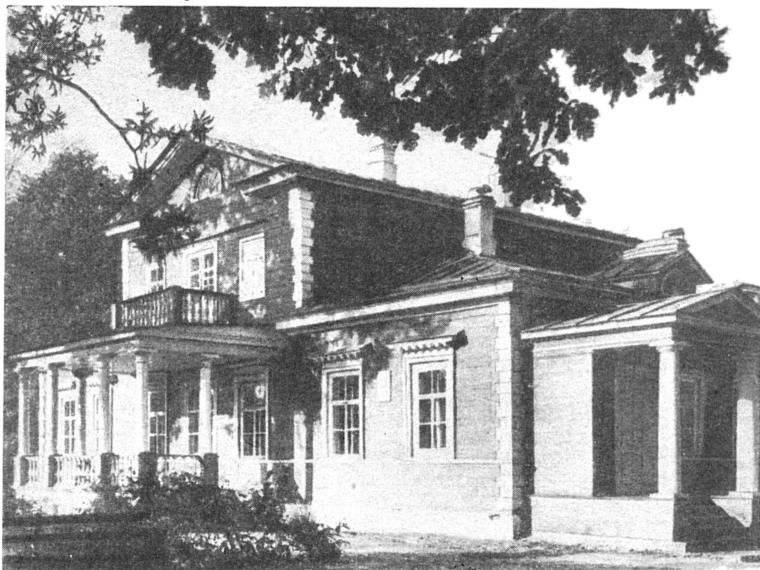
К летнему экскурсионному сезону 1963 г. Пушкинский заповедник развернул в Тригорском выставку работ ленинградского художника Г. Н. Веселова, тесно связанного в своем творчестве с пушкинской темой, с пушкинскими местами Псковщины. На выставке представлено более 80 работ. Там же открылась выставка художественной фотографии псковича Б. С. Скобельцына.

В. С. Бозырев

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

9 июня 1963 г. в музее-заповеднике А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области состоялась торжественное открытие нового музея. Новый музей размещен в бывшем барском доме Пушкиных, где до 1911 г. жили потомки брата поэта, Льва Сергеевича. (Дом построен на месте старой усадьбы, в которой останавливался Пушкин).

Экспозиция музея посвящена болдинскому периоду жизни и творчества поэта и построена по тематико-хронологическому принципу. Основные разделы рассказывают о пребывании Пушкина в Болдине в 1830, 1833,

Музей А. С. Пушкина в Болдино.

1834 гг. С наибольшей полнотой представлен первый приезд Пушкина — знаменитая «болдинская осень». Материалы этого раздела занимают 3 комнаты, одна из них целиком посвящена «Истории села Горюхина», — производству, особенно тесно связанному с крепостной действительностью старого Болдина. Здесь представлены документы крепостного быта самого Болдина — оброчные книги, записи недоимок, донесения старост, допросы беглых крепостных и т. п. На старинном бюро — подлинные календарно-месяцесловы XVIII в. с дневниковыми записями, напоминающими записи помещика Белкина в «Истории села Горюхина». В музее экспонируется также изобразительный материал эпохи: портреты, различные изображения крестьян и деревни.

С большой полнотой представлены рукописи произведений Пушкина, созданных в Болдине, его рисунки и письма. (Все документы и рукописи экспонируются в фотокопиях, сделанных особым способом на старинной бумаге и создающих впечатление подлинника). В экспозицию включены фрагменты интерьеров барских комнат пушкинского времени — подлинная

мебель XVIII—начала XIX в. Так, в «зальце» стоит гарнитур мебели русской крепостной работы начала XIX в., принадлежавший когда-то Февронье Вилляновой, болдинской крестьянке, встречавшейся с Пушкиным. Вводные и заключительные разделы музея освещают историю Болдина и болдинского имени; в первой комнате экспонируется межевой план с. Болдина 1804 г., документы XVIII в. на право владения предков поэта землями Болдина и Кистенева (в копиях). Экспозиция музея завершается разделом, посвященным советскому Болдину. При музее создан специальный «пушкинский» кабинет для самостоятельных занятий.

Помимо основной экспозиции, в пристройке к дому в трех комнатах размещена небольшая выставка, посвященная общему обзору жизни и творчеству Пушкина; она помогает музею в его работе со школьниками близлежащих районов. Выставка сделана на основе материалов прежнего болдинского музея, просуществовавшего с 1949 до 1963 г. в небольшом домике — бывший крепостной коштор. Реставрация этого сохранившегося с пушкинских времен интереснейшего памятника и создание там музея крепостного быта — одна из очередных задач, стоящих перед болдинским заповедником (Н. Лоштинин. Великому поэту. «Горьковская правда», 1963, 30 марта; Е. Павлова. Драгоценный подарок. «Вечерний Ленинград», 1963, 25 мая; С. Конкин. К нему не зарастет народная тропа. «Советская Мордовия», 1963, 9 июня).

Большую помощь в создании болдинского музея оказал Всесоюзный музей А. С. Пушкина, который провел собирательную и экспозиционную работу. Государственная комиссия, принимавшая болдинский музей, отметила высокий научный и художественный уровень экспозиции (авторы: научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Ю. И. Левина, архитектор-художник Т. Н. Вороникина).

Ю. И. Левина

МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ОДЕССЕ

Экспозиция квартиры-музея А. С. Пушкина в Одессе открыта в июне 1961 г. Она размещена в доме № 13 по Пушкинской улице (бывш. Итальянская), где в 1823 г. жил ссыльный поэт. В то время здесь была гостиница «Hôtel du Nord», хозяином которой был хороший знакомый Пушкина и известный одесский педагог К. Сикар. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какие комнаты занимал Пушкин. Экспозиция музея размещена в произвольно выбранной квартире, находящейся на втором этаже внутреннего флигеля гостиницы, в трех небольших залах, каждый из которых раскрывает следующие темы: «Высылка Пушкина из Петербурга на юг и Одесса пушкинской поры» (1-й зал), «Творчество Пушкина одесского года жизни» (2-й зал), «Влияние Пушкина на культурную жизнь Одессы» (3-й зал). Экспозиция музея в большой своей части построена на материалах, находившихся ранее в одесском историко-краеведческом музее. Значительная часть экспонатов была приобретена с помощью Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Отдельные экспонаты были получены из частных коллекций. Интересные материалы поступили от З. А. Бориневич-Бабайцевой, А. В. Недзведского, старейшего одесского издателя М. С. Козмана, одесского коллекционера С. А. Бабаджана и др. Фонды и экспозиция музея все время пополняются новыми материалами. Совсем недавно в дар музею была преподнесена очень ценная коллекция гравюр известным московским коллекционером Я. Г. Заком. В этой коллекции есть редчайшие экземпляры, которые значительно обогатят экспозицию музея.

За время существования музея его посетило около 40 тыс. человек.

Н. К. Островская

Памятник Пушкину в г. Джеконе (Кассвиле), США.

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ В г. ДЖЕКСОНЕ (КАССВИЛЛЕ), США

В статье «Новые памятники Пушкину», напечатанной в первом выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (М.—Л., 1963, стр. 97—100), сообщены данные о памятниках Пушкину, установленных за последние годы в различных городах Советского Союза и частично за границей; существует и более ранняя специальная статья Г. В. Степановой и Б. В. Шапошниковой «Скульптурные памятники Пушкину за рубежом» (Труды III Всесоюзной пушкинской конференции, М.—Л., 1953, стр. 387—395), в которой перечислены и описаны памятники русскому поэту, воздвигнутые в различных странах — в г. Бургасе (Болгария), Веймаре (ГДР) и т. д. Однако, насколько нам известно, в русской печати, донные еще не сообщалось о зарубежном памятнике Пушкину, открытом задолго до юбилейного 1949 г. и находящемся в г. Кассвилле (штат Нью-Джерси, США), недавно переименованном в г. Джексон.

Приводим краткую справку об этом памятнике в пояснение к воспроизведению почтовой открытки (в красках), на которой изображен этот памятник (на обороте открытки напечатано: «Statue of A. S. Pushkin, great Russian poet. Pushkin Memorial Park, Rova Farm, Cassville, N. Y.»); открытка прислана М. И. Печковским (Нью-Йорк), собирателем коллекции «Мировая слава Пушкина», сообщившим также несколько фактов к истории этого памятника.

Памятник Пушкину в Кассвилле был сооружен русской колонией в Северной Америке, известной под сокращенным названием РООВА (основанной еще дореволюционными эмигрантами из России и выросшей в самую мощную объединенную организацию русских в США). Автор памятника — художник и скульптор Н. В. Дмитриев, в прошлом русский адвокат. Торжественное открытие памятника состоялось в августе 1941 г. Присутствовали представители местных учреждений и организаций, журналисты, депутаты от школ вместе с учащимися, всего от 3 до 4 тыс. человек. В США ежегодно отмечается традиционный памятный день — 30 мая, это «Декорейшен Дэй» — день памяти умерших и погибших на войне. Каждый год этот день отмечается и в «РООВА Фарм». К памятнику Пушкина направляется процессия, идущая от Дома для престарелых, также открытого в память Пушкина и носящего его имя. К памятнику возлагается венок, произносятся речи взрослыми и детьми, читают стихотворение Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Затем процессия направляется к памятнику русским воинам, членам РООВА, погибшим во время второй мировой войны.

Памятник Пушкину находится в самом центре территории, принадлежащей РООВА в Джексоне (Кассвилле) (Rova Farm), неподалеку от главного дома и искусственного пруда в особом парке (Pushkin Memorial). Памятник виден издалека, так как он воздвигнут на небольшом возвышении, лежащем при скрещении дорог. Поясная скульптура поэта, держащего свиток с рукописью в левой руке, установлена на постаменте, на котором вырезано: «Pushkin. 1799—1837».

Е. М. Двойченко-Маркова

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Автограф Пушкина на титульном листе романа Вальтера Скотта «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов», 1826 г. (Стр. 6).
- Автограф Пушкина на странице романа Вальтера Скотта «Ивангое», 1826 г. (Стр. 7).
- План, начертанный неизвестной рукой на последней странице первой части «Ивангое» с указанием пути от Петербурга до Москвы и расположением имения Грузины. (Стр. 11).
- Автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии». Собрание А. Я. Полонского (Париж). (Стр. 34).
- Автограф стиха 2 элегии «На холмах Грузии» (ЦГАЛИ, Москва). (Стр. 43).
- Музей А. С. Пушкина в Болдине Горьковской области. (Стр. 121).
- Памятник Пушкину в г. Джексоне (США). (стр. 123).
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
-----------------------	---

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. Г. Цявловская. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта	5
М. П. Алексеев. Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии»	31
В. Э. Вацуро. Незвестная статья А. А. Перовского о «Руслане и Людмиле».	48
Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец»	56

ІІ. ОБЗОРЫ

О. А. Пипи. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1962—1963)	59
О. В. Творогов. Изучение языка и стиля Пушкина за последние годы	87
В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1962—1963 годов	103

ІІІ. ХРОНИКА

Некрологи	108
XV Всесоюзная пушкинская конференция	113
Десятая объединенная конференция пушкиноведов юга	113
Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград)	115
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)	117
Пушкинский заповедник Псковской области	119
Музей-заповедник А. С. Пушкина в Горьковской области	121
Музей А. С. Пушкина в Одессе	123
Памятник А. С. Пушкину в г. Джексоне (Кассвилле), США	124
Список иллюстраций	125

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Р. А. Замараева*
Корректоры *Н. И. Видре, Л. Я. Кошл*
и *А. К. Салтанова*

Сдано в набор 2/X 1965 г. Подписано к печати
19/1 1966 г. РИСО АН СССР № 9-162В. Формат бу-
маги 60×90^{1/8}. Бум. л. 4. Печ. л. 8=8 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 8.76. Изд. № 2902. Тип. вак. № 526.

М-25548. Тираж 2500.

Бумага типографская № 1

Цена 35 коп.

Ленинградское отделение Издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Б. В. Томашевский

Пушкин

Книга вторая. Пушкин в Михайловском.
Очерки творческой биографии Пушкина в 1824—1837 гг.
1961. 575 стр. *Цена 2 р. 42 к.*

Автор не успел завершить свою большую книгу о великом поэте: она обрывается на главе «Михайловское». Но и в таком фрагментарном виде последний труд крупнейшего советского пушкиниста является замечательным образцом глубокого и интересного литературоведческого анализа. В книгу входят глава, посвященная пребыванию Пушкина в Михайловском, и отдельные очерки: «История разгадки десятой главы «Евгения Онегина», «Из пушкинских рукописей», «Лирика и поэмы Пушкина» и др.

Временник Пушкинской комиссии за 1962 г. 1963.
106 стр. *Цена 50 к.*

Пушкин. Исследования и материалы. Труды 3-ей
Всесоюзной Пушкинской конференции. 1963. 466 стр.
Цена 40 к.

**Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский
Дом после 1937 года.** Краткое описание. Составила
О. С. Соловьева. 1964. 112 стр. *Цена 45 к.*

Ваши заказы просим присылать по адресу:

**Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, «Академкнига»,
магазин «Книга — почтой»**

*Иногородние заказы выполняются наложенным
платежом*